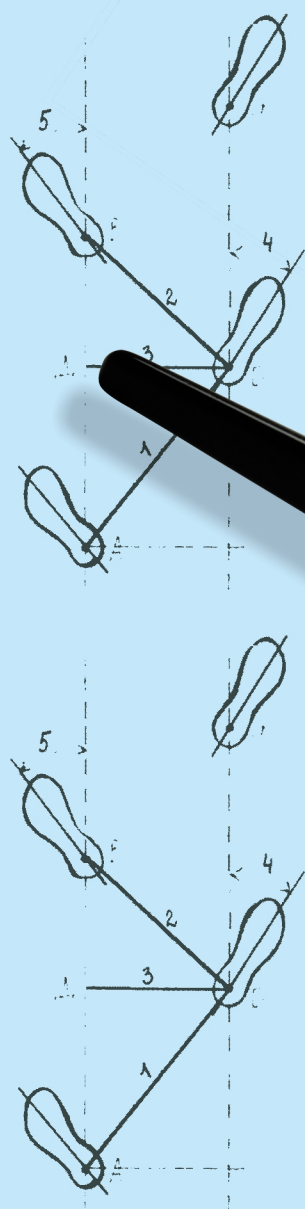

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаульский юридический институт

МАТЕРИАЛЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

60
БАРНАУЛЬСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

Барнаул 2017

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Барнаульский юридический институт

МАТЕРИАЛЫ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

Барнаул 2017

ББК 67.52.я431

М 431

Редакционная коллегия:

Кругликова О.В. – канд. юрид. наук;

Шебалин А.В. – канд. юрид. наук;

Остробородов В.В. – канд. мед. наук, доцент;

Михалёва Д.А. – канд. юрид. наук;

Шкурихина Н.В. – канд. юрид. наук, доцент (ответственный секретарь).

М 431 **Материалы** криминалистических чтений / под ред.
О.В. Кругликовой. – Барнаул : Барнаульский юридический институт
МВД России, 2017. – 100 с.
ISBN 978-5-94552-299-2

Сборник содержит материалы криминалистических чтений, традиционно проводящихся в Барнаульском юридическом институте МВД России. Работы, включенные в сборник, охватывают круг проблем, связанных с процессом раскрытия и расследования преступлений, с внедрением и применением новейших технологий и методик экспертного исследования изъятых с места происшествия вещественных доказательств, с особенностями осмотра места происшествия по отдельным видам и группам преступлений.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, адъюнктов, курсантов и студентов юридических вузов системы МВД России и юридических факультетов учебных заведений Министерства образования и науки, а также для практических работников правоохранительных органов.

ББК 67.52.я431

ISBN 978-5-94552-299-2

© Барнаульский юридический институт
МВД России, 2017

Т.А. Алексеева

*Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники*

Использование типологического подхода при проведении психофизиологического исследования (на примере эпилептоида и истероида)

Проведение психофизиологического исследования при помощи полиграфа в настоящее время приобретает все большее распространение, поэтому неудивителен и интерес ученых к данной теме.

При проведении такого рода экспертиз используется три типа вопросов: нейтральный, проверочный и контрольный. Проверочный вопрос касается непосредственно темы проверки, нейтральный содержит в себе факты биографического или повседневного характера. Наибольший интерес представляет контрольный вопрос, к которому предъявляются следующие требования: 1) вопрос должен иметь определенную ситуационную значимость для опрашиваемого; 2) вопрос не должен иметь прямого отношения к основной теме исследования; 3) опрашиваемый должен дать заведомо ложный ответ или сомневаться в ответе.

Можно выделить следующие темы для контрольных вопросов: 1) самооценка: «Вы честный человек?»; 2) навыки и способности: «Вы умеете лгать?»; 3) условное поведение: «Вас можно силой заставить пойти на воровство?»; 4) совершенное действие: «Раньше вам приходилось что-либо красть?».

Содержание контрольных вопросов может включать в себя действия, поступки, мысли, желания, которые человек обязательно совершал, но в которых человеку стыдно сознаваться постороннему. Существующие варианты типовых контрольных вопросов подразумевают, что при ответах на них опрашиваемый будет реагировать нужным полиграфологу образом. Однако проблема состоит в том, что довольно часто контрольный вопрос «не работает». Избежать подобного поможет использование типологического подхода при формулировании вопросов. Прием типологии позволяет не только персонифицировать вопросы исследования, но и скорректировать линию поведения самого специалиста, с тем чтобы расположить к себе опрашиваемого.

Рассмотрим характеристики такого психологического типа, как эпилептоид. Внешне он характеризуется средним телосложением, обычно

аккуратно одет, часто выбирает классический стиль одежды. Уровень пластичности - ниже среднего, движения резкие, порывистые. Эпилептоида отличает высокий уровень активности, гневливость, взрывчатость, готовность обвинять, придирчивость, злопамятность, мстительность, консервативность в отношениях с другими людьми, развитые организаторские способности. Он требователен и придирчив к окружающим и себе, быстро принимает решения, стремится доминировать, нетерпим к инакомыслию, ревнив, способен к оперативному реагированию, наиболее близок к холерическому типу темперамента. Типовой страх – страх конкуренции. Речь эпилептоида хорошо организована и понятна, говорит он четко и громко, добросовестно выполняет нормы ритуального общения. Не раскрывается, не стремится глубоко познать других, не понимает эмоционального общения. В общении или доминирует, или подчиняется. Негативно воспринимает ограничение возможности проявлять свой авторитет, свою власть над другими людьми, критику действий и насмешки над его недостатками, ущемление его прав и интересов, неподчинение ему лиц, не являющихся для него авторитетами [1, с. 285-286].

Можно сделать вывод, что наиболее значимыми вопросами для эпилептоида будут вопросы на самооценку и вопросы на навыки и способности, причем они должны быть сформулированы таким образом, что человеку должно быть неловко отвечать на них отрицательно (хотя для себя он выбрал бы ответ «да») или он должен сомневаться при ответах.

Предлагаются следующие формулировки контрольных вопросов для эпилептоида: 1) Вы злой, агрессивный человек? 2) Вас можно назвать злопамятным или мстительным человеком? 3) Вам важно только ваше мнение? 4) Вам плевать на мнение окружающих? 5) Вы не умеете держать себя в руках? 6) Вы способны подставить? 7) Вы с легкостью пойдете «по головам» для достижения своей цели? 8) Вы считаете, что подчиняться должны только вам? 9) Вы требовательны только к другим, но не к себе? 10) Вам трудно признать достойного конкурента? 11) Вы уверены, что Вы квалифицированный сотрудник / руководитель?

Если на некоторые вопросы опрашиваемый все-таки будет давать утвердительные ответы, то полиграфологу следует засомневаться в его честности, сделать акцент на том, что он не понимает смысла исследования, тем самым вызвав дополнительное сомнение и, как следствие, необходимые психофизиологические реакции.

Следующий тип, который иногда называют «типом лжеца», – истероид. Внешне старается выделиться оригинальной прической, одеждой, отдельными деталями костюма, любит ярлыки и фирменные знаки на одежде. Характеризуется шумным, эпатажирующим, привлекающим внимание поведением, достаточно артистичен, самостоятелен и независим, обладает высоким уровнем пластичности. Особенностью характера и поведения истероида являются такие черты, как эгоцентризм – стремление быть в центре внимания, сосредоточенность мыслей на себе, ориентация только на собственные желания; завышенная самооценка, стремление «напращиваться на комплимент», чрезвычайное честолюбие, вера в свою исключительность. Истероиду свойственны склонность к интригам, демагогии и отстраненности при неудовлетворенном эгоцентризме; игра в вожака вместо настоящего лидерства; ненадежность, лживость и лицемерие; трусость; необдуманный риск (в присутствии зрителей); хвастовство; обидчивость при задевании личности; эмоциональная черствость. Стремление всегда выделяться приводит к нелюбви к физическому труду. Типовым страхом является страх остракизма. Предпочитает монологи о себе, при этом любит публичные формы общения и общается с теми, кто им восхищается. Общение для него – это демонстрация себя, а не установление контакта [1, с. 284-285].

Для истероида значимыми темами для контрольных вопросов будут «самооценка» и «навыки и способности», т.к. именно в указанных темах вопросы касаются самой волнующей темы рассматриваемого психотипа – его самого. Вопросы, касающиеся условного поведения и совершенного действия, не будут столь эффективны, т.к. ответы на них, с большой долей вероятности, будут содержать ложь, в которую тестируемый сам искренне поверит.

Предлагаются следующие формулировки контрольных вопросов для истероида: 1) Вы эгоцентричный человек? 2) Вы считаете себя красивее и талантливее окружающих? 3) Вы часто обманываете? 4) Вас можно назвать хорошим лжецом? 5) Вы считаете, что физическим трудом занимаются только дураки? 6) Вас раздражает невнимание к Вашей персоне? 7) Ваши знания достаточно поверхностны? 8) Вы считаете, что манипулировать людьми – это нормально? 9) Самое главное в человеке – это его внешность? 10) Вам нравится обманывать других?

Литература

1. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2014. 294 с.

А.Н. Алехин, доктор мед. наук, профессор
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена;

Е.С. Черкасова, канд. психол. наук
Институт повышения квалификации
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации (с дислокацией в г. Новосибирск)

Взаимосвязь парафилии и противоправного поведения: некоторые проблемы установления

Актуальность исследования взаимосвязи между противоправным поведением и диагностикой у подозреваемого парафилии лежит в плоскости следственной деятельности и экспертной практики. В процессе расследования сексуальных преступлений девиантного характера сотрудники Следственного комитета Российской Федерации

сталкиваются с диссимуляцией парафилий. При этом подозреваемый встает в установочную позицию, всеми мерами пытаясь не раскрыть перед следователем наличие расстройства сексуального влечения. Данная тактическая особенность его поведения, даже в условиях отсутствия логического мышления или высокого уровня интеллекта, выглядит для самого подозреваемого жизненно необходимой, ведь, раскрывая собственное отклоняющееся сексуальное поведение, он, по сути, признает инкриминируемое ему деяние. Именно поэтому на этапе следствия необходимо уделить особое внимание анализу состояния подозреваемого в момент совершения деликта. Данная тактика способна нивелировать значение критериев, отражающих общий уровень адаптации подозреваемого вне его сексуальной активности [2, с. 192]. Одной из проблем установления взаимосвязи между парафилией и преступным деянием в этом плане является привычка следователей

ориентироваться на указанный выше общий уровень адаптации подозреваемого, например, в своей профессиональной сфере или в иной другой, но не относящейся к его сексуальному поведению. Отражением данной проблемы в материалах уголовного дела являются запрототолированные показания подозреваемого, объясняющего собственное сексуальное поведение как «внезапное», «непонятно как возникшее», «раскрепощенное», «расторженное», «со снятыми тормозами» и т.д., т.е. характеризующие поведенческие паттерны, призванные создать у следователя иллюзию произвольного, сознательного поведения. При проведении комплексных сексолого-психолого-психиатрических экспертиз данные показания трансформируются в сохраненные волевые и когнитивные процессы. Таким образом, утрачивается аутохтонность и плохая осознаваемость сексуальных побуждений подозреваемого, что характерно при парафилии.

Еще одна проблема в установлении взаимосвязи между расстройствами сексуальных влечений и противоправным деянием лежит в динамической плоскости. Проведение длительного анализа поведения, в т.ч. и сексуального, изначально начинается в ходе следственных мероприятий, переходя в сбор сексологического анамнеза в ходе экспертизы. Понимание динамики патологии влечений, способность к критическому анализу сообщенной подозреваемым информации, установление глубины психопатологического состояния за счет аналитического подхода к отдельным поведенческим паттернам дает возможность оценить реализуемое девиантное сексуальное побуждение при совершении преступления.

Качественный анализ психопатологических особенностей сексуального поведения при раскрытии и расследовании соответствующей категории преступлений базируется на теоретическом знании о трех психопатологических вариантах: навязчивом, обсессивно-компульсивном и импульсивном. Следователь, специализирующийся на расследовании сексуальных преступлений, должен иметь представление о каждом из выше-названных вариантов, понимая его клинические особенности, очерченность и стадии протекания: продромальную, непосредственной реализации и стадию завершения.

Психопатологический вариант навязчивости характеризуется болезненным влечением, причиняющим душевные страдания в сочетании с осознанностью последствий в случае реализации своего влечения. Отличительной особенностью данного варианта являются аффективно окрашен-

ные фантазии. Лица, страдающие данным психопатологическим вариантом, зачастую длительное время способны как осознавать неприемлемость этих фантазий и мыслей, так и подавлять их. Совершенное преступление диагностируется как декомпенсация нарушения психики. Важно, что даже на пике влечения критическая оценка собственного противоправного поведения сохранена, именно поэтому в ходе раскрытия преступлений возникают трудности в установлении подозреваемого, который скрывает следы своего сексуального преступления, соблюдает меры предосторожности.

Психопатологический вариант в виде обсессивно-компульсивного расстройства включает в себя следующие отличительные особенности: растущие аффективные нарушения, зачастую доходящие до депрессивных и дисфорических расстройств; нарастающая борьба мотивов; усиливающиеся сексуальные фантазии; нарушения сна; нарастание тревожности; нарушение общей активности; поглощенность фантазиями и переживаниями. На пике борьбы мотивов такие лица могут задумываться о суициде, реализации которого мешает захваченность и суженность сознания. Нарастающая тревога характеризуется отрывочными бредовыми идеями о том, что окружающие знают их сексуальные фантазии, осуждают их. В момент реализации преступного деяния в условиях «победы» перверзного сексуального влечения наблюдаются вегетативно-сосудистые нарушения, о которых в ходе допроса подозреваемые часто говорят: «меня трясло», «руки похолодели», «пот капал с рук» и т.д. Симптоматика вегетативно-сосудистых нарушений напоминает вегетативный криз. После завершения деликта в данном психопатологическом варианте могут проявляться попытки помощи жертве, но чаще о таких попытках подозреваемые говорят в ходе следственных действий в рамках реализуемого социально-приемлемого установочного поведения: «я ее (его) пожалел», «я помог», «я спасал» и т.д.

Установление импульсивного влечения в ходе следственных мероприятий не представляет особой сложности: деперсонализация жертвы [3, с. 63-66], внутреннее максимально сильное напряжение, страх и тревога, о которой говорят подозреваемые, – все это в сочетании с особенностями совершенного преступления, отличающегося садистскими и агрессивными проявлениями, устанавливается следствием в сжатые сроки. Импульсивное влечение в большинстве случаев приводит к совершению категории тяжких и особо тяжких преступлений [1, с. 12], относящихся к

сексуальным по способу совершения, нанесенные телесные повреждения на теле жертвы указывают на почерк преступника.

Профессиональная диагностика диссимуляции парафилий в ходе следственной работы позволяет отразить в материалах уголовного дела, направляемых на экспертизу, весь спектр поведенческих актов подозреваемого, давая возможность при проведении комплексной экспертизы объективизировать результаты в ходе патопсихологического исследования.

Литература

1. Ратинова Н.А. Саморегуляция поведения при совершении агрессивно-насильственных преступлений: дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
2. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М., 2014.
3. Черкасова Е.С. Психологические особенности stalking в изучении преступника, совершающего серийные сексуальные преступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 1 (7). С. 63-66.

А.Т. Анешева, канд. юрид. наук
Омская академия МВД России;
К.С. Сидорова
Омская академия МВД России

Проверка сообщения о совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ

Изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», актуализировали действующее законодательство относительно реалий правоприменительной практики в сфере незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, предусмотрев уголовную ответственность за совершение данной категории преступлений с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-коммуникационных сетей.

Принятие решения о возбуждении уголовного дела, в т.ч. и по факту незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, возможно лишь при условии наличия для этого соответствующих поводов и основания.

В правоприменительной практике по делам рассматриваемой категории наиболее распространенными поводами для возбуждения уголовных дел встречаются следующие: заявление о преступлении, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; явка с повинной.

Анализ следственной практики показывает, что подавляющее большинство уголовных дел возбуждается по сообщению о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников, представленном в виде рапорта об обнаружении признаков преступления. В качестве такого сообщения выступают результаты оперативно-разыскной деятельности, представленные в соответствии с Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной приказом МВД России № 776 от 27.09.2013. Реже в органы внутренних дел поступает заявление о преступлении, сделанное как в устной, так и в письменной форме.

Заявление о преступлении, предусмотренном п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, поступает в органы внутренних дел, как показывает правоприменительная практика, от граждан, наблюдающих за длительным осуществлением поисковых действий в клумбах, сугробах, на детских площадках и т.п.

Согласно части 2 ст. 140 УПК РФ основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В связи с тем, что по делам различных категорий степень достаточности данных не является одинаковой, законодатель оставил этот вопрос на усмотрение лица, компетентного принять решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Мы разделяем мнение профессора В.В. Степанова: «Под достаточным основанием к возбуждению уголовного дела нужно понимать минимум фактических данных, содержа-

щих признаки преступления, относящиеся к объективной стороне. Из изложенного отнюдь не вытекает недопустимость собирания во время предварительной проверки сведений о лице, совершившем преступление, и о виновности его. Однако если такие данные попадают в поле зрения проверяющего, то их надо собирать и использовать» [6, с. 54].

Круг обстоятельств, подлежащих установлению по делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, рассмотрен в трудах многих авторов [2, 8, 9]. В связи с этим мы сформулируем круг обстоятельств, подлежащих установлению применительно к п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. Разъяснения Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими веществами» в редакции Постановления от 16 мая 2017 г. не содержат разъяснений относительно применения квалифицирующего признака, предусматривающего уголовную ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, когда используются средства массовой информации либо электронные или информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет).

Общедоступность сети Интернет и её ресурсов, а также анализ правоприменительной деятельности свидетельствуют о том, что в целях экономии времени и исключения физического контакта между соучастниками преступлений рассматриваемой категории (организатор, курьер, заказчик, диспетчер, специалист, вербовщик) [7] последние всё чаще совершаются с использованием ресурсов сети Интернет [1, 5].

Таким образом, у сотрудников, занимающихся проверкой сообщения о подобном преступлении, возникают сложности, обусловленные необходимостью получения достаточных оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Это связано с тем, что необходимо доказать не только факт сбыта наркотических средств, но и то, что незаконные действия были выполнены с использованием сети Интернет, поскольку имеются случаи относительно того, когда в суде признавали недоказанным данный квалифицирующий признак [4].

В качестве одного из обстоятельств, подлежащих установлению применительно к противоправным деяниям, предусмотренным п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, следует назвать обязательное установление факта использования средств массовой информации либо электронных или инфор-

мационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) при совершении преступления.

Так, в ходе проверочных мероприятий в целях установления всех обстоятельств преступления и наличия при их совершении вышеуказанного квалифицирующего признака, считаем целесообразным детально выяснять сведения, касающиеся способа сбыта наркотических средств, а также сведения, касающиеся способа связи между участниками преступного посягательства.

В сети Интернет существует множество сайтов, посвящённых наркотикам и их потреблению. Так, например, один только поисковый сервер «Google» даёт ссылку почти на 200 000 сайтов по теме наркотиков [3]. Если несколько лет назад наркотические средства чаще всего сбывали «из рук в руки», то в настоящее время становится актуальным способ сбыта посредством сети Интернет, а именно путем создания интернет-сайтов по продаже наркотических средств, различных публикаций о продаже на сайтах социальных сетей и т.д.

При осуществлении проверки сообщения о преступлении рассматриваемой категории интересующие правоохранительные органы web-страницы рекомендуется незамедлительно осматривать путем производства такого следственного действия, как осмотр предметов, до возбуждения уголовного дела в связи с тем, что в считанные доли секунд сайт может быть удален или заблокирован. В ходе осмотра необходимо отражать адрес web-страницы (указатель на используемый протокол «http:», разделитель «//», доменное имя «www.prodarnarkotic.ru») и пути к конкретной web-странице «/index.html». Также необходимо в протоколе следственного действия отражать словесные и графические детали страницы, в которых могут содержаться контактные данные, ссылки на дополнительные ресурсы в сети Интернет, и в целом отражать специфику работы того или иного сайта. Помимо этого, в настоящее время, используя сайт в сети Интернет «<https://www.reg.ru/whois/>»¹, имеется возможность узнать информацию о доменном имени и его Администраторе. В качестве приложений к протоколу осмотра следует приобщать твердые копии электронных файлов, содержащих скриншоты

¹ WHOIS (от англ. *who is* «кто это») – сетевой протокол прикладного уровня, базирующийся на протоколе TCP (порт 43). Основное применение – получение регистрационных данных о владельцах доменных имён, IP-адресов и автономных систем. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/WHOIS> (дата обращения: 02.10.2017).

значимых для розыска сведений, полученных через функцию «print screen».

В настоящее время участниками общения, в т.ч. и в ходе совершения преступления, все чаще становятся пользователи различных социальных сетей и мессенджеров. Подготовка к совершению преступления, сам его ход, иные подробности относительно места приобретения, расположения тайника (закладки), времени получения происходят в ходе переписок пользователей с использованием различных ресурсов сети Интернет. Выяснение данных об аккаунтах пользователей, технических устройствах, используемых при этом, фактах технологического взаимодействия пользователя с сайтом или мессенджером и т.п., будет также отражать факт использования сети Интернет в ходе совершения преступления.

Таким образом, на этапе проверки сообщения о преступлении, предусмотренном п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, необходимо устанавливать не только общепринятые при этом сведения по делам о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, но и обращать особое внимание на установление обстоятельств использования злоумышленниками сети Интернет и её ресурсов. Установление и своевременная фиксация такой информации позволит в дальнейшем использовать следы в сети Интернет, обеспечивая, таким образом, сохранность доказательственной информации в процессе доказывания с момента осуществления проверки сообщения о преступлении.

Литература

1. Вынесен приговор по делу о незаконном сбыте наркотических средств с использованием сети Интернет в значительном размере организованной преступной группой // Южная транспортная прокуратура. URL: <http://www.utprok.ru/news/13763.html> (дата обращения: 02.10.2017).
2. Макеева Н.В., Самолаева Е.Ю., Титовец И.В. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: учеб. пособие. М., 2011.
3. Паутова Т.А. Выявление, документирование и расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в том числе с использованием электронных средств оплаты // Концепт. 2013. Т. 3. С. 1216-1220. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53246.htm> (дата обращения: 02.10.2017).
4. Приговор суда по ч. 5 ст. 228.1 УК РФ № 1-322/2017. URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/253244.html> (дата обращения: 01.10.2017).
5. Сотрудники полиции задержали двух мужчин, организовавших сбыт наркотических средств с использованием сети Интернет // Управление МВД России по Омской области. URL: <https://55.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/6499807/> (дата обращения: 02.10.2017).
6. Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972.
7. Чистанов Т.О. Незаконный сбыт наркотических средств с использованием телекоммуникационных сетей и устройств // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11 (53). Ч. 1. С. 86-88. URL: <https://research-journal.org/law/nezakonnyj-sbyt-narkoticheskix-sredstv-s-ispolzovaniem-telekommunikacionnyx-setej-i-ustrojstv/> (дата обращения: 01.10.2017).
8. Чистова Л.Е. Расследование контрабанды наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества: монография. М., 2015.
9. Чистова Л.Е. Расследование преступлений, связанных с организацией либо содержанием приютов для потребления наркотических средств или психотропных веществ: монография. М., 2011.

Е.А. Ануфриева, канд. юрид. наук

Новосибирский государственный
технический университет;

А.С. Ладоскин

ООО «Новосибирская юридическая фирма»

Предмет преступного посягательства по делам о преступлениях, связанных с формированием доказательств в гражданском и арбитражном процессе

Путь от вероятности к истинности складывается из совокупности процессуальных действий по утверждению сторон и других лиц, участвующих в деле, о фактах, имеющих правовое значение по делу (искомых фактах), из указания заинтересованных лиц на доказательства, представления доказательств, истребования доказательств судом по ходатайству лиц, участвующих в деле, или, в отдельных случаях, по своей инициативе, исследования и оценки доказательств [6, с. 34]. Этот процесс установления фактов по делу, отмечает Ю.К. Свиридов, принято называть доказыванием или процессом доказывания [5, с. 122].

Процесс формирования доказательств и самого доказывания находится под защитой уголовного закона. Вместе с тем, как показывает анализ судебной практики, нередко судами принимаются неправожденные решения из-за различных форм преступного противодействия законному и нормальному процессу доказывания при осуществлении гражданского и арбитражного судопроизводства со стороны участников процесса, а также третьих лиц. В первую очередь речь идет о фактах фальсификации доказательств по гражданским и арбитражным делам, оказания воздействия на свидетелей, дачи заведомо ложных показаний в суде свидетелями, отказа от дачи показаний и других противоправных деяниях.

Важное значение в криминалистической характеристике преступлений данной категории занимает информация о предмете преступного посягательства, т.е. том виде доказательств, на которое направлено преступное воздействие.

Определение доказательств в гражданском и арбитражном процессах дается как на законодательном, так и на теоретическом уровне. Данное понятие регламентируется ст. 64 АПК РФ и ст. 55 ГПК РФ. Вместе с тем в научной среде присутствуют дискуссии относительно определения содержания понятия «доказательства» применительно к гражданскому и арбитражному судопроизводству. При этом большинство авторов при-

держиваются той концепции определения доказательств, которая закрепляет сущность доказательств как единство процессуальной формы и содержания [3, с. 259]. Как правильно отмечает В.А. Попов, «дополнительным плюсом данной позиции является также то обстоятельство, что она отражает не только правовую суть доказательства, но и указывает при этом на различные способы, с помощью которых закрепляются доказательства, делает ссылку на порядок исследования и закрепляет краеугольное значение гражданско-процессуальной формы при использовании доказательств» [4, с. 30].

Анализ ст. 64 АПК РФ и ст. 55 ГПК РФ позволяет выделить следующие характерные черты доказательств в гражданском и арбитражном процессе: сведения о фактах, на основании которых гражданский (арбитражный) суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле (сторон); обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения гражданского или арбитражного дела; получение указанных сведений в установленном гражданским и арбитражным законодательством порядке.

Перечень доказательств по гражданскому делу определен ст. 55 ГПК РФ значительно уже и включает в себя: объяснения сторон и третьих лиц; показания свидетелей; письменные доказательства; вещественные доказательства; аудио- и видеозаписи; заключения экспертов. Список доказательств, определенный ст. 64 АПК РФ, несколько шире, и также включает в себя консультации специалистов, иные документы и материалы. При этом в качестве доказательств допускаются объяснения лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса, полученные путем использования систем видеоконференцсвязи.

Для более глубокого уяснения сущности предмета преступного посягательства преступлений, связанных с формированием доказательств по гражданским и арбитражным делам, необходимо провести классификацию таких доказательств. В науке гражданского и арбитражного процесса можно встретить различные классификации доказательств. Однако не всегда основания классификации, выделенные специалистами в области указанных наук, применимы для нужд криминалистического исследования. В этой связи рассмотрим лишь отдельные критерии классификации, которые позволяют выделить доказательства, исходя из особенностей совершения противоправных посягательств на них:

1) по процессу формирования сведений о фактах: первоначальные (показания свидетеля-очевидца; оригиналы документов (договоров; протоколов собраний учредителей, векселей); вещественные доказательства и пр.); производные виды (показания свидетеля, данные со слов иного лица – очевидца событий, относящихся к рассматриваемому гражданскому или арбитражному делу; копии документов (договоров; протоколов собраний учредителей, векселей и пр.).

Следует отметить, что противоправные посяательства на производные виды доказательств осуществляются наиболее часто. Это связано с тем, что фальсификацию копий документов осуществить легче с технической стороны;

2) в зависимости от источника формирования доказательства:

2.1. вещественные:

- документы: платежные документы (квитанция к приходному ордеру, платежное поручение, кассовый чек и др.); документы, устанавливающие права собственности на объекты недвижимости (договор поставки купли-продажи, займа и пр.); протоколы собрания учредителей организации; отчет об итогах голосования собрания участников организации; другие документы;

- предметы (автомобиль; оргтехника; рекламные баннеры; некачественный товар и пр.);

- аудио-, видеозаписи;

2.2. личные: показания сторон; показания свидетелей; заключение эксперта.

Завершая анализ вышеизложенного, следует

отметить, что детальное изучение сведений о предмете преступного посяательства по делам о преступлениях, связанных с формированием доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, позволит получить дополнительную информацию о способах и обстановке подготовки, совершения и сокрытия преступления и механизме следообразования.

Литература

1. Ануфриева Е.А., Ладочкин А.С. К вопросу о допустимости использования знаний криминалистики в сфере гражданского, арбитражного и административного судопроизводства // Власть Закона. 2016. № 3 (27). С. 109-115.

2. Бабарыкина О.В. О структуре классификации доказательств в гражданском процессе // Российский судья. 2009. № 12. С. 14-18.

3. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушников. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2007. 784 с.

4. Попов В.А. Особенности исследования электронных документов и их применения в качестве доказательств в гражданском и арбитражном процессе // Армия и общество. 2013. Вып. 5 (37). С. 29-34.

5. Свиридов Ю.К. Процесс доказывания в гражданском и арбитражном процессах: к постановке проблемы // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 4. С. 122-127.

6. Треушников М.К. Судебные доказательства: монография. М.: Городец, 1997. 320 с.

*Н.А. Архипова, канд. юрид. наук
Барнаульский юридический институт МВД России*

Подготовительный этап производства получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами

Правоохранительные органы все чаще сталкиваются с необходимостью вовлечения в процесс расследования преступлений информации, связанной с использованием средств мобильной связи. Расширяется следственная и судебная

практика использования указанной информации в целях доказывания. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами дает возможность следователям установить присутствие подозреваемого (обвиняемого) в определенном месте и времени, направление их перемещения, наличие соучастников, характер их взаимоотношения, факт противодействия расследованию, серийный характер совершения преступлений. Однако криминалистической теоретические положения по проведению данного следственного действия разработаны пока слабо. Поэтому на практике следователи сталкиваются с множеством проблем, требующих своего разрешения.

Следует отметить, что в п. 24.1 ст. 5 УПК РФ определено, что получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – это получение сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приемо-передающих базовых станций. Кроме того, постановлением Пленума ВС РФ от 1 июня 2017 г. разъяснено, что к другим данным, позволяющим идентифицировать абонентов, могут относиться сведения о коде абонентского устройства или о местонахождении телефонного аппарата относительно базовой станции [1].

Подготовка к проведению данного следственного действия включает в себя изучение материалов дела на предмет наличия в них оснований для получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами от операторов связи. Анализ судебно-следственной практики позволил прийти к выводу, что сведения, обосновывающие необходимость проведения следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ, содержались в протоколах допроса потерпевшего (свидетеля), подозреваемых (обвиняемых), протоколах выемки (обыска), протоколах проверки показаний на месте, в ответах на запрос, полученных от операторов связи, и др.

После определения того, какая информация будет представлять интерес для расследования преступления, важно установить, какие организации, предоставляющие услуги связи, смогут ее предоставить. На данном этапе следователь устанавливает юридическое наименование данной организации, адреса расположения учреждений и имена их руководителей, на которых, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, возлагается обязанность предоставить всю затребованную информацию.

Для получения сведений от операторов связи следователю необходимо вынести постановление о возбуждении перед судом ходатайства о получении информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Содержание указанного постановления определено ч. 2 ст. 186.1 УПК РФ.

В зависимости от времени отображения информации в базе данных операторов связи относительно момента совершения преступления и проведения следственного действия (ст. 186.1 УПК РФ) информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами

можно разделить:

1) на информацию о телефонных соединениях, которые на момент расследования преступления хранились в базах данных операторов связи;

2) информацию о телефонных соединениях, которые могут состояться в будущем;

3) информацию о телефонных соединениях, сохранившиеся в прошлом и, предположительно, которые должны продолжаться в будущем.

По нашему мнению, для получения каждого вида информации определен свой порядок проведения данного следственного действия.

В пункте 3 ч. 2 ст. 186.1 УПК РФ указывается на необходимость установить «период, за который необходимо получить соответствующую информацию» и «срок производства данного следственного действия». Период всегда связан с событиями, которые имеют место в прошлом. Для определения периода следователь должен проанализировать какое-либо событие и определить даты начала и конца отсчета периода. Срок производства рассматриваемого следственного действия не должен выходить за рамки срока предварительного расследования. Срок производства данного следственного действия не должен превышать шести месяцев. Производство данного следственного действия должно быть прекращено следователем, но не позднее окончания предварительного расследования.

Если следователю требуется получить информацию, которая отобразилась в прошлом, то обращение к операторам связи будет носить разовый характер. В таком случае достаточно установить период, за который необходимо получить информацию о соединениях абонентов (дата, время и иные обстоятельства, относящиеся к совершенному преступлению). Срок проведения данного следственного действия определять не нужно.

Однако определение срока данного следственного действия имеет значение в случае истребования информации о соединениях абонентов, о которых предполагается, что они отобразятся в будущем. Получение следователем информации о соединениях между абонентами может быть установлено на срок до шести месяцев. Если по истечении шести месяцев потребность в информации о соединениях абонентов сохранится, данное следственное действие может быть назначено и произведено вновь.

Особо следует отметить случаи, когда следователю требуется получить информацию о соединениях, сохранившихся в прошлом, которые, предположительно, должны продолжаться в будущем. Получение такой информации требует

определить как срок производства данного следственного действия, так и периода, за который необходимо получение соответствующей информации от операторов связи.

Рассматриваемое нами постановление согласовывается с руководителем следственного органа. К нему прилагаются: постановление о возбуждении уголовного дела; копия протокола допроса потерпевшего (свидетеля), подозреваемого (обвиняемого), где указаны IMEI-номер абонентского устройства, абонентский номер сим-карты, данные абонента и другие сведения, касающиеся обстоятельств использования средств сотовой связи); копия документов, в которых указан IMEI-номер сотового телефона и др., которых должно быть достаточно, чтобы убедить суд в даче разрешения на проведение данного следственного действия.

Подписанное руководителем следственного органа постановление о возбуждении перед судом ходатайства с материалами, подтверждающими наличие фактических оснований принятия решения следователем, направляется в суд. В течение 24 часов с момента поступления указанного постановления следователя вместе с поступившими материалами должно быть рассмотрено судьей

единолично в судебном заседании с участием прокурора и (или) следователя или без такового. Далее постановление передается в осуществляющую услуги связи организацию, которая производит отслеживание поступающих в базу данных сведений о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами.

Таким образом, подготовительный этап проведения получения информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами включает в себя действия по определению основания производства данного следственного действия, а также определенные действия следователя по составлению постановления о проведении следственного действия, а также решения руководителя следственного органа и судьи.

Литература

1. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*Р.Л. Ахмедшин, доктор юрид. наук, профессор
Юридический институт
Томского государственного университета*

О целесообразности некоторых тактических заимствований приемов наглядно-образной фиксации результатов осмотра места происшествия

Различные отрасли криминалистического знания объективно находятся в различных стадиях развития – это объективно в силу крайне разноплановой информации (естественно-научной, технической, гуманитарной), составляющей криминалистическую материю. Однако даже, казалось бы, десятилетиями устоявшиеся комплексы тактико- и технико-криминалистических рекомендаций целесообразно периодически переоценивать на предмет возможной оптимизации. Ска-

занное касается в т.ч. криминалистических рекомендаций в области судебной фотографии и судебной видеозаписи (техник наглядно-образной фиксации результатов осмотра места происшествия).

При исследовании зарубежных криминалистических работ в первую очередь бросается в глаза наличие тактических рекомендаций по производству не только ориентирующей, обзорной, узловых и детальной фотосъемки, но и таких разновидностей последней, как аэрофотосъемка и фотосъемка с места расположения свидетеля и (или) потерпевшего [2, с. 25].

Названные виды фотосъемки с использованием дополнительных перспектив несут достаточно четкую, функционально очерченную направленность.

Аэрофотосъемка является оптимизированной дополнительной формой ориентирующей фотографии, актуальной, прежде всего, для регионов с развитой дорожно-транспортной инфраструкту-

рой. Целостное восприятие района, в котором произошло предполагаемое преступное событие, позволит выдвинуть уже на первоначальном этапе версии о подходе и удалении преступника с места преступления. Аэрофотоснимки позволят оперативно составить так называемый таймлайн преступника или жертвы (хронологическую модель возможных перемещений преступника).

Фотосъемка с места расположения свидетеля и (или) потерпевшего является еще одной новацией зарубежных криминалистов. Содержательно фотосъемка с места расположения свидетеля и (или) потерпевшего – это, как правило, разновидность узловой, реже – обзорной съемки. Само название рассматриваемого способа фотофиксации логически выводит на его предназначение: информационное обеспечение следственных версий потерпевшего и свидетеля (как правило, потерпевшего) на предмет способности воспринимать действия преступника, свидетеля – на предмет возможности воспринимать тот или иной эпизод преступного события.

Ввиду ограниченного объема данной работы укажем на следующие технико-криминалистические рекомендации зарубежных специалистов в области расследования преступлений:

- необходимо стараться обеспечить отчет по осмотру сцены преступления как черно-белыми, так и цветными фотографиями [4, с. 64]. Черно-белые фотографии, ввиду повышенной контрастности, ориентированы на последующее использование детективом и судьей, цветные, ввиду детальности и объективности, ориентированы на последующее использование экспертами. От себя отметим недопустимость существующей негативной практики распечатывать с цифровых носителей фотографии для фототаблиц не на фотобумаге, а на листах обычной мелованной бумаги, на которой резкость и контрастность фотоснимка понижена, что приводит к потере смысла использования черно-белых фотографий;

- фиксируя фрагменты места преступления, детектив должен понимать, что некоторая избыточность фотографий более целесообразна по сравнению с их недостаточностью [5, с. 77];

- для целей судебной фотосъемки использование любой фотокамеры, которая обеспечивает больший размер негатива и обеспечивает лучшую четкость и разрешение при расширении, является предпочтительным [3, с. 126];

- при производстве детальных снимков целесообразно использовать боковое освещение для выявления текстуры вещественного доказательства,

повреждений на нем, а также любых других неровностей на его поверхности [6, с. 77];

- прилагаемые к отчету осмотра места преступления фотографии сцены преступления не должны включать в себя артефакты, внесенные как членами следственно-оперативной группы, так и иными лицами (свидетелями, пособниками), за исключением непосредственных участников преступления [4, с. 122];

- независимо от количества следов преступления каждый изымаемый объект должен быть отдельно сфотографирован перед тем, как он будет изъят в качестве доказательства [3, с. 4; 1, с. 33].

Для понимания роли цифровой фотографии в расследовании в других странах необходимо также учитывать, что в индустриальных государствах устойчиво мнение о том, что «цифровая фотография для записи на месте преступления не является популярной в качестве альтернативы изображениям серебряных галогенидов ввиду возможного изменения изображения. Не решены также проблемы, касающиеся архивирования фотографических изображений в электронном виде» [4, с. 129].

В зарубежной криминалистике распространено мнение о том, что роль фотоснимков, иллюстрирующих произошедшее событие, настолько велика, что иные способы фиксации можно считать второстепенными, только дополняющими фотографирование [3, с. 157]. Несмотря на это, технико-криминалистические рекомендации использования в процессе осмотра места преступления разработаны достаточно детально, и они идентичны отечественным за небольшим, но принципиальным исключением.

Зарубежные криминалисты, в частности, полагают, что в процессе видеосъемки в основной части тактически целесообразно не использовать аудиорежим видеозаписи. Желательно отключить эти возможности. Это позволяет избежать записи комментариев и замечаний, которые не совместимы с этикой и профессионализмом [6, с. 79]. Во вступительной же части видеозаписи целесообразно продемонстрировать изображение плаката, на котором отображены дата, время, место, агентство, номер дела и имя специалиста [6, с. 79]. Во вторую очередь в процессе видеосъемки крупным планом демонстрируются лица, участвующие в проведении поискового следственного действия. Лицо, проводящее следственное действие, излагает информацию о себе (Ф.И.О., должность) и обстоятельства поискового следственного действия (адрес, время и место, условия съемки и использование техники). После этого крупным планом отображаются иные пред-

ставляющиеся участники следственного действия. Также данная часть включает информирование руководителем осмотра участников рассматриваемого следственного действия об их правах и обязанностях.

Литература

1. A guide for explosion and bombing scene investigation-research report. Washington, U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2000. 52 p.

2. Crime scene investigation: A guide for law enforcement-research report. Washington, U.S.

Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 1999. 58 p.

3. Geberth V.J. Practical homicide investigation: tactics, procedures, and forensic techniques. 4th ed. Boca Raton, CRC Press, 2006. 999 p.

4. Horswell J. Crime scene photography // The practice of crime scene investigation / ed. by J. Horswell. NY, CRC, 2004. P. 121-134.

5. O'Hara Ch.E., O'Hara G.L. Fundamentals of criminal investigation. 7-th ed. Springfield, Illinois: CHARLES C THOMAS, 2003. 907 p.

6. Rape investigation handbook / Ed. J.O. Savino, B.E. Turvey. NY, Elsevier, 2005. 416 p.

В.И. Балко

колледж «Кайнар» (г. Семей, Казахстан)

Приемы получения отображения папиллярной поверхности ног при традиционном подходе дактилоскопирования

В России [1], Белоруссии и в Казахстане в подзаконных актах о дактилоскопировании расписаны приемы техники традиционного дактилоскопирования папиллярной поверхности пальцев и ладоней человека, однако техника дактилоскопирования подошв ног не регламентирована и ориентирована аналогично дактилоскопированию пальцев и ладоней рук. Поэтому с теоретической и практической точек зрения все разновидности приемов техники традиционного дактилоскопирования босых ног условно разделим на пять групп: подготовительно-организационные приемы; приемы техники фиксации ступней ног для окрашивания папиллярных поверхностей подошв ног; приемы техники для переноса краски на папиллярные поверхности подошв ног; приемы техники фиксации ступней ног для получения отображения на бланке дактилоскопической карты; приемы переноса краски с окрашенной папиллярной подошвенной поверхности ног на бланк дактилоскопической карты для отображения (оттиска) подошв ног.

Рассмотрим пятую группу приемов техники традиционного дактилоскопирования босых ног.

Первый прием техники дактилоскопирования подошв ног при его отображении – **стан-**

дартный, который применяется в большинстве случаев. На специальном бумажном бланке сначала технически фиксируется отпечаток (оттиск) подошвы левой ноги, а затем на другом бланке – отпечаток (оттиск) подошвы правой ноги. Под визуальным контролем дактилоскопирующего окрашенная папиллярная поверхность подошвы ноги дактилоскопируемого опускается с давлением до 5-7 кг на отведенное место на специальном бланке дактилоскопической карты для ног, если нет иной рекомендации сведущего лица. При легком прилипании бланка сначала отрываем бланк в области пятки ступни, а затем в области плюсны и пальцев (**прием стандартный**).

Второй прием техники дактилоскопирования подошв ног при отображении отпечатка (оттиска) подошвы ноги – отображение **плюсны**, когда нужно зафиксировать отображение отпечатка (оттиска) плюсны вместе с пальцами ног на специальном бланке дактилоскопической карты для ног. Применяется для отображения именно плюсны стопы. На окрашенную папиллярную поверхность плюсны подошвы накладывается лицевой стороной специальный бланк дактилоскопической карты для ног или листы чистой бумаги формата А4, А5 или размером 15 × 15 см и прокачивается (скалкой, катком, бутылкой, фотографическим валиком и т.д.) (**прием отображения плюсны**).

Третий прием техники дактилоскопирования подошв ног при его отображении – **экспертный**. Применяется для отображения всей папиллярной поверхности подошвы и (или) какой-то локальной части подошв. Так, по рекомендации эксперта на бланке дактилоскопической карты

вводится место для дополнительного получения отпечатка (оттиска) подошвы, например, получение боковой (латеральной) папиллярной поверхности подошвы ноги. Разновидностью **экспертного приема** будет прием оттиска **боковой (латеральной) поверхности** подошвы.

Четвертый прием техники дактилоскопирования подошв ног при отображении отпечатка (оттиска) подошвы ноги – это **прием отображения свода подошвы ноги** или **проработка свода подошвы ноги**. Свод стопы человека приподнят, поэтому при стандартной технике почти не пропечатывается. Данный прием отличается от обычного тем, что используются приспособления для получения отображения всей окрашенной поверхности подошвы ноги, в т.ч. и свода, например, специальная дактилоскопическая карта на выгнутой резиновой поверхности или на выгнутой пластине размером 20 × 30 см. Предварительно наносится надлежащий слой краски для получения отпечатка (оттиска) свода стопы.

Пятый прием техники дактилоскопирования подошв ног – сочетание **пороскопического** и **эджеоскопического** исследования. Он отличается от обычной техники тем, что применяется дополнительная техника дактилоскопирования с учетом надлежащего исследования пор и краев папиллярных линий, т.е. для порошкопических и эджеоскопических сравнительных исследований (**прием порошкопический** и **эджеоскопический**).

Шестой прием техники дактилоскопирования подошв ног при его отображении – получение отпечатков для сравнительного исследования в положении **стоя (многошаговая динамика)**. Для получения дорожки следов босых ног дактилоскопируемый должен находиться в положении **стоя**, он стабилизирует позу рукой, при этом ведущая окрашенная дактилоскопируемая нога поднята на небольшую высоту и готова продолжать ходьбу. Под визуальным контролем дактилоскопирующего окрашенная папиллярная поверхность подошвы ноги дактилоскопируемого опускается на отведенное место на специальном бланке дактилоскопической карты для ног, и человек продолжает обычную ходьбу с образованием дорожки следов босых ног. Если след от большого пальца ноги смазан, то рекомендуется перед началом получения отображения приподнять верх ногтевой фаланги большого пальца на 5-10 см от поверхности соприкосновения подошвы с бланком. При легком прилипании бланка сначала отрывается бланк в области пятки ступни, а затем в области плюсны и пальцев (**прием многошаговой динамики** из положения **стоя**).

Седьмой прием техники дактилоскопирования подошв ног при его отображении – прием

катка, который применяется для получения отпечатков папиллярной поверхности подошв ног. Подготовленная окрашенная папиллярная поверхность подошвы ноги дактилоскопируемого направлена вверх в полувертикальном или в горизонтальном положении, т.е. в положении **сидя** с вытянутой и зафиксированной на втором стуле ногой, возможны следующие положения тела: лежа, полулежа и стоя (поза подковываемого коня). На окрашенную папиллярную поверхность подошв ног накладывается лист чистой бумаги формата А4, прокатывается с давлением до 3 кг катком-«промокашкой», если нет рекомендации сведущего лица. При легком прилипании бланка сначала отрывается бланк в области пятки ступни, а затем в области плюсны и пальцев (**прием катка**). Аналогично приему катка рекомендован **прием скалки, прием сухого фотографического валика и прием бутылки** (когда нет ничего под рукой) при следующих положениях тела: **сидя** с вытянутой и зафиксированной на втором стуле ногой, а также лежа, полулежа и стоя (в позе подковываемого коня).

Выбор перечисленных вариантов техники традиционного дактилоскопирования для получения отображений подошв ног зависят от пола и положения тела дактилоскопируемого в каждом конкретном случае.

Таким образом, после изучения подзаконных актов стран СНГ дактилоскопирующий может выбрать разновидность приемов техники традиционного дактилоскопирования получения отображений папиллярной поверхности подошв ног дактилоскопируемого в зависимости от конкретных обстоятельств, навыков регистрирующего, что скажется на качестве отображения папиллярной поверхности подошв ног.

Литература

1. Приложение № 3. Основные правила дактилоскопирования и заполнения дактилоскопических карт // Об утверждении Положения о порядке формирования и ведения информационного массива, создаваемого в процессе проведения государственной дактилоскопической регистрации [Электронный ресурс]: приказ МВД РФ, МЧС РФ, Минобороны РФ, Минфина РФ, Минюста РФ, Министерства транспорта РФ, Службы внешней разведки РФ, Федеральной таможенной службы, ФСБ РФ, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков и Федеральной миграционной службы от 27 сентября 2010 г. № 688/422/1214/110н/235/205/36/1785/456/468/402/299. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Е.А. Бартнев, канд. юрид. наук

Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации;

Р.И. Гадельшин

Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации

К вопросу о тактических приемах преодоления ложных показаний при допросе

В процессе расследования следователю приходится сталкиваться с противостоянием, выражающимся в противодействии расследованию путем дачи ложных показаний. Наиболее распространенным процессуальным средством противодействия и устранения противоречий является допрос. «Сложность допроса заключается не только в том, что следователю в ряде случаев противостоит человек, не желающий говорить правду и даже вообще не желающий давать показания, но и в том, что в показаниях человека, искренне стремящегося сообщить следователю все известное ему по делу, могут быть ошибки и искажения, заблуждения и вымысел, которые при допросе надлежит своевременно обнаружить и учесть при оценке и использовании показаний» [2, с. 97]. Для получения объективной и правдивой доказательственной информации в ходе допроса используются тактические приемы, рекомендации и комбинации. Тактические приемы помогают следователю целеустремленно и успешно проводить допросы, максимально использовать возможности данного следственного действия по сбору информации и проверке доказательств. Они направлены на оптимизацию проведения следственного действия и служат средством для получения достоверных и полных показаний от допрашиваемого. Их квалифицированное применение невозможно без учета и использования данных психологии.

Наиболее сложным при проведении допроса является установление психологического контакта, чему способствует предварительная работа по сбору сведений о личности допрашиваемого, выяснение его индивидуальных психологических особенностей. Немаловажное значение может иметь и уяснение обстоятельств совершенного преступления и роли в нем допрашиваемого лица.

Криминалистика и следственная практика разработали различного рода тактические приемы, направленные на противодействие расследованию, и после применения которых допрашива-

емый должен прийти к выводу о необходимости дать правдивые показания.

Тактические приемы могут быть разделены на группы в зависимости от ситуации, в какой происходит допрос: конфликтной и бесконфликтной, при отказе от показаний или даче ложных показаний. Это и использование логического воздействия, побуждающего к даче правдивых показаний логикой фактов, и воздействие на эмоциональную сферу. Тактические приемы, применяемые в той или иной ситуации, могут переплетаться между собой и применяться отдельно, изолированно друг от друга, а также образовывать более сложные формы – тактические комбинации. Один и тот же прием может как оказать влияние на эмоциональное состояние, так и выступить средством логического убеждения. Однако к их применению необходимо подходить вдумчиво и осторожно, поскольку, как верно указывает А.Г. Бедризов, при использовании некоторых приемов, разработанных и рекомендованных криминалистикой, в процессе допроса следователь и свидетель невольно оказывают давление друг на друга [1, с. 122]. Исход в конфликтных ситуациях может быть различен: выход психологического напряжения как посредством срыва и потери психологического контакта, так и путем получения правдивых показаний.

В процессе проведения допроса применяются тактические комбинации, в которых используются различные тактические приемы, под которыми О.М. Ушаков предлагает понимать «создание ситуации на основе истинных фактов, которые могут быть истолкованы самим допрашиваемым двояко – правильно или неправильно. Структуру тактической комбинации можно представить схематически: допрошенное лицо вместо модели, адекватной той, что им была воспринята в действительности, предлагает собственную, не соответствующую реальной действительности модель факта, события, обстоятельства. Наряду с этим существует и другая модель, полностью либо в какой-то своей части не совпадающая с моделью, предложенной допрошенным лицом. При проверке сведений, сообщенных допрошенным лицом, они не находят своего подтверждения, в связи с чем его вариант событий опровергается как не соответствующий действительности... Содержание тактической комбинации составляют приемы допроса, которые существуют достаточно долгое время, оправдали свое применение многолетней практикой и заслуженно считаются традиционными: внезапность, допущение легенды, метод косвенного допроса, выжидание, создание напряжения, комбинация очных ставок» [5, с. 21]. Тем

самым допрашиваемое лицо подводится к мысли о противоречии данных им показаний, убеждаясь в том, что следователь располагает всей картиной происшедшего.

Однако время вносит свои корректировки. Помимо допрашиваемого лица, присутствует и защитник, участвующий в процессе практически с первых минут. Проведенный анализ показал, что в 90% случаев защитник приглашается даже тогда, когда подозреваемый (обвиняемый) отказывается от защитника. Сказанное позволяет сделать вывод, что применение ряда таких тактических приемов, как постановка внезапных вопросов, форсированный темп допроса и пр., сложно будет реализовать в присутствии защитника. Таким образом, целесообразно использовать новые тактические приемы и комбинации.

Прежде всего, при подготовке к допросу целесообразно использовать данные, полученные в ходе оперативно-разыскной деятельности, различного рода справочную информацию, а также тщательнее ознакомиться с материалами уголовного дела.

Следует согласиться с В.С. Бурдановой, что при расследовании преступлений необходимо прогнозировать поведение потерпевшего, потому что «трудность предвидения индивидуального поведения лица связана с тем, что следователь должен учесть все факторы, влияющие на поведение и формирующие поступки конкретного потерпевшего, принять во внимание действия заинтересованных лиц, которые стремятся изменить позицию потерпевшего в собственных интересах. Прогнозирование поведения позволяет предупредить нежелательные последствия или нейтрализовать их доказательствами. Специфическим методом прогнозирования на предварительном следствии является выдвижение и проверка версий защиты» [3, с. 104]. Следователь, проигрывая возможные ситуации, подготавливает вопросы и ответы для допрашиваемого лица, постепенно подводя последнего к даче правдивых показаний.

При допросе сведения могут извлекаться и из сферы вербально-обобщенного отражения субъекта. В зависимости от динамики психического состояния допрашиваемого тактические приемы следует корректировать, беря во внимание как вербальную информацию, так и паравербальную, т.е. эмоционально окрашенную информацию.

Иными словами, в ходе проведения этого следственного действия необходимо наблюдать

за жестикуляцией. Многие движения тела не связаны с областями мозга, поэтому легко контролируются. Большинство людей это не учитывают и считают, что первоочередное внимание следователя будет обращено на их слова и мимику лица.

«Среди всего многообразия поз и жестов выделяют открытые и закрытые позы, несущие в себе, соответственно, положительный и отрицательный заряд.

О лжи может свидетельствовать мимика, которая связана с областями мозга, отвечающими за эмоции. Необходимую информацию дает направление взгляда, размер глаз и зрачков, складки губ и лба, сжатие зубов, напряжение мышц челюстей, наклон головы (например, взгляд исподлобья), гримасничанье и многое другое. Эти динамические признаки мимики выступают главным объектом внимания следователя в процессе допроса лица» [5, с. 12].

Таким образом, следует отметить, что процесс получения показаний представляет собой сложный информационный процесс поступления информации вербальным и невербальным путем. Следователь должен уметь пользоваться данным механизмом в полном объеме, однако, не выходя за рамки законности и этичности.

Литература

1. Бедризов А.Г. Проблемы допустимости тактических приемов, используемых при допросе свидетелей // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 9. С. 121-127.
2. Белкин Р.С. Тактика допроса // Лившиц Е.М., Белкин Р.С. Тактика следственных действий. М., 1997. 176 с.
3. Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2002. 320 с.
4. Веснина С.Н. Криминалистическая характеристика различных типов потерпевших и особенностей допроса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 22 с.
5. Ушаков О.М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 26 с.
6. Шепелева Л.В. Тактика допроса лиц, имеющих установку на дачу ложных показаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 17 с.

Д.В. Бахтеев, канд. юрид. наук
Уральский государственный
юридический университет

О некоторых способах сокрытия и обнаружения компьютерной информации

Технический прогресс подарил человечеству практически неограниченные возможности по перемещению и обмену информацией, однако, как и любое другое новшество, цифровые технологии были адаптированы и приняты преступной средой как система методов по подготовке, совершению и сокрытию преступлений.

Согласно одной из классификаций компьютерной информации, с точки зрения её юридического (доказательственного) значения она подразделяется на документированную и не документированную. Понятие первой дано в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Под документированной компьютерной информацией следует понимать зафиксированный на материальном носителе (аппаратном узле компьютера) электромагнитный сигнал, обладающий совокупностью реквизитов. «Недокументированная компьютерная информация – это данные, управляющие команды и сигналы, образующиеся или используемые в процессе обработки информации и не обладающие признаками документа, например, логин и пароль доступа к сети Интернет, сетевой адрес, доменное имя, ключ электронной подписи» [2, с. 156]. В настоящей работе мы сфокусируемся на рассмотрении способов сокрытия информации первой группы (документированные цифровые следы), которые могут быть использованы преступниками в целях недопущения следствия к содержанию определённых файлов.

Р.С. Белкин в своих работах упоминал пять способов содержательного активного сокрытия информации или её носителей: утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация и смешанные способы [1, с. 266]. Специфической особенностью цифровой информации является то, что при её сокрытии указанные способы зачастую не являются взаимоисключающими, поэтому чаще всего можно говорить о смешанном способе сокрытия рассматриваемой категории криминалистических следов.

Перейдём к рассмотрению таких способов.

1. *Перемещение файлов в более «глубокие» директории, системные разделы.* Этот способ является наиболее примитивным и используется

лицами, не обладающими высокой компьютерно-технической квалификацией. Сокрытые таким образом файлы могут быть обнаружены с помощью поиска по названию или расширению файла.

2. *Переименование файлов* также достаточно легко обнаруживается в случае, если следователю, специалисту или эксперту известны конкретные характеристики (например, фрагмент текста) искомым файлов, обнаружение которых осуществляется с помощью поиска по содержимому файлов.

3. *Архивация файлов.* Скрываемые файлы могут быть заархивированы (например, в форматах «.zip», «.rar», «.tar» и т.д.). Архив может быть защищён паролем, в этом случае для получения доступа к его содержимому понадобится использование специального программного обеспечения.

4. *Изменение атрибутов файлов.* Атрибуты файла – набор его характеристик, определяющих возможности просмотра, изменения, шифрования, архивации и т.д. В различных операционных системах атрибуты носят разные названия и обладают разной функциональностью, такие файлы могут быть обнаружены с помощью команд для изменения атрибутов, например, в ОС «Windows» командой для снятия атрибутов скрытого файла и доступа только для чтения будет являться «ATTRIB -h -r C:\file.txt», где «-» – снятие атрибута, «h» – атрибут «скрытый», «r» – атрибут «Только чтение», «C:\file.txt» – путь к файлу.

5. Очевидным и наиболее распространённым способом сокрытия файлов может выглядеть для пользователя их *удаление*. В большинстве операционных систем удаление файла предполагает не физическую очистку места, которое он занимает на постоянном носителе информации, а удаление ссылки на такой файл из файловой системы. Соответственно, пока на место этого файла не будет записано что-либо иное, он будет оставаться доступным и может быть восстановлен. В современной методике компьютерно-технической экспертизы восстановление удалённой информации на представленных носителях является первичной обязательной операцией, поэтому при постановке вопросов не следует указывать эксперту на необходимость восстановления данных.

6. *Стеганография* известна как способ хранения или перемещения информации при условии сохранения в тайне самого факта её существования. В отличие от *криптографии*, при использовании которой файлы формально доступны, однако их содержимое защищено, при стеганографии файл является «невидимым». Стеганография при сокрытии компьютерной информации может

осуществляться следующим способом: в цифровой объект (как правило, изображение, аудио- или видеозапись) внедряется иной цифровой объект (к примеру, с помощью доступных шестнадцатеричных редакторов, преобразующих любой файл в «сырую» последовательность байтов). При этом образуются искажения, впрочем, которые человеком, как правило, не воспринимаются. Так, известно, что этот метод активно использовался террористическими организациями [3].

7. *Альтернативные потоки данных (Alternate Data Streams)* являются метаданными в файловой системе NTFS, являющейся наиболее распространённой на персональных компьютерах в мире. Для каждого объекта файловой системы существует дополнительный набор данных, который может превышать размер исходного файла. Соответственно, альтернативные потоки данных могут быть использованы для маскировки файлов и приложений. Именно эта технология используется в большинстве своем для зловредного программного обеспечения.

Разумеется, список рассмотренных способов сокрытия и обнаружения компьютерной инфор-

мации не является закрытым, такие способы доступны следствию только при условии полного доступа к носителям, на которых потенциально такая информация может содержаться. В силу этого при производстве отдельных следственных действий (в первую очередь осмотров и обысков) следует особое внимание уделять комплектности изымаемых компьютерных устройств и стремиться к изъятию всех возможных носителей цифровой информации.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов: в 3 т. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. Т. 3. 394 с.
2. Вехов В.Б. Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1. С. 155-159.
3. Kelley J. Terrorist instructions hidden online // USA TODAY. URL: <https://usatoday30.usatoday.com/tech/news/2001-02-05-binladen.htm> (дата обращения: 22.09.2017).

А.И. Баянов, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский федеральный университет

Свобода или обоснованность выбора тактики допроса

Уголовно-процессуальный кодекс РФ установил «свободу» выбора тактики допроса (ч. 2 ст. 189 УПК РФ). Данное положение, облаченное в правовую форму, вызывает ряд вопросов. Во-первых, почему свобода выбора тактики определена только допросом и не касается других следственных действий; во-вторых, предполагает ли свобода выбора тактики допроса учет объективных обстоятельств (факторов), влияющих на принятие решения о выборе тактики допроса, или свобода выбора тактики допроса субъективна и зависит только от воли допрашивающего субъекта; в-третьих, распространяется ли свобода выбора тактики допроса только на приемы, разработанные криминалистикой, или указанное положение касается приемов допроса, которые закреплены в нормах уголовно-процессуального закона и

по существующим современным представлениям продолжают относиться к приемам допроса, поскольку они были разработаны в недрах криминалистики.

В традиционном понимании тактика представляет собой неотъемлемую часть всех следственных действий. В теории криминалистики не делается различий между тактикой отдельных следственных действий по степени их важности и значимости. Тактика любого следственного действия признается важной и необходимой частью процесса расследования. Разумеется, тактика отдельных следственных действий (и прежде всего допроса) носит более сложный и многоплановый, по сравнению с тактикой других следственных действий, характер. Однако это различие не является основанием деления тактик на основные и второстепенные. Тактика всех следственных действий заслуживает самого внимательного отношения со стороны ученых, практиков и законодателей, т.к. каждая из них способствует реализации положений уголовно-процессуального закона и обеспечивает процесс собирания и проверки доказательств с учетом специфики источника информации.

В этом отношении тактика, как и каждое следственное действие, является незаменимой. Выделять тактику какого-либо следственного действия, даже такого важного и сложного, как допрос, для того чтобы подчеркнуть важность запрета на постановку навещающего вопроса, представляется излишним. Напоминание в тексте закона о том, что следователь свободен в выборе тактики допроса, не добавляет ничего рационального и необходимого, кроме возникновения вопроса: почему эта правовая установка не относится к выбору тактик других следственных действий, в т.ч. тех, которые связаны с постановкой вопросов. Создается впечатление, что тактики других следственных действий не выбираются свободно, что при их выборе действуют иные установки. Однако это не так. Если законодатель считает, что указанное положение заслуживает нормативного закрепления, то логично закрепить положение о свободе выбора тактики следственных действий в ст. 164 УПК РФ, устанавливающей общие правила производства следственных действий.

Положение о свободе выбора тактических приемов (рекомендаций) появилось с развитием теоретических основ следственной тактики и было вызвано необходимостью разграничения приемов, рекомендуемых криминалистикой, и приемов, содержащихся в нормах уголовно-процессуального законодательства, регулирующих производство следственных действий. Один из основоположников теории следственной тактики А.Н. Васильев обращал внимание на то, что следователь свободен в выборе научных рекомендаций в отличие от нормы закона, обязательной во всех случаях [2, с. 40]. Аналогичное утверждение можно встретить и в работах современных криминалистов [4, с. 19]. Следует отметить, что А.Н. Васильев особо подчеркивал, что при выборе тактического приема необходимо учитывать следственную ситуацию, ее оценку, личные качества следователя и даже его самочувствие и настроение [2, с. 40-41]. Таким образом, свобода выбора тактического приема и в целом тактики следственного действия хотя и декларируется, но зависит от ряда обстоятельств. Поэтому говорить о свободе выбора тактики допроса можно только условно. Что касается обстоятельств, которые оказывают влияние на выбор приемов допроса, то к их числу можно отнести следующие: характер ситуации; вид решаемой задачи; особенности личности допрашиваемого лица; его процессуальный статус; личностные особенности допрашивающего; закономерности переработки информации человеком [1, с. 212].

Перечисленные факторы следует учитывать, принимая решение о том, какой прием допроса должен быть выбран, какой тактики необходимо придерживаться. Только такое решение можно считать обоснованным, поскольку оно опирается на научно установленные факты и неоднократно проверено на практике. В связи с изложенным для характеристики процесса принятия решения, направленного на выбор отдельного приема и общей тактики допроса, следует использовать понятие «обоснованность». Понятие «свобода», на наш взгляд, не отражает сущности процесса принятия решения и в нормативном толковании имеет элемент «дезориентации».

В юридической литературе встречается точка зрения, согласно которой свобода выбора должна применяться к отдельным приемам, но не для выбора тактики допроса. Сущность тактики допроса, по мнению авторов, заключается не в свободе, а в правильном выборе приемов допроса [3, с. 28]. По нашему мнению, приемы нельзя противопоставлять тактике допроса. В тактике допроса прием является основным элементом, без которого тактика не существует.

Кроме того, замена понятия «свобода выбора» на «правильный выбор» не решает проблемы. Говорить о правильности выбора приема допроса во время принятия решения преждевременно. Правильность выбранного приема может быть установлена только после наступления результата от его применения. Для этого необходимо сравнить полученный результат от применения приема с поставленной задачей, для решения которой он был выбран. Если задача решена, то результат свидетельствует о том, что прием был выбран правильно. Поэтому в процессе принятия решения можно говорить только о том, обоснованно или необоснованно выбран отдельный прием или в целом тактика допроса.

Понятия «обоснованность» и «правильность» характеризуют различные стороны тактики допроса. Обоснованность приема проверяется во время принятия решения – до начала его реализации. Правильность принятого решения может быть установлена после его реализации, когда получен результат от применения приема.

Декларируя свободу выбора тактики допроса, законодатель не раскрывает свое видение содержания понятия «тактика». Толкование понятия «тактика» содержится в научной литературе. Как уже отмечалось, основным элементом тактики является тактический прием. Следует отметить, что в научной литературе существуют две противоположные позиции относительно понятия «тактический прием». Первая относит к тактическим

приемам все приемы производства допроса, в т.ч. и такие, которые были разработаны наукой криминалистикой, а затем получили закрепление в законе (предъявление доказательств, оглашение протоколов, постановка вопросов и т.д.). Вторая точка зрения исключает приемы допроса, содержащиеся в нормах уголовно-процессуального законодательства, из арсенала тактики по причине их правового характера. Аналогичная ситуация складывается среди практических работников [4, с. 18].

Какая из указанных выше точек зрения должна быть взята за основу при реализации положения закона о свободе выбора тактики допроса – непонятно. Между тем данный вопрос имеет принципиальное значение, т.к. свобода выбора с учетом положения ч. 2 ст. 189 УПК РФ распространяется и на процессуальные приемы допроса, если придерживаться первой точки зрения относительно понятия тактического приема.

Изложенное выше дает возможность сделать вывод о том, что нормативное закрепление в уго-

ловно-процессуальном законе права на свободу выбора тактики допроса приводит к размыванию уже сложившейся процедуры принятия решения, направленного на выбор непроцессуальных средств производства допроса, и не способствует повышению эффективности правового регулирования следственного действия.

Литература

1. Баянов А.И. Пять факторов, влияющих на выбор приемов допроса // Енисейские политико-правовые чтения: сб. науч. ст. / сост. Э.А. Павельева. М.: Проспект, 2016. С. 212-214.

2. Васильев А.Н. Следственная тактика. М.: Юрид. лит., 1976. 200 с.

3. Иванов А.Н., Лапин Е.С. Проблемы процессуальной регламентации отдельных следственных действий: криминалистические аспекты // Вестник криминалистики. 2004. № 4. С. 23-29.

4. Москвин Е.О. Тактический прием. М.: Юрлитинформ, 2006. 88 с.

В.В. Бирюков, доктор юрид. наук, профессор
Уральский государственный
юридический университет

Криминалистические характеристики: виды, значение, потенциал

Как события, происходящие в материальном мире, преступления представляют собой сложную систему взаимодействий множества объектов. Одни из них его инициируют или становятся объектами посягательства. Другие, хотя и не принимают активного участия, но в силу определенных обстоятельств, став составляющими обстановки или оказавшись рядом с его свершением, становятся носителями свойств взаимодействовавших объектов или информации о них. Однако независимо от их места и отношения к преступлению, все они представляют интерес как потенциальные носители информации, свойств и признаков, имеющих значение для восстановления истинной картины расследуемого события и определения в нем роли каждого причастного объекта. А соответственно, таковые могут быть охарактеризова-

ны с позиций их криминалистического значения. Систематизированную совокупность такой информации, относящуюся к определенному преступлению или некоторому их множеству, принято называть криминалистическими характеристиками. Этой криминалистической категории посвящено немало работ, и уже более полувека она является одной из проблемных в криминалистике. Без нее не обходится ни одна работа по криминалистической методике и, заметим, это вполне оправданно – разрабатывать и совершенствовать инструментарий было бы нерационально без учета опыта преступной деятельности и ее расследования. При этом большинство исследователей идут проторенным путем, составившие обобщенные характеристики в виде набора статистических данных, в лучшем случае основанного на изучении материалов уголовных дел, пытаясь представить их в качестве некоего ключа для разрешения задач расследования. Полагаем, что здесь уже в самом подходе к попытке получения знаний о криминалистической сущности преступления и его составляющих заложен высокий уровень погрешности. Результаты же такой деятельности нередко очевидны и прогнозируемы – они не вос-

требованы практикой. А ведь только на практике можно проверить эффективность инструмента и таковой должен создаваться с учетом ее потребностей и опыта. Такое положение инициировало появление в среде ученых точки зрения о несостоятельности и даже отказе от криминалистической характеристики или замене ее другой категорией [1, с. 233; 2, с. 57; 9, с. 21; 6, с. 7].

В контексте сказанного подчеркнем, что опыт – для решения каких бы задач он ни предназначался и в какой системе ни был бы представлен, – сам по себе никогда не являлся и не является инструментом познания. Он лишь создает условия для разработки и совершенствования инструментария, в качестве которого выступают методы, методики, приемы и технологии.

Несмотря на доминирующую в науке точку зрения о ведущей роли и значении обобщенных криминалистических характеристик, полагаем, что здесь акцент должен быть смещен в сторону характеристик конкретных преступлений. Ведь именно при расследовании конкретных преступлений выявляются качества преступника и других объектов, которые могут способствовать решению задач расследования. Полученная же система сведений такого характера и должна ложиться в основу формирования его полной криминалистической характеристики. Характеристики конкретных преступлений, в свою очередь, служат базой для формирования любого уровня обобщенных. И соответственно, от того, насколько профессионально грамотно составлены криминалистические характеристики конкретных преступлений, зависит и качество всех иных, производных от них характеристик. При этом заметим, что криминалистическая характеристика конкретного преступления представляет собой сложную систему, в состав которой на правах подсистем входят характеристики элементов и объектов, а также их взаимосвязей.

Говоря о криминалистической характеристике, В.К. Гавло, В.Е. Клочко и Д.В. Ким справедливо отмечают: «Полная криминалистическая характеристика конкретного преступления складывается на момент вступления приговора в законную силу» [3, с. 103]. Точнее будет отметить, что таковая не складывается, а ее формирование становится возможным к моменту вступления приговора в законную силу. Важнейшим условием ее формирования является не только криминалистический анализ и синтез материалов дела, но и целенаправленное получение и анализ информации от субъектов расследования, причем по каждому установленному факту, объекту. Несмотря на то, что основу такой характеристики

составляют данные о преступной деятельности, познаются они лишь через призму расследования. Причем нередко криминалистически значимая информация не находит никакого отображения в материалах дела, а выполнив свою функцию в установлении объектов и фактов по конкретному делу, утрачивается или накапливается в качестве индивидуального опыта субъектов расследования. Процесс расследования можно представить как сложный путь движения от частного к общему, от минимума известного к установлению неизвестного, от обнаружения и исследования отдельных свойств и признаков объектов к их идентификации, а также установления роли в расследуемом событии. В подобном русле оно протекает до установления истиной картины преступления, до его оценки судом. Важнейшим качеством преступлений является то, что как система они существуют лишь определенное время, в пределах определенного пространства. И вполне логичным было бы считать, что сведения о них после расследования утрачивают криминалистическое значение. Подобную мысль высказывают в отношении характеристик конкретных преступлений В.Я. Колдин, Е.П. Ищенко и О.А. Крестовников: «Информационная система, сформированная в результате расследования, т.е. при установлении всех существенных обстоятельств расследуемого события и решении всех криминалистических задач, уже не может служить решению этих задач. Как средство криминалистического исследования она бесцельна, нефункциональна» [6, с. 7]. Да, действительно, как временная система, преступление прекратило свое существование, причем еще раньше, чем началось его расследование. Но ведь объекты, причастные к нему, не исчезают, а остаются частью того же материального мира и продолжают существовать, взаимодействовать, вовлекаясь в другие события, иногда в другие преступления. И как обоснованно утверждает В.А. Образцов, «далеко не все элементы преступной деятельности исчерпывают свое содержание, прекращают реальное функционирование и в посткриминальный период. Сказанное прежде всего касается субъекта преступной деятельности...» [8, с. 10]. Это относится и ко всем другим объектам. Существование прекращают события, но не причастные к ним объекты. Несмотря на то, что всякое расследуемое преступление является событием прошлого, необходимость создания благоприятных условий расследования преступлений в настоящем и будущем, к которым эти или подобные им объекты будут причастны, инициирует их тщательное изучение на предмет выявления свойств, отображений и взаимосвязей, кото-

рые этому будут способствовать. Особенности расследования некоторых категорий преступлений инициируют практиков на обнаружение и оценку с позиций криминалистического значения любых выявленных свойств и признаков объектов, а также информации о них. Иными словами, на практике для решения задач расследования прибегают к формированию неполных (незавершенных) характеристик по нераскрытым преступлениям [4, с. 39]. И.Ф. Крылов отмечал, что на целесообразность составления «криминалистической характеристики того происшествия, которое предстоит расследовать», указывал еще П.И. Люблинский [7, с. 32]. Вполне логично, что по содержанию такая характеристика всегда будет неполной, однако открытой для пополнения под воздействием расследования. В качестве одного из направлений использования данных, обладающих криминалистической направленностью, характеризующих определенные объекты, причастные к преступлениям, которые на протяжении уже более сотни лет используются на практике, можно назвать криминалистические учеты. В них, как правило, содержится неполная информация об объектах, входящих в состав криминалистических характеристик. Параллель между криминалистической характеристикой и регистрацией в свое время удачно обозначил Л.Я. Драпкин [5, с. 7].

Рассмотренное выше позволяет сказать следующее.

1. Несмотря на критику криминалистических характеристик рядом ученых, вряд ли есть достаточно оснований для объявления их категориями, не обладающими потенциалом в совершенствовании инструментария расследования. Знания, полученные опытным путем, в любой области жизнедеятельности человека оказывают существенное влияние на ее развитие и совершенствование. Деятельность по расследованию преступлений не является исключением.

2. В системе криминалистических характеристик целесообразно выделять обобщенные (групповые, видовые) и индивидуальные (характеристики конкретных преступлений), каждая из которых имеет важное значение и для науки, и для практики расследования. Характеристики конкретных преступлений могут быть составлены как по расследованным, так и по нераскрытым преступлениям (соответственно, полные и неполные).

3. Знания, содержащиеся в криминалистической характеристике, представляют собой не больше, чем опыт прошлой преступной деятель-

ности, и самостоятельно не являются инструментом расследования, однако они представляют реальный резерв потенциальной информации, осмысленное и целенаправленное использование которой создает условия для оптимизации и совершенствования методов, методик, приемов и технологий расследования.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Изд-во «Норма», 2001. 240 с.

2. Белкин Р., Быховский И., Дулов А. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступления) // Социалистическая законность. 1987. № 9.

3. Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 226 с.

4. Грачев А.Н. Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления, с учетом оценки криминалистических объектов // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: мат-лы III междунар. научно-практ. конф. Волгоград, 27-28 апреля 2016 г. Волгоград: РИО Волгоградской академии МВД России, 2016. С. 36-41.

5. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций: монография / под ред. проф. И.Ф. Герасимова. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 164 с.

6. Колдин В.Я., Ищенко Е.П., Крестовников О.А. Типовая информационная модель или криминалистическая характеристика преступления? // Академический юридический журнал. 2006. № 4. С. 1-23.

7. Крылов И.Ф. Криминалистическая характеристика и ее место в системе науки криминалистики и в вузовской программе // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М., 1984. С. 32-33.

8. Образцов В.А. Криминалистические характеристики преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М., 1984. С. 7-15.

9. Протопопов А.Л. Об алгоритмизации раскрытия и расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 1 (25). С. 19-24.

М.А. Бойко

Барнаульский юридический институт МВД России

Типичные ситуации судебного следствия по делам о преступлениях, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью, и алгоритм их разрешения

Формирование методики судебного разбирательства по делам о преступлениях, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью, представляется необходимым строить на основе метода ситуационного моделирования. Суть данного метода заключается в создании типовых ситуаций судебного следствия и алгоритмов их разрешения, что дает возможность разрешения любой возникающей ситуации при сведении ее к типовой, применив при этом заранее разработанный алгоритм разрешения ситуации. Кроме того, «ситуационный подход позволяет объективно, полно исследовать ситуации судебного следствия, складывающиеся в процессе судебного разбирательства уголовного дела, все обстоятельства дела, используя разнообразные тактические приемы и методики ведения судебного следствия» [8, с. 12]. По сути, познание и целесообразное использование складывающихся судебных ситуаций является одной из важнейших задач криминалистической методики по повышению качества судебного разбирательства дела.

Выделить и систематизировать наиболее типичные судебно-следственные ситуации и разработать основные направления деятельности суда, позволяющие их разрешить, является одной из основных задач, стоящих перед криминалистической методикой расследования преступлений [7, с. 86-115]. Многочисленность криминалистических ситуаций, складывающихся в ходе судебного следствия, требует их дальнейшей классификации по различным основаниям, тем самым объединения в определенные группы, что, на наш взгляд, является необходимым условием для ориентации участников судебного процесса в определении реальной обстановки, сложившейся ситуации и выборе наиболее оптимальных вариантов судебных и иных действий, необходимых для качественного судебного разбирательства. В этой связи учеными с целью определения такого «универсального критерия» предлагаются различные основания для классификации.

С учетом анализа мнения ученых, а также основываясь на материалах практики поддержа-

ния государственного обвинения в суде по делам о преступлениях, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью, полагаем целесообразным произвести классификацию криминалистических ситуаций судебного следствия, основанную на взаимозависимости доказательств, полученных в ходе предварительного расследования и установленных при судебном разбирательстве.

Мы предлагаем следующие криминалистические ситуации, складывающиеся в ходе судебного следствия по делам о преступлениях, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью.

Первая ситуация судебного следствия: подсудимый признает себя виновным полностью (29,8%).

Для данной ситуации характерно, что версия, представленная стороной обвинения, нашла подтверждение в ходе судебного разбирательства в полном объеме в материалах уголовного дела, а доказательства предварительного расследования, отраженные в обвинительном заключении, подтвердились в суде. Сложившаяся такая ситуация для суда не представляет существенных сложностей. Полагаем, что признание вины подсудимыми в отношении журналистов является не чем иным, как основным мотивом надежды на снисхождение суда и смягчение наказания, тем самым видимое отсутствие сопротивления и конфликтность ситуации переходят, на наш взгляд, в иную ипостась. Однако, несмотря на данное отступление, полагаем, что в целом ситуация характеризуется как наиболее благоприятная для разрешения ее по существу дела в ходе судебного разбирательства и принятия обоснованного приговора судьей и виновности подсудимого.

Основным направлением разрешения рассматриваемой ситуации являются систематизация, оценка полученных в ходе предварительного следствия доказательств и принятие обоснованного окончательного решения по делу, т.е. вынесение обвинительного приговора. При этом, несмотря на кажущуюся простоту обозначенной нами ситуации, очевидной и беспроblemной, судья при ведении судебного следствия в процессе судебного разбирательства должен выстроить четкую последовательную линию рассмотрения доказательств.

При данной ситуации наиболее целесообразно проводить в последовательности: допрос подсудимого; допрос потерпевшего; допрос свидетелей-очевидцев; оглашение результатов, изложенных в протоколе осмотра места происшествия; оглашение результатов очных ставок, проведен-

ных в ходе предварительного расследования; оглашение выводов экспертов по проведенным экспертизам, при необходимости – их допрос; оглашение результатов проверки показаний на месте, подтверждающих вину подсудимого; предъявление и просмотр (прослушивание) аудио- и видеоматериалов, чаще с фиксацией совершения самого преступления, снятого самим потерпевшим журналистом или его коллегами; предъявление иных вещественных доказательств.

Анализ судебной практики по делам о преступлениях, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью, показал, что, как правило, если обвиняемый в ходе предварительного расследования признает вину в полном объеме и в последующем не имеет целью отказаться от данных на предварительном следствии признательных показаний, то он на основании ст. 314 УПК РФ при наличии согласия государственного обвинителя заявляет ходатайство об особом порядке принятия решения по уголовному делу.

Так, С.Н. Чернов, работая сторожем, совершил преступление в отношении представителей съемочной группы новостей «Четвертого канала» А.Н. Аносова, А.Р. Хайруллина, В.Г. Самборского. Журналисты прибыли на территорию ООО «Техстройкомпания» с целью создания видеорепортажа по факту разрушения дома. Однако подсудимый, препятствуя снятию репортажа, резиновой дубинкой нанес удары журналистам, причинив им телесные повреждения. Действия Чернова как на предварительном следствии, так и в ходе судебного разбирательства были квалифицированы по ст. 213 УК РФ, с чем, безусловно, согласиться сложно, учитывая, что в приговоре напрямую была расписана объективная сторона воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста. Однако учитывая, что Чернов признал свою вину в совершении преступления в отношении журналистов с целью недопущения выполнения ими профессиональной функции по снятию репортажа, дело рассматривалось в особом порядке [3].

Вторая ситуация судебного следствия: подсудимый признает себя виновным частично (55,3%).

Данная ситуация характеризуется как более сложная, конфликтная, нередко сопровождающаяся противодействием со стороны подсудимых, их защитников и иных заинтересованных лиц с целью ввести суд в заблуждение. При этом данная ситуация может иметь два основных варианта:

Вариант 1. Подсудимые признают вину в совершении инкриминируемого им преступления

в отношении журналиста, а также в иных сопутствующих преступлениях, однако не признают отдельные обстоятельства совершенного преступления, в частности, отрицают мотив связи преступления с профессиональной деятельностью потерпевшего.

В г. Сургуте сотрудниками ДПС был остановлен автомобиль, которым управляла О. Ефремова, находящаяся в состоянии алкогольного опьянения. С целью получения материала для последующей публикации в эфире новостей о фактах выявления водителей, управляющих транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, на место прибыла съемочная группа, исполняя свои обязанности в соответствии с планом работы по взаимодействию с УМВД России. О. Ефремовой в отношении журналистов было применено физическое насилие с целью принуждения к дальнейшему отказу от снятия видеосюжета. Однако в ходе судебного следствия подсудимая, признав свою вину в совершении физического насилия в отношении журналистов и факт побоев, отрицала свою вину в части направления своих преступных действий именно в отношении представителей СМИ, ссылаясь на свою неосведомленность о профессиональном статусе потерпевших: каких-либо опознавательных знаков на их одежде не было, отличить любительскую камеру от профессиональной она не может и умысла на воспрепятствование их деятельности не имела. В судебном заседании, допросив свидетелей, произведя осмотр видеодиска со снятым репортажем о преступном поведении Ефремовой и произведя иные действия по исследованию представленных предварительным следствием доказательств, суд признал все представленные доказательства имеющими юридическую силу, поскольку они получены с соблюдением норм уголовно-процессуального закона, и достоверными, поскольку они согласуются между собой, а совокупность их – достаточной для вывода о виновности подсудимой О.А. Ефремовой в совершении инкриминируемых ей преступлений в отношении журналистов. Суд пришел к выводу, что подсудимая знала и понимала, что корреспондент и оператор являются журналистами, осуществляют законную профессиональную деятельность, сбор информации с целью ее распространения, т.к. она неоднократно к ним обращалась. Преступные действия О.А. Ефремовой суд квалифицировал по ч. 3 ст. 144 УК РФ как воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем принуждения ее к отказу от распространения информации, соединенное с насилием над журна-

листом, и признал, что совершенное подсудимой преступление имело прямой умысел [5].

Вариант 2. Подсудимые не признают себя виновными в инкриминируемом им преступлении в отношении журналистов, отрицая факт совершения именно того деяния, признают себя виновными в ином преступном поведении, не всегда уголовном, чаще в административном правонарушении.

Так, в г. Тольятти слушалось дело по обвинению А.Е. Гремина в совершении физического насилия в отношении главного редактора ООО «Еженедельник "Тольяттинское обозрение"» при исполнении последним профессиональных обязанностей на пресс-конференции кандидата в мэры г. Тольятти. При судебном разбирательстве А.Е. Гремин заявил, что к потерпевшему он испытывает чувство личных неприязненных отношений как к главному редактору газеты, нарушающему профессиональную этику, под руководством которого выходят статьи в газете низкого качества, порочащие честь и достоинство людей и не соответствующие действительности. Однако, как утверждал Гремин, умысла на воспрепятствование профессиональной деятельности журналиста и мести за эту деятельность он не испытывал, умысел у него лишь был на оскорбление журналиста, унижение его чести и достоинства [2], что охватывается составом административного правонарушения.

В рассматриваемой ситуации при частичном признании вины подсудимыми главной задачей суда является опровержение доводов, выдвинутых подсудимыми и стороной защиты, если есть основания полагать, что они недостоверны. Как правило, вина подсудимого в таких ситуациях доказана иными материалами дела, его позиция может быть опровергнута исследованием данных материалов, допросами самого подсудимого, свидетелей, потерпевшего по делу, исследованием заключения экспертов, осмотром материалов, чаще это бывают видеозаписи с фиксацией совершенного преступления, предоставленные журналистами и т.д. При этом следует отметить эффективность проведения перекрестного и шахматного допроса в рамках судебного разбирательства. Обратим внимание, что использование данных видов допроса имеет место только в рамках судебного следствия.

Сущность шахматного допроса заключается в том, что один допрашивающий попутно ставит вопросы нескольким лицам по поводу одних и тех же обстоятельств [10, с. 151]. Это своеобразная очная ставка с той лишь разницей, что в шахматном допросе могут участвовать не два, как на очной ставке лица, а более, и допрашиваемые не могут задавать друг другу вопросы. Такой допрос

позволяет подтвердить или опровергнуть показания допрашиваемого показаниями других лиц, а также, используя указанный метод допроса, прокурор может выявить какие-либо новые обстоятельства, ставящие под сомнение обоснованность занимаемой стороной защиты позиции по делу.

При перекрестном же допросе допрос ведется обеими сторонами – обвинителем и защитником – одного и того же лица по поводу одних и тех же обстоятельств [12, с. 417]. Такой допрос способствует выяснению данных обстоятельств с разных сторон, т.к. вопросы задаются из разных источников – то с позиции обвинения, то с позиции защиты. Кроме того, данный метод позволяет ввести в замешательство допрашиваемого в случае дачи им ложных показаний, что может привести его к необходимости начать давать правдивые показания. Полагаем, что навыки владения перекрестным допросом для государственного обвинителя являются обязательными, поскольку данная интерпретация допроса позволяет выявлять существенные противоречия в показаниях лиц для изобличения их в даче ложных показаний. Несомненно, защита не всегда заинтересована в устранении имеющихся противоречий, а, напротив, использует их для опровержения версии обвинения. Перекрестный допрос «оказывает сильное воздействие на психику подсудимых, поскольку отличается от обычного допроса повышенной психологической нагрузкой на допрашиваемых... держит подсудимых в состоянии ослабевающего напряжения, дает возможность вскрыть противоречия в показаниях подсудимого, дающего ложные показания, обнаружить несостоятельность позиций допрашиваемого» [11, с. 15].

Третья ситуация судебного следствия: подсудимый не признает себя виновным (14,9%).

Данная ситуация характеризуется крайне выраженным уровнем конфликтности между стороной обвинения и стороной защиты. Нередко обвиняемые в ходе предварительного расследования, признавая полностью вину в инкриминируемых им преступлениях, меняют свои показания в процессе судебного следствия, отказываясь от содеянного.

Ситуации полного отрицания вины наблюдаются, как правило, в тех случаях, когда защитник и подсудимый уверены, что в деле нет достаточных доказательств, изобличающих подсудимого в преступлении. Часто такая ситуация бывает при доказывании мотива совершения преступления, поскольку подсудимые утверждают, что не могли и предположить, что совершают преступление именно в отношении журналиста.

Так, в г. Краснодаре журналисты съемочной группы ОАО МТРК «Краснодар» производили видеосъемку ДТП с целью сбора материалов для средств массовой информации. Участниками ДТП при совершении различных конкретных действий каждым было совершено воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения к отказу от распространения информации, применения физического насилия в отношении них и повреждения при этом имущества. Однако в ходе судебного разбирательства ни один из трех участников группы – ни В.Н. Ковальчук, ни Л.С. Позоян, ни И.А. Шумейко – не признал своей вины, ссылаясь на то, что никаких журналистов они не видели, никого не избивали, не повреждали видеокамеру и не отбирали кассету со снятым репортажем. При этом в ходе предварительного расследования обвиняемыми были даны признательные показания. В результате судебного разбирательства вина подсудимых судом при исследовании в совокупности всех доказательств была установлена полностью, а доводы подсудимых и защитников суд оценил критически, как избранный способ защиты [4].

Следует отметить, что, намечая тактику судебного следствия и не зная, как сложится судебная ситуация в ходе судебного разбирательства, суд должен стремиться выяснить все существенные обстоятельства дела и восполнить пробелы предварительного следствия, чтобы всесторонне, полно и глубоко исследовать обстоятельства дела [6, с. 66-92]. Поэтому если по материалам уголовного дела в ходе предварительного следствия обвиняемый не давал признательных показаний, то судья перед началом судебного разбирательства должен предвидеть ситуацию конфликтности между стороной защиты и стороной обвинения. В этой связи необходима доскональная проверка показаний подсудимого. Такая проверка нужна еще и потому, что суду предстоит провести судебное следствие таким образом, чтобы сомнений в виновности подсудимого у присутствующих в зале судебного заседания и участников уголовного судопроизводства не возникло, а приговор был вынесен обоснованно и справедливо.

При рассматриваемой ситуации, если подсудимые изменили свои показания в суде, то необходимо сравнить и проанализировать их прежние и новые показания; сопоставить их и с другими доказательствами, как имеющимися в деле, так и вновь истребованными; при возможности проверить объяснения допрашиваемого о причинах изменения показаний. Так, полное отрицание вины подсудимым или изменение показаний, данных на предварительном следствии, в сторону отрицания

вины ориентирует суд на производство более углубленного и детального допроса подсудимого, потерпевшего, свидетелей по поводу недостаточно выясненных обстоятельств дела, дополнительный осмотр вещественных доказательств, привлечение новых доказательств по делу, необходимых для выяснения недостаточно исследованных и вновь возникших вопросов.

При этом, как верно отмечается в литературе, при наличии в деле нескольких подсудимых целесообразно определить очередность исследования доказательств по делу следующим образом: 1) первым следует допрашивать подсудимого, признающего свою вину; 2) если никто не признает вину, то их показания необходимо исследовать после изучения других доказательств; 3) если одно лицо признает вину частично, то его следует допрашивать после лица, признающего вину полностью [13, с. 74]. При допросе подсудимого, не признающего вины, следует предлагать ему вопросы только по мере предоставления и исследования сторонами доказательств, при этом не следует запутывать подсудимого, стремясь получить от него признательные показания [1, с. 18].

Нередко подсудимые при изменении показаний настаивают, что признательные показания давались ими в ходе предварительного следствия под давлением со стороны правоохранительных органов, будь оно психическим или физическим. В этой связи успешному разрешению данной судебной ситуации может способствовать реализация такой основополагающей идеи информационного взаимодействия, как принцип майевтики [9, с. 89]. Суть данного принципа заключается в том, что суду предоставляется сопутствующая информация помимо той, которая сформировалась в ходе предварительного расследования при проведении следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Такой сопутствующей информацией может служить видеозапись допроса подсудимого, когда он дает правдивые показания. Просмотр данной видеозаписи, в которой будет отражаться эмоциональное состояние подсудимого, напряженность информационной среды, даст суду определенные основания к доверию подсудимого или исключению такого доверия.

С учетом изложенного с уверенностью можно отметить, что разработка теоретических и практических основ методики судебного следствия по делам о преступлениях, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью, основанная на применении метода ситуационного моделирования судебных ситуаций обнаружения, исследования и использования судебных доказательств, требует

дальнейших, более глубоких исследований. Однако правильная тактика государственного обвинения и защиты в ходе судебного следствия должна быть оправдана той судебной ситуацией, которая сложилась в ходе судебного заседания, а решение суда должно быть обоснованным, законным и справедливым, основанным на результатах исследования всех обстоятельств уголовного дела в ходе судебного разбирательства.

Литература

1. Александров А. Оглашение показаний подсудимого // Законность. 2003. № 12.
2. Архив Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области. Д. № 1-1/2013.
3. Архив Верхнепышминского городского суда Свердловской области. Д. № 3714/26.
4. Архив судебного участка № 25 Западного округа г. Краснодара Краснодарского края. Д. № 1-19/09-25.
5. Архив Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области. Д. № 1-99/2014.

6. Бозров В.М. Судебное следствие. Вопросы теории и практики. Екатеринбург: Каменный пояс, 1992.

7. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. Калининград, 1997.

8. Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006.

9. Кудрявицкий А.С. Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение судебного разбирательства дел о преступлениях, совершаемых организованными преступными сообществами: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.

10. Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955.

11. Пешехонов С., Соловьев А. Психологические особенности допроса подсудимого в суде // Советская юстиция. 1969. № 13.

12. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958.

13. Сычева О.А. Тактика судебного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

Г.Е. Брызгалов

Барнаулский юридический институт МВД России

К вопросу об особенностях хищений денежных средств с банковских счетов физических лиц, совершаемых с использованием вредоносных программ

Рост информационных технологий обусловил расширение сфер применения мобильной связи и платежей, интернет-банкинга с подтверждением транзакций по СМС и банковских мобильных приложений в предпринимательской деятельности и в повседневной жизни. При этом быстрое развитие таких технологий создает предпосылки для их использования в преступных целях. В результате появилось целое направление вредоносного мобильного программного обеспечения, которое подменяет интерфейсы мобильных магазинов, производителей и банковских мобильных приложений, перехватывает СМС, шпионит за пользователем.

Преступления, совершенные с использованием современных информационных технологий, являются одним из самых прогрессивно развивающихся видов интеллектуальной преступности, который причиняет не только имущественный ущерб, но и посягает на национальную безопасность, что подтверждается крупнейшей в истории кибератакой вирусом WannaCry, нанесшим урон по финансам и репутации компаний 70 стран, в т.ч. России. Под удар попали сотовый оператор «Мегафон» и Министерство внутренних дел Российской Федерации [3].

Проведенные исследования в области борьбы с преступлениями, совершенными с использованием современных информационных технологий, указывают на то, что основная задача перед научным сообществом стоит в разработке методики расследования указанных преступлений с учётом складывающейся действительности.

Актуальность этого направления подтверждается официальными цифрами. Так, 15.02.2017 Центральный банк Российской Федерации опубликовал «Обзор о несанкционированных переводах денежных средств» за 2016 г. Согласно пред-

ставленной статистике, в 2016 г. было совершено более 296 тысяч несанкционированных операций, что на 36 тысяч больше, чем в 2015 г. [2].

Продолжающийся рост хищений, совершенных с использованием кредитных и расчетных карт, анализ расследования уголовных дел подтверждает важность выбора направления исследования, кроме того, до сих пор имеются неисследованные проблемы противодействия расследованию; проблемы, возникающие у следователя, дознавателя по приостановленным уголовным делам, недостаточное совершенство методики расследования хищений денежных средств с банковских счетов физических лиц, совершаемых с использованием вредоносных программ.

Проведенный нами анализ научной литературы, а также судебно-следственной практики позволил выделить следующие особенности хищений, совершаемых с использованием вредоносных программ.

Первой отличительной особенностью данного вида преступлений является тщательно продуманный способ подготовки к совершению таких преступлений, при этом уже на стадии подготовки к совершению преступлений прорабатываются методы сокрытия следов, способы конспирации в ходе осуществления преступной деятельности, сопряженной с созданием, использованием и распространением вредоносных программ.

Второй отличительной особенностью является совершенствование способа совершения хищений путем автоматизации процесса и минимальное участие человека в процессе совершения преступлений. Ранее низкое распространение хищений денежных средств, совершаемых с использованием вредоносных программ, было связано с индивидуальным подходом к каждому взлому, недостаточной распространённостью смартфонов и несовершенством интернет-банкинга.

Третьей отличительной особенностью является то, что организаторами преступной деятельности подбираются как высококвалифицированные специалисты в области IT-технологий, так и

лица, не обладающие специальными познаниями. Для низкоуровневых исполнителей подбирается необходимый инструментарий, используя который возможно получить доступ к инфраструктуре для перевода, конвертации и снятия денег. Сами организаторы могут и не обладать специальным образованием и познаниями в этой области, однако наличие организаторских способностей позволяет создать организованную группу и длительное время находиться вне поля зрения правоохранительных органов [1].

Четвертой отличительной особенностью является то, что в ходе осуществления оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий возникают сложности, связанные с изъятием компьютерной информации, необходимой для расследования, трудно обнаружить первоисточник вредоносной программы, много времени уходит на установление схемы распространения вредоносных программ в интернете, при этом во вредоносных программах есть возможность прописать дистанционное выведение из рабочего состояния заразившихся устройств с уничтожением данных, хранящихся на них, что, в свою очередь, не позволяет в дальнейшем производить программно-технические судебные экспертизы по изъятым устройствам с целью установления механизма хищения денежных средств.

Выделенные особенности позволяют, на наш взгляд, оптимизировать процесс расследования в соответствии с назначением уголовного судопроизводства.

Литература

1. Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Д. № 360282/2017.
2. Обзор несанкционированных переводов денежных средств за 2016 год. URL: http://www.cbr.ru/credit/Gubzi_docs/survey_transfers_16.pdf (дата обращения: 20.09.2017).
3. «Хакнуть может каждый». Что показала кибератака WannaCry. URL: https://hitech.mail.ru/review/wannacry_attack_opinion_moscow_specialist/ (дата обращения: 20.09.2017).

Т.В. Демидова, канд. юрид. наук
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Д.С. Гольцев, канд. экон. наук
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Проблемные вопросы расследования преступлений в сфере жилищно- коммунального хозяйства

Преступления в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) представляют серьезную общественную опасность, поскольку затрагивают интересы государства и общества. Основной ущерб от преступлений причиняется российским гражданам, в т.ч. ветеранам и пенсионерам.

Нарушения законодательства при использовании финансовых ресурсов в жилищно-коммунальном хозяйстве допускаются в настоящее время на всех этапах, от выделения денежных средств до их расходования на местах.

Указанные деяния отличаются существенной спецификой в связи с наличием сложного межотраслевого процесса. Исследование фиктивных договоров, заключаемых управляющими компаниями и обслуживающими организациями, которые вуалируют необоснованные затраты, образующиеся при содержании непрофильных активов, хищения имущества и денежных средств, а также увеличение тарифов на коммунальные услуги требует слаженного взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов в целях обеспечения неотвратимости наказания и возмещения причиненного преступлениями материального ущерба.

Проведенный анализ работы в данном направлении свидетельствует, что в первом полугодии 2017 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 1 604 преступления в сфере ЖКХ. За 6 месяцев 2017 г. размер причиненного материального ущерба по оконченным и приостановленным уголовным делам и материалам проверок о названных преступлениях составил 2,8 млрд рублей. При этом наложен арест на имущество, добровольно погашен материальный ущерб и изъято ценностей на общую сумму 905 млн рублей, или 32,9%¹.

Мониторинг практики расследования уголовных дел о преступлениях данной категории

показывает, что основной их массив продолжают составлять дела о преступлениях, связанных с неправомерным использованием денежных средств, выделяемых на выполнение ремонтно-строительных работ (более 60%).

Хищения денежных средств, в т.ч. бюджетных, совершаются при использовании дешевых стройматериалов с указанием в актах приемки выполненных работ фиктивных данных о применении более дорогих, посредством частичного проведения работ или их невыполнения вовсе с присвоением денежных средств, поступивших в качестве предоплаты.

В целях повышения эффективности контроля за расследованием уголовных дел о преступлениях в сфере ЖКХ, а также обеспечения законности при принятии по ним процессуальных решений, сокращения сроков расследования, обеспечения своевременного экспертного сопровождения на всех стадиях уголовного судопроизводства и повышения результативности работы по возмещению ущерба, предлагается:

1) ориентировать работу межведомственных рабочих групп в сфере ЖКХ на своевременное выявление фактов неправомерного использования средств организациями ЖКХ и нарушений прав и законных интересов граждан, а также на незамедлительную передачу контролирующими органами указанных материалов правоохранительным органам по компетенции;

2) ввести в практику работы заблаговременное согласование с руководителями контролирующих органов перечня основных документов, содержащихся в направляемых в правоохранительные органы материалах, необходимых для принятия своевременного и законного решения в порядке ст. 144-145 УПК РФ;

3) продолжить мониторинг практики расследования уголовных дел о преступлениях в сфере ЖКХ. По результатам подготовить обзор о наиболее распространенных механизмах совершения преступлений, особенностях назначения и производства исследований финансово-хозяйственной деятельности предприятий, занятых в данной отрасли экономики. Направить указанный обзор в территориальные подразделения для использования на стадии назначения экспертизы, а также при оценке заключений экспертов органами предварительного следствия;

4) продолжить работу по реализации комплекса организационных мер, направленных на соблюдение требований законодательства об осуществлении уголовного судопроизводства и совершенствования механизмов ведомственного

¹ По данным МВД России.

процессуального контроля за расследованием уголовных дел о преступлениях в сфере ЖКХ, а также обеспечение законности при принятии по ним процессуальных решений;

5) продолжить практику проведения занятий в системе служебной подготовки с руководителями и сотрудниками следственных и оперативных подразделений субъектов Российской Федерации об особенностях возбуждения и расследования преступлений в сфере ЖКХ;

6) при принятии решений о прекращении уголовных дел (уголовного преследования), а также приостановлении расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере ЖКХ, в срок не позднее 10 суток руководителям следственных органов и их заместителям проверять законность и обоснованность принятого следователем решения. Если не исчерпаны все возможности для сбора доказательств, установления обсто-

ятельств совершения преступления, установления и розыска лиц, совершивших преступления, такие решения безотлагательно отменять и давать следователю письменное указание о производстве необходимых следственных и иных процессуальных действий (в т.ч. о даче соответствующего поручения органу, осуществляющему оперативно-разыскную деятельность).

Литература

1. Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий. М.: Эксмо, 2010.

2. Демидов А.А., Демидова Т.В. Актуальные проблемы назначения и производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, совершенных в сфере жилищно-коммунального комплекса // Энциклопедия судебной экспертизы. 2014. № 2 (4). URL: <http://www.proexpertizu.ru>.

*Т.П. Деревянская, канд. юрид. наук
Барнаульский юридический институт МВД России*

Биологически активные добавки как предмет криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 238¹ УК РФ

Одним из основных структурных элементов криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 238¹ УК РФ, является предмет преступления. В качестве предмета преступлений, предусмотренных ст. 238¹, УК РФ называет фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие не заявленные при регистрации фармацевтические субстанции. Статья 1 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [5] определяет биологически активные добавки как природные (идентичные природным) биологически активные вещества, предназначенные для употребления одновременно с пищей или введения в состав пищевых продуктов.

Следует отметить, что необходимо отличать биологически активные добавки от пищевых добавок. Пищевые добавки используются при изготовлении биологически активных добавок, но они

нужны лишь для придания им определенного качества и свойств, а также обеспечения необходимого срока годности.

Рассматривая биологически активные добавки в качестве предмета преступления ст. 238¹ УК РФ, необходимо отметить, что биологически активные добавки представляют собой биологически активные вещества, предназначенные для восполнения нужных организму витаминов и микроэлементов. По оценке экспертов, «потребление БАД стремительно растет, всё в большей степени составляя конкуренцию лекарственным препаратам, в т.ч. и гомеопатическим» [6, с. 184]. Биологически активные добавки используются для профилактики заболеваний, восполнения недостатка витаминов и микроэлементов либо восстановления здоровья после перенесенного заболевания.

Кроме того, крайне опасным представляется сбыт биологически активных добавок к пище под видом лекарств. Так, в Новосибирской области мошенники сбывали БАДы, представляясь сотрудниками здравоохранения [2]. Применение таких добавок как минимум может привести к безуспешности лечения и быть опасным для жизни или здоровья потребителя.

Обязательным признаком биологически активных добавок как предмета преступления

ст. 238¹ УК РФ является фальсификация таких добавок. В соответствии с Федеральным законом «О качестве и безопасности пищевых продуктов» фальсифицированные биологически активные добавки – это биологически активные добавки, «умышленно измененные (поддельные) и (или) имеющие скрытые свойства и качество, информация о которых является заведомо неполной или недостоверной» [5].

Несомненно, любые вещества, применяемые человеком, должны быть безопасны и не наносить вреда организму человека. Законодательное понятие безопасности раскрывается в ст. 1 Закона Российской Федерации «О безопасности», в соответствии с которым безопасность – это «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [3]. Понятие безопасности товара содержится в Законе «О защите прав потребителей», где под безопасностью товара (работы, услуги) понимается безопасность для жизни, здоровья, имущества потребителя и окружающей среды при обычных условиях его использования, хранения, транспортировки и утилизации [4].

Однако не только скрытые свойства и качество являются признаком фальсификации биологически активных добавок. Законодатель в ст. 238¹ УК РФ предусмотрел особый признак биологически активных добавок как предмета преступления – «содержащие не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции».

Необходимо отметить, что в основном фальсифицируются биологически активные добавки, пользующиеся большим спросом у потребителя. Такие добавки широко рекламируются и распространяются среди потребителя посредством дистрибьютеров, а также через интернет-ресурсы. Реже фальсифицируются биологически активные добавки малоизвестных, нераспространенных марок, большинство таких добавок (около 90%) доставляются на дом. Достаточно редко фальсифицированные биологически активные добавки распространяются через магазины и аптеки.

Среди фальсифицированных биологически активных добавок больше всего добавок для профилактики ряда хронических заболеваний: ожи-

рения, атеросклероза и других сердечно-сосудистых заболеваний, злокачественных новообразований, иммунодефицитов, на втором месте – добавки иммуномодулирующего действия и восполнения дефицита витаминов и минералов, следующими по популярности являются добавки для улучшения состояния волос, кожи и ногтей. Часто фальсифицируются биологически активные добавки, которые производятся крупными фирмами, зарекомендовавшими себя как достойные производители, пользующиеся авторитетом среди потребителей и врачей.

Таким образом, рассматривая биологически активные добавки в качестве предмета ст. 238¹ УК РФ, можно констатировать, что ими будут фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие в своем составе не заявленные при регистрации фармацевтические субстанции. Таковыми чаще всего являются наиболее распространенные и часто рекламируемые добавки, распространяемые с помощью дистрибьютеров.

Литература

1. Марцев А.И., Юркина Т.П. Совершенствование уголовной ответственности за незаконное обращение лекарственных средств // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1 (44). С. 19-23.
2. Новосибирцам продают псевдо-лекарства. URL: <http://pharmapractice.ru/19679>.
3. О безопасности: закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 (в ред. Федерального закона от 26 июня 2008 г. № 103-ФЗ) // Рос. газ. 1992. 6 мая; 2008. 28 июня.
4. О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (с изм., внесенными Федеральным законом от 25 июня 2012 г. № 93-ФЗ) // Рос. газ. 1996. 16 янв.; 2012. 27 июня.
5. О качестве и безопасности пищевых продуктов: федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ // Рос. газ. 2000. 10 янв.
6. Серeda И.М. Проблема правового регулирования оборота биологически активных добавок к пище в Российской Федерации // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 1 (9). С. 184-200.

В.В. Ерахмилевич

Алтайский государственный университет

**Проблемы выявления и расследования
преступлений против половой
неприкосновенности
несовершеннолетних, совершаемых
с использованием интернет-ресурсов**

В последнее время киберпреступность стала широко распространенным и развивающимся явлением. Среди наиболее популярных преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, можно назвать хищения, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, преступления экстремистской направленности, а также преступления против половой неприкосновенности.

В силу объективных и субъективных причин раскрытие и расследование подобных преступлений имеют определенные сложности, которые обусловлены, прежде всего, затруднениями в установлении субъектов преступлений, что связано с проблемами установления электронных данных последних.

К объективным причинам следует отнести затрудненный доступ к некоторым интернет-ресурсам, которые зарегистрированы на территории других государств (WhatsApp, Skype и т.д.). Установление IP-адресов, привязанных к этим операторам, возможно только путем направления международных поручений, которые положительные результатов в выявлении причастных лиц в основном не дают.

К субъективным причинам необходимо отнести высокий уровень интеллектуальной подготовки и конспирации самих субъектов данных преступлений, которые регистрируют свои электронные страницы с использованием сим-карт, зарегистрированных на других лиц.

Вместе с тем преступления против половой неприкосновенности с использованием сети Интернет имеют свои особенности.

Прежде всего, это связано с высоким уровнем латентности данного вида преступлений. В большинстве случаев уголовные дела возбуждались по фактам противоправных действий, которые стали известны от родителей несовершеннолетних. Однако в силу особенностей поведения подростков отмечается их склонность к ведению общения в интернет-ресурсах, о котором они не склонны сообщать родственникам. Поэтому лица, занимающиеся воспитанием несовершеннолетних, в основном узнают о подобных фактах слу-

чайно. Механизмы же выявления таких преступлений специальными органами не выработаны и имеют сложность, которая связана с охраняемой законом неприкосновенностью частной жизни, тайной переписки, телефонных переговоров и иных сообщений.

Однако положительный опыт выявления и раскрытия подобных преступлений есть, в т.ч. и на территории Алтайского края.

Данные деяния квалифицируются по признакам преступлений, предусмотренных ст. 135 УК РФ – развратные действия без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего (ч. 1) либо четырнадцатилетнего возраста (ч. 2). В случае недостижения потерпевшим двенадцатилетнего возраста подобные действия квалифицируются по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ – иные действия сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшего, совершенного в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. На это прямо указывается в приложении к ст. 131 УК РФ, согласно которому к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, относятся деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ч. 2-4 ст. 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, т.е. не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий.

Итак, каков алгоритм действий при раскрытии и расследовании этих преступлений?

В первую очередь после получения информации о развратных действиях в отношении несовершеннолетнего с использованием сети Интернет необходимо установить пользователя страницы определенной социальной сети. Как правило, удастся обнаружить подобных пользователей в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники» и других, которые зарегистрированы на территории Российской Федерации. С этой целью направляется запрос представителям соответствующей социальной сети о том, какой адрес имеет страничка, с которой выходил предполагаемый подозреваемый, когда она была зарегистрирована, какой IP-адрес присвоен пользователю в момент регистрации и в последующей ленте активности, какова дата последнего посещения, какие абонентские номера «привязаны» к этой страничке, иные личные данные указанного пользователя.

Как правило, в ответе на запрос имеется абонентский номер пользователя. В связи с этим вто-

рым шагом является направление запроса оператору сотовой связи о том, на ком зарегистрирован этот абонентский номер. При этом, как уже упоминалось, пользователь может использовать сим-карты, которые зарегистрированы не на его имя. Для идентификации пользователя следственным органам целесообразно обратиться в суд с ходатайством о получении информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами за интересующий следствие период с указанием номеров базовых станций, её секторов, а также адресов фактического расположения базовых станций, через которые осуществлялись указанные соединения, IMEI мобильных устройств, работающих с конкретным абонентским номером. Информация об абонентах позволит установить лиц, с которыми общался предполагаемый подозреваемый, и допросить их в качестве свидетелей о личности последнего. Информация о базовых станциях даст возможность установить примерное местонахождение пользователя в интересующее время. Информация об IMEI мобильных устройств даст возможность впоследствии выяснить, какие сим-карты использовались еще в этих устройствах, и получить информацию об их владельцах. Подобная процедура позволила по конкретному уголовному делу установить личность пользователя, который для совершения противоправных действий использовал сим-карты, зарегистрированные на других лиц.

После установления личности предполагаемого подозреваемого необходимо провести обыск по месту его жительства (нахождения интернет-ресурсов), изъять носители электронной информации, после чего произвести детальный их осмотр.

До проведения указанных следственных действий необходимо произвести аналогичный осмотр интернет-ресурсов потерпевшего и изъять интересующую информацию.

При необходимости следует назначить компьютерно-техническую судебную экспертизу носителей информации с выяснением вопроса о скрытых, удаленных файлах. Как правило, на электронных носителях удается обнаружить информацию как об интересующих фактах, так и другую, имеющую значение для уголовного дела с точки зрения характеристики подозреваемого (склонность общения с несовершеннолетними, материалы порнографического содержания и т.д.).

Кроме того, необходимо получить разрешение суда и изъять у интернет-провайдера информацию о посещении (фактах выхода) в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет с указанием IP-адресов посещаемых сайтов пользо-

вателей (подозреваемого, потерпевшего) в интересующее следствие время.

При этом следует обратить внимание, что соответствующая информация хранится ограниченное время, около одного месяца.

При осуществлении допроса подозреваемого, в случае необходимости, возможно предъявить ему на обозрение указанную изъятую информацию.

В ходе допроса подозреваемого ему целесообразно задать следующие вопросы:

– создавал ли он конкретную страницу в интересующей социальной сети, если да, то с какого времени? Какие абонентские номера «привязывал» к этой странице?

– имел ли доступ к этой странице кто-либо еще?

– каковы обстоятельства использования страницы в интересующее следствие время?

– общался ли он с потерпевшей (потерпевшим), с какой целью, совершал ли развратные действия в отношении этих несовершеннолетних и осознавал ли, что совершает именно развратные действия? Кто был инициатором их совершения и в чем конкретно эти действия выразились?

– был ли осведомлен о возрасте и несовершеннолетии собеседника?

Кроме того, необходимо изъять у подозреваемого сим-карты, абонентские номера которых были «привязаны» к аккаунтам социальной сети.

Естественно, по подобным уголовным делам необходимо проведение лингвистической судебной экспертизы, на разрешение которой рекомендованы следующие примерные вопросы:

– идет ли речь о половой сфере человека в сообщениях пользователей в переписке?

– кто является инициатором темы «половая сфера человека»?

– имеются ли в представленных сообщениях признаки побуждения собеседника к действиям, имеющим отношение к половой сфере, к развратным действиям? Если да, то к каким именно действиям побуждается собеседник? Каков характер волеизъявлений в выраженных побуждениях (просьба, требование, угроза и др.)?

– содержатся ли в сообщениях лингвистические признаки информации порнографического характера?

Также возможно проведение искусствоведческой судебной экспертизы для выяснения вопроса о том, является ли конкретное изображение порнографическим.

Несовершеннолетним потерпевшим необходимо проведение психолого-психиатрической

судебной экспертизы, где среди прочих выясняется вопрос о склонности к фантазированию.

Конечно, приведенный выше перечень следственных и процессуальных действий является примерным. Объем следственных и оперативных мероприятий зависит от обстоятельств конкретного уголовного дела.

В качестве рекомендации для более эффективного противодействия преступлениям против половой неприкосновенности с использова-

нием интернет-ресурсов можно предложить введение в Уголовный кодекс Российской Федерации отдельной нормы, предусматривающей ответственность за подобные преступления. Кроме того, целесообразно сформировать в системе МВД РФ специальное направление либо выделить оперативных сотрудников, которые будут осуществлять мониторинг социальных сетей и выявлять данный вид преступлений.

О.С. Зиберова, канд. юрид. наук
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

Судебно-медицинская экспертиза по преступлениям в сфере торговли женщинами с целью сексуальной эксплуатации

Торговля людьми в современном мире является преступным социальным явлением, борьба с которым должна носить международный характер, невзирая на имеющиеся между странами разногласия в сфере политики или экономики [6, с. 38-50]. Работоторговцы нашего времени – это представители криминального мира, которые действуют в составе крупных преступных организаций или сообществ, в т.ч. террористических и экстремистских организаций, нуждающихся в постоянных финансовых вливаниях [3, с. 61-64].

Торговля женщинами с целью сексуальной эксплуатации – один из наиболее весомых сегментов работоторговли в наши дни. Отдельно в этой сфере можно выделить работоторговлю с целью сексуальной эксплуатации несовершеннолетних девушек [2, с. 20-23].

Основные потоки поступления «живого товара» – Центральная Европа, а основной путь работоторговцев ведет на Ближний Восток. Как и в прежние времена, на Востоке ценится европейская и славянская женская красота.

Причины попадания в сексуальное рабство могут быть различны – похищение женщин, мошенничество в сфере трудоустройства или туризма, долговые обязательства, прямая купля-

продажа женщины. Так, в 2017 г. гражданин Польши по заказу клиента из Ближнего Востока обманным путем пригласил британскую модель на фотосъемку в Милан, где при помощи наркотиков привел ее в беспомощное состояние и продал за 300 тысяч евро в биткоинах (криптовалюте) [4].

Освобождение жертв сексуального рабства чаще всего происходит на этапе задержания участников преступной группы, но возможны ситуации, когда местонахождение основных участников преступной группы неизвестно, но есть оперативная информация о месте содержания жертв работоторговли (потерпевших) [1]. После того как женщина, пострадавшая от работоторговли и сексуальной эксплуатации, освобождена, необходимо привлечь к работе психологов для выведения потерпевшей из стрессового состояния, приложить усилия по закреплению материальных следов на месте происшествия, а также следов преступной деятельности на теле жертвы.

Судебно-медицинская экспертиза по преступлениям в сфере торговли женщинами с целью сексуальной эксплуатации должна быть назначена в максимально короткие сроки. В рамках производства судебно-медицинской экспертизы эксперты исследуют не только тело потерпевшей, но и вещественные доказательства, в т.ч. следы крови, спермы, слюны, частиц эпителия. Последние могут быть направлены также на производство судебно-геномных экспертиз [1, с. 45].

Рассмотрим основные задачи, которые можно решить в рамках судебно-медицинской экспертизы по преступлениям в сфере торговли женщинами с целью сексуальной эксплуатации. Необходимо установить:

- наличие повреждений на теле потерпевшей (их количество, локализация, давность появления и др.);

- тяжесть имеющихся на теле потерпевшей повреждений, механизм их возникновения, а также возможные орудия причинения повреждений;

- последовательность возникновения повреждений на теле жертвы работорговли, имеются ли на теле повреждения, которые были причинены одновременно;

- число ударов или иных воздействий, от которых пострадала потерпевшая;

- достигла ли женщина в момент начала сексуального насилия половой зрелости;

- наличие следов на теле потерпевшей, свидетельствующих о ее самообороне;

- вела ли жертва, пострадавшая от сексуальной эксплуатации, сексуальную жизнь до начала совершения в отношении нее преступления;

- наличие в полостях тела или на участках тела женщины следов биологического происхождения (сперма, кровь, волосы и др.), если да, то какова групповая принадлежность;

- какие последствия для здоровья потерпевшей наступили вследствие повреждений;

- другие вопросы.

В расследовании преступлений в сфере торговли женщин с целью сексуальной эксплуатации важной составляющей выступает местное, региональное, международное сотрудничество [5], в связи с чем в процессе подготовки к проведению следственных действий необходимо использование баз данных МВД, Интерпола, Европола, SECI Center, Black Sea Task Force, базы СНГ и др.; данные других служб – МИДа, социальных служб, Торгово-промышленной палаты и т.д.

Судебно-медицинская экспертиза жертв преступлений в сфере работорговли и сексуальной эксплуатации является важным элементом доказательственной базы. Качество производства судебно-медицинской экспертизы по делам этой катего-

рии зависит от своевременности ее назначения и качества материалов, предоставленных для исследования эксперту – судебному медику.

Литература

1. Зиберова О.С., Зиберов С.В. Особенности расследования преступлений, связанных с торговлей женщинами с целью сексуальной эксплуатации: монография. Калининград, 2009.

2. Зиберова О.С., Зиберов С.В. Способы совершения преступлений в сфере торговли несовершеннолетними с целью сексуальной эксплуатации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2. С. 20-23.

3. Зиберова О.С. Проблемы выявления факторов финансирования терроризма // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (36). С. 61-64.

4. Поляк похитил британскую модель для продажи за биткойны // Рос. газ. 2017. 5 авг.

5. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Соколов А.Н., Зиберова О.С. Современное международное законодательство по противодействию торговле женщинами с целью сексуальной эксплуатации: сравнительно-правовой анализ // Правовая культура. 2011. № 1. С. 38-50.

7. Хлынцов М.Н. Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений / под ред. В.Г. Власенко. Саратов, 1982.

Е.В. Зубенко, канд. юрид. наук

Владивостокский филиал Дальневосточного
юридического института МВД России;

Р.С. Карпунин

Судебный участок № 39 судебного района
г. Дальнегорска Приморского края

К вопросу об алгоритме установления личности подсудимого мировым судьей по делам частного обвинения

В последнее время криминалисты, помимо всего прочего, стали уделять внимание разработкам научно обоснованных рекомендаций по успешному и эффективному рассмотрению уголовных дел в суде [2, 3]. В этой связи В.К. Гавло считал, что криминалистика, выполняя свою практическую задачу, разрабатывает суду (судье) оптимальные рекомендации по проведению судебных действий в складывающихся судебных ситуациях. При этом она одинаково обслуживает и предварительное следствие, и судебное разбирательство с учетом целей и задач осуществления правосудия по уголовным делам [1, с. 192-194].

Однако рекомендации, как правило, даются по проведению судебного разбирательства той или иной категории уголовных дел. При этом в стороне от криминалистических исследований остается деятельность мирового судьи по подготовке к рассмотрению уголовных дел частного обвинения. Попытаемся частично восстановить указанный пробел криминалистических знаний и рассмотреть на страницах данной статьи (в сжатом виде, в связи с ограниченным объемом) действия мирового судьи по установлению личности подсудимого по делам частного обвинения. Здесь, в отличие от предварительного расследования, судье надлежит самостоятельно устанавливать не только его личность, но и собирать характеризующие сведения.

На сегодняшний день нет четко выработанного алгоритма действий мирового судьи, направленного на сбор характеризующего подсудимого материала. Нередко у мирового судьи возникают вопросы после принятия к производству заявления о возбуждении уголовного частного обвинения: когда должна быть начата работа по сбору характеризующего материала в отношении подсудимого? Какими процессуальными способами возможно получение данных сведений? Какими критериями руководствоваться мировому судье при сборе характеризующего материала в отношении подсудимого исходя из степени его достаточности для принятия итогового процессу-

ального решения? Какие необходимые документы, характеризующие личность подсудимого, мировой судья должен истребовать из соответствующих органов или иных организаций?

Сведения о личности подсудимого, установленные мировым судьей, существенным образом могут влиять: на возможность назначения определенного вида наказания с учетом законодательных ограничений, предусмотренных в общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) для отдельных видов наказаний; установление и документальное подтверждение обстоятельств, смягчающих наказание, а также иных обстоятельств, смягчающих наказание (ч. 2 ст. 61 УК РФ); наличие особого статуса лица, в отношении которого поступило заявление о возбуждении уголовного дела частного обвинения (ст. 447 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)); определение размера наказания (например, наличие алиментных обязательств у подсудимого при назначении наказания в виде штрафа или процента удержания из заработной платы осужденного к исправительным работам).

Действующим уголовно-процессуальным законодательством РФ в силу ч. 2 ст. 20 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 115 ч. 1, 116.1 и 128.1 УК РФ, считаются уголовными делами частного обвинения.

Требованиями ст. 318, 319 УПК РФ предусмотрены процессуальные особенности, связанные с оформлением заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения, а также полномочия мирового судьи при поступлении к нему заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения.

На практике судьи, по аналогии с предварительным расследованием, направляют запросы о том, состоит ли лицо, в отношении которого подано заявление, на учете у психиатра и нарколога, имеет ли судимости, как характеризуется по месту работы и месту жительства, имеются ли несовершеннолетние дети. Такие запросы следует направлять как можно ранее, после принятия заявления судом к своему производству, чтобы своевременно получить ответы и не затягивать сроки рассмотрения уголовного дела.

При этом мы полагаем, что мировой судья не должен ограничиваться направлением вышперечисленных запросов. Такой подход к изучению личности подсудимого по уголовным делам частного обвинения будет не в полной мере способствовать осуществлению правосудия и может послужить препятствием проведению дальнейшего судебного разбирательства.

Нам представляется, что мировому судье следует при изучении личности подсудимого учитывать санкции ст. 115 ч. 1, 116.1 и 128.1 УК РФ и, исходя из видов наказаний, перечисленных в них, получать сведения, характеризующие личность подсудимого. По вышеназванным преступлениям предусмотрены такие виды наказаний, как штраф, обязательные работы, исправительные работы, арест.

Считаем, что особый интерес у мирового судьи должен вызывать размер заработной платы подсудимого, т.к. наказание в виде штрафа наиболее часто применяется по уголовным делам частного обвинения. В этой связи полагаем необходимым истребовать судье справки формы 2-НДФЛ с места работы подсудимого, т.к. данная справка несет наиболее полную информацию об уровне дохода подсудимого, данные о наличии алиментных или кредитных обязательств.

При подаче заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения нередко заявитель, помимо привлечения виновного к уголовной ответственности, выдвигает иски о компенсации морального вреда, возмещения процессуальных издержек, в связи с чем для обеспечения взыскания штрафа и компенсации морального вреда, процессуальных издержек мировой судья должен истребовать сведения о движимом или недвижимом имуществе подсудимого при отсутствии официального дохода для принятия решения в части размера гражданского иска и штрафа.

Возникает вопрос, каким образом мировой судья после принятия к производству заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения, до назначения судебного заседания по делу, должен устанавливать характеризующие личность подсудимого сведения и в каком процессуальном документе их отражать?

С нашей точки зрения, мировой судья при вручении заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения должен разъяснить процессуальные права лицу, вручить ему экземпляр заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения и установить необходимые сведения

путем составления, например, протокола о разъяснении прав, вручении копии заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения, а также протокола установления личности лица, в отношении которого подано заявление, в котором более подробно в ходе опроса установить данные, характеризующие его личность (с учетом выше обозначенных нами особенностей), после чего на основании данных, содержащихся в протоколе, истребовать необходимые сведения.

Резюмируя рассмотренные выше вопросы, еще раз отметим, что мировой судья непосредственно при принятии заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения к производству должен начать работу по изучению личности подсудимого, придерживаясь обозначенного алгоритма путем направления соответствующих запросов в государственные органы, а также опроса лица при вручении копии заявления о возбуждении уголовного дела. В этом случае до назначения судебного заседания у мирового судьи будет полная, документально подтвержденная характеристика личности подсудимого и иные документальные сведения, необходимые для назначения вида и размера наказания.

Литература

1. Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография / под ред. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 226 с.
2. Гармаев Ю.П., Кириллова А.А. Судебное разбирательство по уголовным делам об убийствах, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты (подготовлен для системы «Консультант-Плюс», 2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Корчагин А.Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008.

И.В. Иванов

Юридический институт
Национального исследовательского
Томского государственного университета

Возможности ситуационного анализа при изучении личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе производства следственных действий

Изучение личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственных действий с его участием осуществляется следователем при определенных обстоятельствах: в надлежащем месте, в определенное время, в конкретной обстановке. Разнообразные по своей природе условия, характеризующие положение дел на определенный момент расследования, формируют уникальную следственную ситуацию, отличающую конкретное следственное действие, проводимое с участием подозреваемого (обвиняемого), неповторимой совокупностью обстоятельств, с учетом которых следователь выбирает соответствующую линию поведения, планирует и применяет тактические приемы.

Несмотря на значительную историю своего становления в отечественной криминалистике, ситуационный подход и в настоящее время не теряет актуальности. Т.С. Волчецкая, один из наиболее известных ученых-криминалистов, провядляющих по отношению к названному методологическому подходу неослабевающий научно-познавательный интерес, отмечает, что «...исследование методологической функции ситуационного подхода в настоящее время относится к числу перспективных направлений научного поиска» [3, с. 11]. Это связано с тем, что до настоящего времени в равной мере не изучены все элементы следственной ситуации как сложного криминалистического образования, имеющего тактико-криминалистическое значение. Тактические приемы применяются для решения определенных, актуальных в условиях конкретной следственной ситуации, тактико-криминалистических задач, к числу которых, наряду с прочими, относится изучение личности подозреваемого (обвиняемого). Действительно, в структуру следственной ситуации включены «...сведения, которые вытекают из условий расследования, а следовательно, и условия расследования, которые влияют на решение криминалистических задач» [4, с. 78]. Причем динамический характер следственной ситуации, при которой происходит взаимодействие между следователем и подозреваемым (обвиняемым),

предполагает, с одной стороны, открытый перечень вариантов, избираемых следователем в качестве средства воздействия, а с другой – актуализирует и обогащает информационные аспекты общения между названными субъектами.

Центральным понятием ситуационного подхода в криминалистике является понятие «следственная ситуация», определения которого нередко существенно различаются между собой [2, с. 132]. В то же время под сущностью следственной ситуации понимается «...ее способность специфическим образом структурировать проявления закономерностей криминальной и поисково-познавательной деятельности, обуславливающих оптимальное направление раскрытия и расследования преступлений» [5, с. 69]. Такое структурирование может осуществляться и в следственных ситуациях, при которых следователь стремится провести анализ причинно-следственных и иных связей между элементами расследуемого события параллельно с решением задачи, связанной с изучением особенностей личности подозреваемого (обвиняемого). Ситуационный анализ как метод криминалистической ситуалогии включает «...процесс осознания и оценки всей совокупности компонентного состава ситуации и ее межкомпонентных связей» [2, с. 74].

Что же касается компонентов следственной ситуации, то их типовой перечень в целом не вызывает острых дискуссий и содержится как в научных специализированных изданиях, так и в учебной литературе [1, с. 502]. Как правило, выделяются компоненты психологического, информационного, процессуального и тактического, а также морального и организационно-технического характера. Полагаем, что значимость этих компонентов в ситуации изучения следователем личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия с его участием неодинакова. Так, организационно-технический и материальный компоненты в отмеченной ситуации (равно как и в большинстве других) заключаются в определении объема и вида ресурсов, подлежащих использованию при реализации тактического воздействия следователем [5, с. 58]. Рядом с ними компоненты психологического и информационного характера в большей мере сориентированы на личностные особенности изучаемого субъекта. Так, психологический аспект следственной ситуации требует понимания индивидуально-психологических особенностей для дальнейшего использования при оптимизации сложившейся следственной ситуации. Компонент информационного характера включает широкое многообразие сведений, которые существенно

вливают на содержание компонентов остальных типов. В частности, принимается во внимание:

- характер поступающей информации (изобличающая по отношению к подозреваемому (обвиняемому) либо, напротив, оправдательная информация, облеченная в форму доказательств);

- источник сведений о лице и особенности носителя данной информации (например, информация, содержащаяся в документах, в показаниях других лиц, вещественные доказательства и т.д.);

- возможный алгоритм использования имеющейся информации для оказания дальнейшего тактического воздействия (например, последовательное предъявление лицу вещественных доказательств по нарастающей значимости улик с одновременным наблюдением за реакциями участника следственного действия, либо, напротив, умолчание о важных для дела обстоятельствах, известных следователю).

Анализ отдельных аспектов следственной ситуации информационного характера в условиях изучения личности участника следственных действий имеет смысл применительно и к отдельному действию, и по отношению к расследованию в целом. Так, в криминалистической литературе описаны разработки, затрагивающие общие вопросы работы с информацией в условиях расследования (например, В.Я. Колдиным разработаны и представлены технологии декодирования сигнальной информации [6, с. 120-128]).

В заключение отметим, что анализ элементов следственной ситуации может быть продолжен и углублен, в т.ч. на основе исследования типичных следственных ситуаций по отдельным категориям уголовных дел.

Литература

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2016. 928 с.
2. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 395 с.
3. Волчецкая Т.С. Роль, этапы и перспективы ситуационного подхода в современной криминалистике // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (46). С. 9-11.
4. Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 226 с.
5. Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 164 с.
6. Колдин В.Я. Криминалистический анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 528 с.

*И.Г. Иванова, канд. юрид. наук
Юридический институт
Сибирского федерального университета*

«Адвокатская карусель» как способ противодействия лицам, осуществляющим уголовное преследование

Асимметрия процессуальных возможностей стороны обвинения и защиты, заключающаяся в том, что следователь самостоятельно определяет ход расследования, привела к тому, что представители адвокатского сообщества единственным способом защиты «частного интереса клиента» [4,

с. 62] считают противодействие следствию, которое сводится к созданию препятствий лицам, осуществляющим уголовное преследование, выражающееся в неявке адвоката на следственные действия, подаче многочисленных ходатайств и жалоб, затягивании времени ознакомления с материалами уголовного дела и т.п.

Здесь мы соглашаемся с мнением М.О. Баева и понимаем противодействие в широком смысле как деятельность, направленную на усложнение формирования и полное или частичное опровержение конечного процессуального тезиса, формулируемого противоположной стороной в соответствии с ее уголовно-процессуальной функцией и противоречащего интересам противоположной стороны [1, с. 7].

К одному из таких способов противодействия стороны защиты относится «адвокатская карусель» – неоднократная смена обвиняемым защитников на стадии ознакомления с материалами уголовного дела.

Право на ознакомление с материалами уголовного дела обусловлено конституционными правами на защиту и свободу получения информации в сфере уголовного судопроизводства. Следователь, признав, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, уведомляет об этом обвиняемого и разъясняет ему предусмотренное ст. 217 УПК РФ право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника. При этом если защитник по уважительным причинам не может явиться для ознакомления, то следователь откладывает ознакомление на срок не более 5 суток. По истечении 5 суток, если адвокат не явился, следователь вправе предложить обвиняемому избрать другого защитника (ст. 215 УПК РФ).

Безусловно, не всегда замену обвиняемым защитника на стадии ознакомления с материалами уголовного дела можно рассматривать как способ противодействия расследованию. Причины смены адвоката могут быть и уважительными – болезнь адвоката, расхождение дальнейшей позиции по делу и т.п.

Однако на практике встречаются ситуации, когда адвокат намеренно затягивает время ознакомления с материалами уголовного дела, в т.ч. рекомендует доверителю произвести неоднократную смену адвокатов. Это обусловлено выбранной тактикой защиты, которая преследует цель дождаться сроков истечения давности привлечения к уголовной ответственности или приговора по связанному уголовному (гражданскому) делу, имеющему преюдициальное значение.

В качестве признаков «адвокатской карусели» можно назвать неоднократное (более двух раз) приглашение обвиняемым новых защитников на стадии ознакомления с материалами уголовного дела, замену защитника по многоэпизодному и многотомному делу, где ознакомление нового защитника с материалами дела займет заведомо много времени и т.п.

Для устранения возможности существования такой формы противодействия К.А. Костенко предлагает внести изменения в ч. 3 ст. 217 УПК РФ, заменив защитника на сторону защиты, предоставив суду возможность ограничивать во времени не конкретного адвоката, а сразу всех адвокатов по одному уголовному делу [2, с. 33]. Однако в таком подходе можно усмотреть огра-

ничение конституционного права на защиту, поскольку замена адвоката может быть вызвана объективными уважительными причинами и является неотъемлемым правом обвиняемого.

«Явное затягивание ознакомления с материалами дела» – категория оценочная, суд по собственному усмотрению устанавливает срок для ознакомления (при обращении следователя с ходатайством), руководствуясь внутренним убеждением, что нередко лишает возможности добросовестных адвокатов реально ознакомиться со всеми материалами многотомного дела.

Одним из способов решения этой проблемы является нормативное закрепление времени, необходимого для ознакомления с материалами уголовного дела. Так, в Государственную Думу РФ в 2015 г. был внесен законопроект 866100-6, где предлагалось определить время ознакомления с материалами дела из расчета 8 часов на 50 страниц [3]. Указанный законопроект был отклонен в первом чтении.

С учетом того, что процессуальные возможности стороны обвинения и защиты на стадии предварительного расследования не равны, а полная картина имеющейся у следователя доказательственной базы появляется у защитника лишь на стадии ознакомления с материалами уголовного дела, нельзя расценивать все случаи замены обвиняемым защитника на этой стадии как способ противодействия расследованию в виде «адвокатской карусели». Бремя доказывания того, что обвиняемый злоупотребляет правом на замену защитника, лежит на стороне, осуществляющей уголовное преследование, и в каждом случае требует анализа причин, побудивших обвиняемого сменить адвоката.

Литература

1. Баев М.О. Противодействие как выражение принципа состязательности в уголовном процессуальном исследовании преступлений // Воронежские криминалистические чтения. 2005. Вып. 6. С. 5-9.
2. Костенко К.А. Проблемы теории и практики противодействия затягиванию ознакомления с материалами уголовного дела путем приглашения обвиняемым нового защитника // Российский судья. 2016. № 9. С. 30-34.
3. О внесении изменений в ст. 217 УПК РФ (в части совершенствования порядка ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела) [Электронный ресурс]: паспорт проекта федерального закона № 866100-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Смирнов В.Н., Смыкалин А.С. Адвокатура и адвокатская деятельность: учеб. пособие. М.: Проспект, 2010. 313 с.

И.Я. Ильина

Барнаульский юридический институт МВД России

Ситуации судебного следствия по делам о розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции

Криминалистические проблемы, возникающие на стадии судебного следствия, заслуживают самого пристального внимания со стороны науки. С одной стороны, безусловно, основная доказательственная база формируется именно на стадии предварительного расследования. Именно здесь выявляются, фиксируются (оформляются) и анализируются основные доказательства по делу. С другой стороны, судебное разбирательство, в том числе его составная часть – судебное следствие, являет собой вершину уголовного процесса, именно по результатам данной стадии суд принимает решение о виновности или невиновности лица, виде и размере наказания.

Необходимо отметить, что судебное следствие намного чаще, чем предварительное следствие или дознание характеризуется ситуацией, связанной с противодействием со стороны виновного. Это объясняется тем, что подавляющее большинство лиц, согласных с предъявленным обвинением, ходатайствует о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, которое представляет собой упрощенную форму судопроизводства, судебное следствие здесь не производится [1, с. 24].

Иными словами, судебное следствие в первую очередь производится по тем делам, где обвиняемые не признавали вину в совершении преступления на стадии предварительного следствия (дознания). Соответственно, судебное следствие намного чаще характеризуется конфликтностью, чем предварительное.

Специфика судебного следствия во многом обусловлена тем, что здесь появляется фигура судьи – особого участника уголовного процесса, не отнесенного ни к одной из сторон и призванного вынести справедливое и обоснованное решение [3, с. 51].

При этом, безусловно, перед судьей так же стоят определенные криминалистические задачи.

В частности, судье необходимо изучать материалы уголовного дела не только с уголовно-процессуальной, но и криминалистической точки зрения, предположить, какие судебносудебные ситуации могут возникнуть в процессе судебного разбирательства, и заранее определить перечень судебных действий, которые по-

требуются для разрешения конфликтной ситуации.

По сути, такая же задача стоит и перед государственным обвинителем. Само же судебное следствие представляет собой противостояние государственного обвинителя и подсудимого (его защитника).

Иными словами, судебное следствие отличается от предварительного и субъектами, и формой, что и обуславливает затруднительный характер или даже невозможность применения здесь многих положений криминалистической тактики, разработанных в отношении предварительного расследования. Судебное следствие нуждается в собственном криминалистическом «сопровождении», учитывающем специфику судебной стадии уголовного процесса.

В целом, применительно к судебному следствию, при рассмотрении дел о розничной продаже несовершеннолетним алкоголя, можно выделить три конфликтные ситуации судебного следствия, требующие разрешения:

– подсудимый не признает вину в совершении преступления и отрицает событие преступления;

– подсудимый не признает вину в совершении преступления и отрицает состав преступления;

– подсудимый (его защитник) требует прекратить уголовное преследование по причине процессуальных нарушений, допущенных на стадии предварительного расследования (например, нарушения права на защиту, наличие недопустимых, полученных с нарушением уголовно-процессуального закона доказательств и т.д.).

Такие конфликтные ситуации судебного следствия являются типичными при рассмотрении судами дел о преступлениях, связанных с реализацией несовершеннолетним алкоголя.

Необходимо отметить, что важнейшая задача государственного обвинителя в ходе судебного следствия при рассмотрении дел о розничной продаже несовершеннолетним алкоголя – обеспечение психологической устойчивости подростка, который в ходе участия в заседании может оказаться в затруднительной ситуации, особенно при наличии большого числа лиц в зале суда, агрессивном поведении подсудимого и т.д. Эту задачу следует решать посредством формирования в сознании несовершеннолетнего четкой установки, в соответствии с которой он является по сути жертвой, а никак не лицом, чьи действия в данном заседании порицаются с моральной точки зрения.

Криминалистической науке необходимо разработать детальную методику частной тактики

участников судебного следствия при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, связанных с реализацией несовершеннолетним алкоголя. Возможно, причина отсутствия необходимого внимания криминалистов к данной проблеме обуславливается дискуссией о декриминализации деяния, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ. Однако с учетом того, что государство борьбу с подростковым алкоголизмом понимает как одну из основных задач своей политики, не следует ожидать декриминализации рассматриваемого деяния. Соответственно, разработка эффективных приемов и методов криминалистической тактики судебного следствия по делам о продаже несовершеннолет-

ним алкоголя – важная и актуальная задача отечественной криминалистики.

Литература

1. Арсеньев К.К. Судебное следствие: сборник практических заметок. Н. Новгород, 2016. 215 с.
2. Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / науч. ред. О.Н. Коршунова. СПб., 2001. 170 с.
3. Сычева О.А. Тактика судебного следствия. Ульяновск, 2014. 230 с.

Ж.Ю. Кабанова, канд. юрид. наук, доцент
Кузбасский институт ФСИН России

О создании криминалистических методик по преступлениям, совершаемым в уголовно-исполнительной системе

Криминалистическим методикам раскрытия, расследования отдельных видов преступлений учеными-криминалистами всегда уделялось пристальное внимание. Написано немало научных трудов, в которых исследовались теоретические вопросы систематизации, классификации видов, структуры общих и частных криминалистических методик [1, 2, 3, 4 и др.]. Кроме того, большинство диссертационных исследований по криминалистике посвящены частным методикам раскрытия, расследования отдельных видов преступлений. Среди них имеются работы, содержащие методики расследования преступлений, совершаемых в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС). Назовем некоторые: В.Н. Бодяков «Расследование должностных преступлений в уголовно-исполнительной системе» (2009), А.А. Нуждин «Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи» (2013), С.Б. Ларин «Особенности первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых лидерами и членами организованных преступных групп (ОПГ) в местах лишения свободы»

(2014), Н.В. Грязева «Методика расследования побегов из мест лишения свободы» (2014) и др.

Рассмотрение научных трудов, посвященных методикам расследования преступлений, совершаемых в уголовно-исполнительной системе, показывает, что большинство из них разрабатываются на основе одной из устоявшейся в теории криминалистики структуры и включают: криминалистическую характеристику преступлений; особенности первоначального этапа расследования, охватывающие проверку сообщений о преступлении; особенности последующего этапа расследования. Актуальность разработки методик по расследованию преступлений в условиях УИС большинством авторов подтверждается некачественным процессом расследования рассматриваемых видов преступлений.

Анализ научных статей, посвященных вопросам расследования преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы [8, с. 192; 7, с. 190 и др.], а также собственное изучение материалов уголовных дел позволило выделить следующие типичные недостатки, возникающие при расследовании указанных преступлений: личность осужденного, имеющего статус потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого изучается следователем, дознавателем поверхностно; обстоятельства, способствующие совершению преступления, зачастую не устанавливаются в полном объеме; следователи, дознаватели не владеют знаниями уголовно-исполнительной направленности. Кроме того, при расследовании преступлений, совершаемых в ис-

правительных учреждениях (далее – ИУ), отсутствует их четкое взаимодействие с сотрудниками учреждения. Ученые, изучающие уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы процесса расследования преступлений, совершаемых в условиях УИС, предлагают разные способы устранения недостатков. Один из самых распространенных – введение штатных должностей дознавателей на учреждение или группу учреждений [5, с. 287; 7, с. 190 и др.]. Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, думается, что предложенное не является разумным хотя бы потому, что большинство преступлений, совершаемых в условиях УИС, относятся к подследственности следователей, но не дознавателей, и уголовно-процессуальная деятельность непосредственно в ИУ не является основным видом деятельности, чтобы вводить в штат должность дознавателя или даже следователя. Считаю более разумным предложение о совершенствовании структуры частных криминалистических методик расследования преступлений, совершаемых в условиях УИС, и разработки новых с учетом их типизации и практико-ориентированного подхода. Любая частная криминалистическая методика, пишет Г.Н. Мухин, «должна выполнять главное свое целевое предназначение – содержать перечень исходной информации, а также конкретные практически значимые рекомендации по раскрытию и расследованию преступлений» и иметь «выраженную направленность на удовлетворение нужд практики» [6, с. 267].

Процесс расследования преступлений, совершаемых в условиях УИС, безусловно, с криминалистической позиции отличается от процесса расследования преступлений, совершаемых в иных условиях. Так, процессу расследования по рассматриваемым преступлениям, т.е. уголовно-процессуальной деятельности, всегда предшествует непроцессуальная деятельность, при осуществлении которой сотрудниками УИС зачастую выявляются не только признаки дисциплинарных, административных правонарушений, но и преступлений. К непроцессуальной деятельности предлагаем относить виды деятельности, с помощью которых осуществляется предупреждение (в широком смысле) совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. В исправительных учреждениях (следственных изоляторах) к таким видам деятельности следует отнести: режимную, надзорную, административную, оперативно-разыскную; в уголовно-исполнительных инспекциях – контрольно-надзорную деятельность. Исходя из этого, думается, что криминалистика должна обеспечивать не

только уголовно-процессуальную деятельность, но и непроцессуальную. Поэтому целесообразно проанализировать вопрос о включении в общую структуру частной криминалистической методики раскрытия, расследования определенного вида (группы) преступлений, совершаемых в условиях УИС, «криминалистическую методику непроцессуальной деятельности» и «криминалистическую методику процессуальной деятельности». Обе обозначенные методики будут показывать процесс зарождения, развития правоохранительной деятельности разных ее субъектов по правонарушению, которое может приобрести статус преступления. Так, в криминалистической методике непроцессуальной деятельности по преступлениям, совершаемым в ИУ, целесообразно рассматривать деятельность сотрудников ИУ в зависимости от сложившихся типичных общих и частных ситуаций. Такая методика будет содержать в себе информационную модель, на основе которой сотрудники УИС, в т.ч. и сотрудники ИУ, смогут определить дальнейший вид деятельности, необходимой для разрешения ситуации (оперативно-служебной, административной, уголовно-процессуальной); воспользоваться иной криминалистической методикой, в т.ч. и криминалистической методикой процессуальной деятельности в случае производства проверки сообщений о преступлении сотрудниками ИУ.

Криминалистическая методика непроцессуальной деятельности обязана стать полезной и для следователей, дознавателей, расследовавших преступления, совершаемые в УИС, т.к. они должны знать способы обнаружения, выявления признаков преступления в рамках уголовно-исполнительной деятельности.

Таким образом, представляется целесообразным включить в криминалистическую методику раскрытия, расследования преступлений, совершаемых в условиях УИС: криминалистическую методику непроцессуальной деятельности раскрытия, расследования преступлений, совершаемых в условиях УИС; криминалистическую методику процессуальной деятельности раскрытия, расследования преступлений, совершаемых в условиях УИС.

Суждение, изложенное в данном тезисе, является новаторским и требует дальнейшего научно-практического развития.

Литература

1. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / под общ. ред. А.Н. Васильева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 333 с.

2. Гавло В.К. Криминалистическая методика расследования преступлений. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1991. 27 с.

3. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. Иркутск: ИЮИ ГП РФ, 2003. 342 с.

4. Косарев С.Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений / под ред. В.И. Рохлина. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 495 с.

5. Морозов Р.М. Актуальные вопросы теории и практики расследования побегов из исправительных учреждений // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации): сб. мат-лов форума (Рязань, 5-6 декабря 2013 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2013. С. 186-187.

6. Мухин Г.Н., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистика: современные проблемы, история и методология: научно-метод. пособие. М.: Юрлитинформ, 2012. 320 с.

7. Назаркин Е.В. Об организации криминалистической деятельности в учреждениях ФСИН России (на примере Рязанской области) // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации): сб. мат-лов форума (Рязань, 5-6 декабря 2013 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2013. С. 187-190.

8. Николайченко В.В. Принципы расследования пенитенциарных преступлений // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации): сб. мат-лов форума (Рязань, 5-6 декабря 2013 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2013. С. 190-192.

В.Х. Каримов, канд. юрид. наук
Алтайский государственный университет

Перспективы развития криминалистической регистрации

Еще в конце XX в. Р.С. Белкин отмечал, что из всех направлений криминалистики криминалистическая регистрация наименее исследована [1, с. 175]. За последние годы обозначенная проблема актуализировалась, поскольку информационная революция начала XXI в. коренным образом изменила возможности правоохранительных органов. При этом на уровне теоретического осмысления криминалистической регистрации и разработки ее концептуальных основ с учетом современных реалий не только технических, но и социальных исследований практически не проводилось. Недостаточность освещения проблемы, по нашему мнению, во многом зависит от непонимания ее современных возможностей, задач, структуры и места в системе криминалистических знаний. Криминалистическая регистрация зачастую продолжает

восприниматься только с точки зрения решения узких задач уголовного учета.

Между тем современные возможности позволяют использовать базы данных не только как накопители статистических сведений, но и систем, основанных на криминалистическом поиске и идентификации значимой информации, не только в рамках расследования конкретных уголовных дел, но и в анализе потенциальных сведений. При этом решаются задачи как по раскрытию и расследованию преступлений, так и их предупреждению, а также социальные: поиск без вести пропавших лиц, идентификация неопознанных трупов и т.д.

Перспективы развития криминалистической регистрации нами видятся в следующем.

Во-первых, в дальнейшем развитии систем, рассчитанных на поиск и идентификацию по признакам и свойствам. На это, в частности, в свое время обращал внимание А.И. Винберг, предлагавший взять в качестве основ систематизации не только классификацию регистрируемых объектов, но и идентификационные признаки [6, с. 232].

Во-вторых, в создании систем эффективной систематизации криминалистически значимой информации.

В-третьих, в дальнейшей интеграции ресурсов.

Следует заметить, что система в философском понимании состоит из «упорядоченного определенным образом множества элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство» [5, с. 279]. Она объединяет накопленные знания в единое целое, без чего невозможен современный научный поиск и исследование. Систематизация криминалистически значимой информации предполагает ее расположение по группам со сходными информационными признаками, основополагающим началом которых является информационный элемент, содержащий один или комплекс признаков, «объективных отражений свойства объекта» [4, с. 16], характерных только для данного единичного элемента.

При этом должна быть создана система с учетом быстро изменяющихся процессов, другими словами, динамическая система, оперативно воспринимающая происходящие явления. Все элементы такой системы должны находиться и находиться в постоянном взаимодействии. Как отмечает Н.А. Бернштейн, «движения – не цепочки рефлексоподобных элементов, которые можно набирать как вздумается, наподобие типографских литер. Это целостно организованные структуры» [2, с. 278]. Другими словами, системная организованность элементов во многом зависит от их динамического взаимодействия.

В настоящее же время порядок внесения структурных изменений в систему невозможен без нормативных изменений ввиду особенностей правотворческой деятельности в нашей стране.

В рассматриваемой структуре, пусть даже самой совершенной, на данный момент не учитываются и не могут учитываться все особенности ввиду быстро протекающих условий, постоянного совершенствования и обновления технических средств и технологий. Следует согласиться с А.Ф. Волынским, указывающим на необходимость адаптации информационных технологий к решению криминалистических задач. Информационные технологии – это не только совокупность технических средств автоматизации, вычислительной техники, средств связи, а определенная система организации, правового регулирования научно-методического обеспечения их функционирования в специфических условиях раскрытия и расследования преступлений [3, с. 21].

Таким образом, перспективы развития криминалистической регистрации нами видятся в следующем:

- 1) дальнейшая автоматизация процессов работы системы;
- 2) накопление информации в интегрированных ресурсах;
- 3) возможность взаимодействия элементов системы без обращения к центральному управляющему ресурсу;
- 4) создание аналитических и прогнозирующих программ, интегрированных в накопительные массивы, с целью выявления связей и закономерностей между элементами;
- 5) создание программ динамического обновления системы на основе анализа программ;
- 6) создание с учетом созданной структуры эффективных средств обеспечения безопасности;
- 7) нормативное обеспечение, установленное не на процедуре регламентации всех технических действий, а на указании общих принципов данной деятельности, ее правовом обосновании (с точки зрения соблюдения прав и свобод человека) и формах реализации информации в уголовном и административном процессе.

Основываясь на перечисленных целях и задачах, функциональных возможностях, отметим, что современная криминалистическая регистрация представлена в новом качестве – как автоматизированная, интегрированная аналитическая информационно-поисковая система, направленная на предупреждение, раскрытие и расследование преступлений с возможностью ее использования для решения иных социальных задач, стоящих перед обществом.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т.; т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юрист, 1997.
2. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
3. Волынский А.Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
4. Колдин В.Я. Идентификация при расследовании преступлений. М., 1978.
5. Краткий философский словарь / под ред. А.П. Алексеева. М., 1997.
6. Криминалистика. М., 1966.

Д.В. Ким, доктор юрид. наук, профессор
Барнаульский юридический институт МВД России

Развитие ситуационного подхода как реализация идей В.К. Гавло

На современном этапе развития науки можно констатировать, что интерес к понятию «ситуация» и самому ситуационному подходу существенно возрос в самых разных областях исследований. И это не случайно. Являясь средством познания, подобно системному, структурному, функциональному и другим подходам, ситуационный подход обладает общностью и универсальностью. С другой стороны, его специфика заключается в том, что он выражает не только уникальность каждой складывающейся системы, коей являются ситуации, но и служит для обозначения повторяющихся, сходных состояний в различное время и в различных областях действительности. Обобщение сходных ситуаций позволяет ученым классифицировать их по различным основаниям и предложить оптимальные алгоритмы разрешения.

Все вышесказанное относится и к уголовно-процессуальной сфере, связанной с решением криминалистических задач, складывающихся по уголовным делам в различных ситуациях досудебного и судебного производств. Ситуационный подход пронизывает практически все разделы криминалистики и особенно актуален для криминалистической тактики и методики. Это обусловлено тем, что само понятие, изначально возникшее как «следственная ситуация», стало одним из центральных в категориальном аппарате криминалистической науки и выполняет в ней теоретическую и практическую функцию борьбы с преступностью криминалистическими приемами, средствами и методами. В связи с этим в криминалистике возникают, закрепляются и приобретают все большее значение такие понятия, как «оперативно-разыскная ситуация», «следственная ситуация», «судебная ситуация», «криминальная ситуация», «экспертная ситуация» и др.

В них отражаются тенденции развития криминалистики как науки, все больше делающей своим предметом исследование закономерностей в деятельности по установлению свершившегося события преступления (прошлое, ретроспективный процесс) на основе обнаружения и использования следов, сохранившихся в настоящем, ради возможности пресечения подобного в будущем (перспективный аспект) путем разработки ею эффективных технических средств, тактических приемов и мето-

дов досудебного и судебного разрешения расследуемого события преступления по существу.

В этих ситуациях сливаются, интегрируются различные детерминационные потоки, берущие начало в объективных обстоятельствах дела, в действиях (и противодействиях) подозреваемых (обвиняемых), в личном опыте проводящего расследование (его знания, умения, уровень развития профессионального мышления), влияние других участников расследования, вообще менталитет профессиональной среды. Это и позволяет рассматривать ситуацию, изучаемую криминалистикой, как особым образом детерминированную систему, которая, в свою очередь, выполняет системообразующую функцию по отношению ко всей деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, а также их судебному рассмотрению, обеспечивая ее направленное и устойчивое развитие.

Исследуя с этих позиций предмет криминалистики и учитывая опережающее развитие ее теоретических структур и процессов (научная криминалистика), перед практикой по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений (практическая криминалистика), В.К. Гавло предложил систему знаний, требующую дальнейшего изучения. Такой системой знаний, по его мнению, могут выступать: с одной стороны – закономерности проявления механизма подготовки, совершения и сокрытия преступлений (преступная деятельность) с учетом криминальных ситуаций и создание криминалистической характеристики преступлений (преступной деятельности); с другой стороны – закономерности механизмов раскрытия, расследования и предотвращения преступлений и их судебного разбирательства в складывающихся ситуациях, познание которых ведет к созданию типовых криминалистических характеристик предварительного расследования и судебного разбирательства преступлений [2].

В этой связи возникает необходимость рассмотрения в системе криминалистической методики расследования отдельных видов и групп преступлений следующих трех ее подсистем.

В качестве первого компонента в системе криминалистической методики расследования преступлений выступает криминалистическая характеристика преступлений, в которой накапливается необходимая уголовно значимая и криминалистическая информация о совершаемых преступлениях.

Второй, промежуточной, подсистемой криминалистической методики расследования преступлений является криминалистическая характеристика предварительного расследования, кото-

рая отражает закономерности деятельности соответствующих органов и лиц по раскрытию и расследованию отдельных видов и групп преступлений в складывающихся следственных ситуациях.

Третьей, заключительной, подсистемой криминалистической методики расследования является криминалистическая характеристика судебного разбирательства преступлений, назначение которой заключается в выявлении закономерностей и особенностей методики судебного разбирательства уголовных дел отдельных видов и групп преступлений в складывающихся судебно-следственных ситуациях от их поступления в суд, судебного разбирательства и до постановления обвинительного приговора [1, с. 266-278].

Система развивающихся закономерных знаний об этих подсистемах позволяет разрабатывать на их основе более совершенные технические, тактические и методические рекомендации по эффективному обнаружению, фиксации, изъятию и использованию доказательств на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства в складывающихся ситуациях, как того требует УПК РФ.

Эта идея нашла свое продолжение в трудах учеников и последователей, реализовавшись в разработке концепции полноструктурной криминалистической методики, которая выступает как специфическая информационно-познавательная система в деятельности по решению задач уголовного судопроизводства, рассчитанная на определенные ситуации досудебного и судебного производств.

Именно через информационную структуру криминалистической ситуации, состоящую из данных, относящихся к криминалистической характеристике преступлений, криминалистической характеристике предварительного расследования и криминалистической характеристике судебного разбирательства уголовных дел, происходит пе-

ресечение этих трех подсистем и проявляется их общность в общей системе – методике расследования отдельных видов и групп преступлений и их судебного рассмотрения. Согласно такому подходу расследуемое событие преступления, закрепленное в ситуации в доказательствах, является основой деятельности субъектов доказывания, т.е. тем информационно-структурным развивающимся элементом, который познают под своим углом зрения, исходя из целей и задач уголовного судопроизводства, а также в пределах своих уголовно-процессуальных полномочий орган дознания, следователь, прокурор, суд (судья) [3].

Анализ работ по проблемам формирования, распознавания и разрешения различных ситуаций в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел свидетельствует о чрезвычайной их актуальности, имеющих большое теоретическое и практическое значение особенно в разработке и использовании новых наиболее эффективных рекомендаций технического, тактического и методического характера.

Литература

1. Гавло В.К. О совершенствовании криминалистической методики предварительного и судебного следствия по преступлениям, связанным с заведомо ложным сообщением об акте терроризма // Влияние идей И.Н. Якимова на развитие современной криминалистики: мат-лы междунар. научно-практ. конф-ции. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014.
2. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985.
3. Ким Д.В. Криминалистические ситуации: понятие структура, классификация: учеб. пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2011.

А.С. Князьков, доктор юрид. наук, доцент
Юридический институт
Томского государственного университета

**Криминалистические цели
следственного действия как средство
адаптационного взаимодействия
криминалистической методики
и криминалистической тактики**

Системность криминалистической науки ставит задачу поиска принципиальных положений, позволяющих видеть взаимообусловленность и предметное своеобразие каждой из её частей; в теоретико-прикладном плане в наибольшей мере это необходимо выяснить применительно к криминалистической тактике и криминалистической методике. Прежде всего, отмеченное своеобразие проявляется в подходах к организации и осуществлению следственных действий: в криминалистической тактике концептуализация направлена на сущностные начала следственного действия как формы реализации аналитических и операциональных тактико-криминалистических средств [1]: тактическая деятельность следственного действия неразрывно связана с производством следственного действия. Более того, отграничение криминалистической тактики от криминалистической методики возможно лишь в случае признания того, что тактико-криминалистическая деятельность не выходит за рамки положений, касающихся подготовки и производства следственного действия, в т.ч. конструирующего тактико-криминалистические комбинацию и операцию. Разумеется, в число таких качественно определенных положений входят положения, раскрывающие соответствующие аспекты фиксации его хода и результатов.

Что касается криминалистической методики, то она по-своему адаптирует эти начала, делая это через конкретизацию (адаптацию) содержания тактических приемов следственного действия, предлагаемых криминалистической тактикой. Если задаться целью посмотреть «со стороны криминалистической методики» на её отличие от криминалистической тактики, то именно акцент на то, что первая адаптирует положения второй, и позволяет увидеть такое концептуальное разграничение. Анализ специальной литературы ставит под сомнение утверждение о том, что криминалистическая методика, основным «продуктом» которой является частная криминалистическая методика, разрабатывает новые тактические приемы. Адаптация (именно адаптация, а не развитие

и, тем более, не замена) положений криминалистической тактики лежит на путях отыскания специфического содержания того или иного тактико-криминалистического приема применительно к нуждам частной криминалистической методики.

Соответственно, такое содержание предопределяется «следовой картиной» преступлений, учитываемой при создании соответствующих методических указаний в форме частной методики. Результатом отмеченной адаптации является специфическое поисково-познавательное средство, суть которого состоит в том, что разработанный криминалистической тактикой прием как средство воздействия на те или иные объекты получает конкретное предметное наполнение применительно к методике расследования преступления (группы преступлений). В более широком смысле можно говорить о том, что в криминалистической методике, конкретно – в частной криминалистической методике – адаптируются и другие, помимо тактического приема, тактико-криминалистические средства: следственная версия, тактико-криминалистическая задача и т.д.

В адаптационном взаимодействии криминалистической методики и криминалистической тактики нет методологического противоречия: очевидно, что если одной из форм совершенствования криминалистики в целом является адаптация положений иных наук, то вполне органичным будет адаптация одним разделом криминалистики положений некоторых других её разделов.

Иной подход к пониманию взаимосвязи тактики следственного действия как «сердцевины» криминалистической тактики и положений частной криминалистической методики, посвященной тактике производства первоначальных и последующих следственных действий, способен привести к выводу о том, что задача криминалистической тактики сводится к тому, чтобы показать разработчикам криминалистической методики, как «конструируется» тактико-криминалистический прием. Очевидно, что это не так, если иметь в виду тактические приемы того или иного следственного действия, предлагаемые криминалистической тактикой, в которых конструкция тактического приема отражает его качество воздействовать на тот или иной объект безотносительно к тому, в методике расследования какого преступления возникает необходимость в таком воздействии.

Учет высказанных нами положений дает возможность разделить разрабатываемые криминалистической тактикой приемы на две большие группы: тактические приемы производства след-

ственных действий и тактические приемы организационного характера. Первые получают конкретизацию в своем содержании при раскрытии соответствующих положений частной криминалистической методики, поскольку учитывают специфику преступления того или иного вида, получающую, как отмечено, выражение в отличиях «следовой картины» соответствующего деяния. Например, конкретизацией тактического приема «внезапное предъявление доказательств» при допросе по делам об убийстве может быть внезапное предоставление допрашиваемому орудия убийства; этот же тактический прием при расследовании квартирной кражи может состоять во внезапном предоставлении допрашиваемому орудия взлома. Точно так же в своем содержательном отличии могут быть перечислены и иные тактические приемы допроса лица, отказывающегося сотрудничать со следствием: обращение внимания на логические противоречия в показаниях, создание преувеличенного представления об осведомленности следователя и др. Как видим, структура способа воздействия в том и другом случаях одна и та же: различным является лишь *информационное наполнение* такого способа воздействия, в методологическом смысле – наполнение структуры этого приема. В отношении такого рода тактических приемов с учетом того, что положения тактики производства тех или иных следственных действий разрабатываются со стратегической целью – задействие в криминалистической методике, возникает необходимость в поиске адаптационного средства, которое бы осуществляло адаптационный перенос разработанных криминалистической тактикой приемов на «почву» криминалистической методики. Таким средством является совокупность тактико-криминалистических целей следственного действия, ориентирующих должностное лицо на отыскание проявлений взаимосвязи между элементами криминалистической характеристики предполагаемого преступления. Учитывая специфику криминалистической характеристики неосторожных преступлений, назовем на примере методики расследования таких преступлений соответствующие взаимосвязи: «обстановка совершения преступления – механизм дорожно-транспортного преступления»; «личность преступника – механизм дорожно-транспортного преступления»; «личность потерпевшего – механизм дорожно-транспортного преступления»; «обстановка совершения преступления – способ сокрытия пре-

ступления»; «личность преступника – способ сокрытия преступления».

Говоря о широких поисково-познавательных возможностях задействия тактико-криминалистических целей, нужно учитывать характер того или иного преступления. Продолжая рассуждения о методиках расследования неосторожных преступлений, отметим, что способ сокрытия, например, преступного нарушения правил дорожного движения не может отражать способы подготовки и совершения по той причине, что у лиц, виновных в их совершении, отсутствует целеполагающая деятельность, проявляющаяся в подготовке и совершении посягательства на жизнь и здоровье.

Возвратимся к тезису о существовании второй группы приемов, которые получили у нас название организационных тактических приемов. Будучи задействованными при формировании той или иной частной криминалистической методики, они свое предметное содержание получают не от своеобразной «следовой картины» преступления, а от других, самых разнообразных обстоятельств. Так, например, тактические приемы, направленные на установление психологического контакта следователя с иными участниками следственного действия, определяются, в зависимости от конкретного участника, такими обстоятельствами, как личностные качества, отнесение участников следственного действия к разным правоохранительным подразделениям и др.

Предложенный нами феномен *информационного наполнения* тактического приема при производстве того или иного следственного действия в рамках соответствующей криминалистической методики также основывается на учете тактико-криминалистических целей следственного действия. Для примера можно назвать тактический прием убеждения обвиняемого в ходе его допроса: это убеждение строится на показе следователем допрашиваемому лицу информации, которая отображает связи между элементами криминалистической характеристики расследуемого преступления: обстановка совершения преступления – механизм преступления; механизм преступления – способ сокрытия; способ сокрытия – личностные качества обвиняемого.

Литература

1. Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2013. 164 с.

И.М. Комаров, доктор юрид. наук, профессор
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова

К вопросу о современной криминалистической дидактике

1. Дидактика представляет собой раздел педагогики и теории образования, который изучает проблемы обучения, раскрывает закономерности усвоения знаний, умений и навыков, и формирования убеждений, определяет объем и структуру содержания образования. Основной вопрос дидактики связывают с вопросами содержания обучения и воспитания, мышления учащегося в процессе изучения определенного предмета.

2. В системе дидактики существуют частные дидактики – методики обучения отдельным учебным предметам (методика преподавания), отдельных категорий обучаемых, в разных типах учебных заведений и формах образования, каждая методика имеет самостоятельный объект.

3. Криминалистика, являясь частной дидактикой, имеет свою систему дидактики с обособленной структурой и содержанием, и она формируется в России уже на протяжении более ста лет.

4. Истоки формирования криминалистической дидактики лежат в трудах российских процессуалистов, которые и до, и после принятия в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства занимались научно-практическим разрешением проблем, связанных с традиционными и новыми условиями отправления правосудия.

5. Изменение процессуальной парадигмы, произошедшее в 1864 г., и замена теории формальных доказательств на теорию их свободной оценки явилось катализатором для новых исследований, связанных с процедурами собирания и исследования доказательств, которые впоследствии справедливо были отнесены к криминалистическим исследованиям и стали основой криминалистической дидактики [1, 2, 3, 5, 6].

6. Для развития российской криминалистической дидактики важное значение имели труды западноевропейских криминалистов: «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» Г. Гросса, работы Р.А. Рейса «Словесный портрет» и «Научная техника расследования преступлений», А. Вейнгардта «Уголовная тактика», а также российские периодические правовые издания¹, где публикуются

¹ См.: «Вестник полиции», «Журнал министерства юстиции», «Право», «Журнал гражданского и уголовного права», «Юридическая летопись», «Юридическая газета»,

статьи по различной криминалистической проблематике.

7. В конце XIX – начале XX в. в России были созданы соответствующие объективные предпосылки, которые способствовали обоснованию необходимости введения криминалистики в качестве учебной дисциплины в системе юридического образования, что и произошло в октябре 1911 г., когда в Александровской военно-юридической академии, впервые в российских высших учебных заведениях, была создана кафедра уголовной техники, где полноценно стали преподавать криминалистику.

8. В советский период развития российской государственности начиная с 1920 г. криминалистика преподается в юридических высших учебных заведениях. Криминалистическая дидактика создается трудами И.Н. Якимова, С.М. Потапова, П.П. Семеновского, С.В. Познышева, Е.У. Цицера, Р.С. Белкина, А.Н. Васильева и многих криминалистов, которые внесли существенный вклад в этот процесс.

9. Обоснование в криминалистике общей теории в качестве ее структурного элемента закономерно потребовало от криминалистов научно-практических объяснений основных положений криминалистической дидактики и методики преподавания криминалистики в вузах. В этой связи значимой следует считать работу В.Г. Коломацкого [4], который дал необходимые научно-практические обоснования этой проблеме. Главную задачу криминалистического обучения он обосновал не только как снабжение обучаемого стандартным набором криминалистических знаний, навыков и умений, но и как формирование у него, в первую очередь, основ *криминалистического мышления*, способности к осознанной реализации криминалистических знаний для решения практических задач, дальнейшего повышения квалификации посредством самостоятельного обучения и послевузовского образования.

10. Современные же реалии таковы, что за четверть века самостоятельной российской государственности мы имеем третий Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) уже не по специальности, а по направлению (бакалавриат) подготовки «Юриспруденция», где криминалистика хотя и представлена в базовой (общепрофессиональной) части, количество часов на ее изучение никак не отражает значимость предмета для подготовки криминалистически грамотного правоприменителя. Не утихают споры

«Судебная газета».

относительно необходимости присутствия криминалистики в базовой части ФГОС ВПО по причине якобы ее исключительной уголовно-правовой направленности.

11. Необходима корректировка криминалистической дидактики, которая могла бы убедить «противников» криминалистики в несомненной пользе этого предмета для юридического образования и подготовки юристов, которые намерены употребить свои знания, навыки и умения, полученные в процессе обучения, не только для эффективной деятельности в государственных правоохранительных органах, но и других областях общественной деятельности, где может быть эффективно реализовано соответствующее образование.

12. С большой натяжкой, на наш взгляд, это криминалистическое обучение в высшей школе можно назвать криминалистическим образованием. Фактически оно заменено криминалистической подготовкой. В подавляющем большинстве случаев эта подготовка связана с пересказыванием текстов учебников, ориентированных на криминалистические данные, отражающие предварительное расследование преступлений, большинство из которых «застряло» в прошлом веке, и освоением отдельных простых технических криминалистических действий на основе этих же учебников.

Подготовка бакалавров направления «Юриспруденция» на основе учебников, рекомендованных для вузовского образования, осуществляется в соответствии с натуралистической парадигмой криминалистики¹, в рамках которой подавляющее большинство этих учебников написано². Это означает, что сложившаяся структура российской криминалистики «заточена» практически на удовлетворение интересов раскрытия и расследования преступлений, и на этом основании один из главных блоков в обучении связан с материальными объектами. В этом аспекте отечественная криминалистика и ее дидактика достигла определенных существенных результатов, однако крен в уголовное право и процесс серьезно «отодвинул» ее от возможностей многовекторного развития и

¹ Под натуралистической парадигмой криминалистики мы подразумеваем совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, а также связанных с ними методов, подходов, технических навыков и средств, принятых в научном сообществе в рамках устоявшейся научной традиции, обусловленной пониманием криминалистики как системы знаний, предназначенных исключительно для целей расследования преступлений.

² Мы не анализируем криминалистические магистерские программы обучения по причине того, что это направление высшего профессионального образования находится в начале пути и требует самостоятельного анализа и осмысления.

использования криминалистического знания и соответствующего мышления правоприменителем в других отраслях права и юридической деятельности.

13. На наш взгляд, одной из главных задач современной криминалистики следует считать необходимость обучения студентов криминалистическому мышлению, к этому должна быть обращена и криминалистическая дидактика. Криминалистика должна учить мыслить не только в уголовно-процессуальной, но и в гражданско-правовых видах юридической деятельности.

14. Однако для того чтобы была возможна подобная реализация, необходимо сделать несколько уточнений относительно структуры криминалистического мышления, т.к. известные его определения (В.Г. Коломацкий, Н.П. Яблоков и др.) отражают его уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. Между тем мы считаем криминалистическое мышление междисциплинарным юридическим понятием³, а не только понятием криминалистики. Оно относится также к реализации назначения положений отраслевых правовых дисциплин. Основанием подобной гипотезы является наше представление о прикладном значении механизма реализации криминалистического мышления в юридической практике, связанного с системным мышлением и деятельностной методологией субъекта в познании объектов, обусловленных его видовой профессиональной деятельностью.

15. На наш взгляд, сущность криминалистического мышления, важная для развития криминалистической дидактики, может быть определена в качестве познавательной деятельности субъекта, на основе использования опосредованного и обобщенного способа отражения действительности, связанного с моделированием закономерностей окружающего мира на аксиоматических положениях, базой которого является юридическое образование и непрерывное пополнение запаса соответствующих ему понятий и представлений, в т.ч. введение в оборот новых суждений (осуществление умозаключений) для осуществления указанным субъектом профессиональной деятельности.

16. Мы полагаем криминалистическое мышление одним из главных принципов криминалистической дидактики и, может быть, юридической подготовки бакалавров. Его методологическое развитие в системе образовательной услуги может способство-

³ Мы рассматриваем криминалистическое мышление в качестве универсального способа познания правовых объектов по причине того, что кроме криминалистики ни одна из дисциплин направления «Юриспруденция» (бакалавриат) подобные способы не рассматривает и им не обучает.

вать подготовке в российских вузах профессионально квалифицированных специалистов (в широком смысле этого слова), способных успешно решать различные правовые задачи. На наш взгляд, обучение криминалистическому мышлению бакалавров, не связанных уголовно-правовой специализацией подготовки, может обеспечить им необходимые знания, навыки и умения в реализации практической профессиональной деятельности.

Литература

1. Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. СПб., 1903.

2. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910.

3. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. СПб., 1867. Ч. II.

4. Коломацкий В.Г. Курс криминалистики (дидактика и методика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992.

5. Лебедев В.И. Искусство раскрытия преступлений. I. Дактилоскопия. СПб., 1909.

6. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. СПб., 1901. Ч. II. Вып. 1.

Н.К. Коровин

*Новосибирский государственный
технический университет*

Тактические особенности подготовительного этапа проверки показаний на месте при расследовании убийств

С целью получения доказательственной информации при расследовании убийств большое значение имеет проведение следственных действий, таких как осмотр места происшествия, допрос, назначение и производство экспертиз, проверка показаний на месте и др.

Проверка показаний на месте в соответствии со ст. 194 УПК РФ – это «следственное действие, заключающееся в том, что лицо, ранее допрошенное, воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события, указывает на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, демонстрирует определенные действия».

Анализ материалов уголовных дел показывает, что при производстве проверки показаний на месте возникают различные негативные обстоятельства, избежать которые можно посредством подготовки к ней.

Подготовка к производству проверки показаний на месте базируется в основном на информации, полученной из допросов участников или иных данных. При допросе лица, показания кото-

рого будут проверяться, требуется получить его согласие на участие в следственном действии. При этом у него спрашивается, может ли и желает ли указать место, рассказать, что там происходило, детализируя все обстоятельства, связанные с расследуемым преступлением, особенно касающиеся места проведения следственного действия, его характеристики, пути передвижения, подхода и отхода и т.д.

Проверка показаний на месте, как правило, связана с выездом на место совершения преступления, порой в удаленную и труднодоступную местность, поэтому на подготовительном этапе до выезда на место предполагается выполнить различные действия, используя тактические приемы организационного, логического, психологического и тактического характера. Составляется план проведения и определяется место проведения. Рекомендуются заранее ознакомиться с местом проверки; проверить доступность места проведения, возможность проезда или подхода, наличие водных, снежных или иных преград; предусмотреть транспортные средства (катер, вездеход, бульдозер и др.).

Следует установить возможность доступа в помещение, наличие ключей, в то же время рекомендуется удалить в другое помещение родственников лица, с которым проводится проверка показаний (во избежание его психологического срыва и отказа от участия).

Чтобы обеспечить ориентировку на местности, следует выбирать светлое время суток. В то же время для обеспечения скрытности или вне-

запности проверки показаний на месте можно выбрать утро или поздний вечер – в целях обеспечения безопасности участников от возможных нападений со стороны граждан.

Формируется состав: следователь, специалист, участковый, оперативный работник, судмедэксперт (при наличии трупа), кинолог со служебно-разыскной собакой, а также понятые, статисты, конвоиры и др. Если есть информация, что подозреваемый может скрыться, то состав группы может быть усилен сотрудниками специальных подразделений с соответствующими специальными средствами и вооружением. Разъясняются права и обязанности, проводится инструктаж участников, в т.ч. и водителя. У лица, показания которого проверяются, берется согласие на его проведение и использование технических средств, спрашивается, может ли он показать на месте, куда необходимо прибыть и т.д. При производстве проверки показаний на предприятии или ином технологическом производстве приглашается специалист в соответствующей отрасли знаний, проверяется его компетентность, готовятся технико-криминалистические средства фиксации хода и результатов – как правило, это фотоаппарат, видеокамера, диктофон, унифицированный чемодан, поисковая техника, металлоискатели, трупоиискатели и др., проверяется их работоспособность, наличие источников питания и носителей информации; технические средства, необходимые для обнаружения, изъятия и фиксации следов и объектов [3, с. 213-217]. Предусматриваются материалы и средства для поиска, раскопки, упаковки и транспортировки, при необходимости готовятся макеты, манекены и другие предметы, которые могут понадобиться при проведении каких-либо действий на месте. Следует проверить работоспособность средств связи в целях поддержания бесперерывной и бесподстроечной двухсторонней связи следственно-оперативной группы с отделом внутренних дел.

Устанавливается психологический и коммуникативный контакт с лицом, показания которого проверяются посредством изучения характеристики его личности и потерпевшего, оказания ему психологической помощи. В рамках установленного психологического контакта лицу, показания

которого проверяются, следует предоставить должную свободу действиям [1, с. 194], передвигаться во главе группы, спрашивать: «Куда мы пойдем?», «Что вы нам желаете показать?» и т.д. При необходимости – предусмотреть формы взаимодействия с представителями администрации учреждений, сотрудниками оперативных подразделений, органов местного самоуправления и т.д.

Н.П. Яблоков указывает, что по прибытии на место происшествия «при необходимости принимаются дополнительные меры по обеспечению охраны места происшествия и сохранению следов, удалению посторонних, организации наблюдения за местом происшествия с целью выявления подозрительных лиц» [2, с. 438]. Действия во многом актуальны, и для проверки показаний на месте, кроме того, в зависимости от времени, погодных и иных условий следует установить дополнительное освещение, защиту от дождя и т.д. По прибытии следует спросить: «Куда мы прибыли?», «Что здесь происходило?», «Куда вы далее направились?», «Какие действия совершали?» и т.д.

Таким образом, рассмотрев тактические особенности подготовительного этапа проверки показаний на месте, следует подчеркнуть необходимость использования различных организационных, психологических, логических и тактических приемов, обеспечивающих решение вопросов противодействия расследования и устранения различных негативных обстоятельств, что особо актуально при расследовании убийств в условиях неочевидности.

Литература

1. Елфимова Е.И. Особенности производства проверки показаний на месте в отношении женщин, совершивших насильственные преступления // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 1 (14). С. 192-196.
2. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. М.: Юристъ, 2005. 781 с.
3. Старцева Е.А. Содержание взаимодействия следователя со специалистами при осмотре места происшествия по преступлениям, совершенным в сфере строительства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 18. С. 213-217.

А.А. Корчагин, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет

Использование данных психологии в расследовании убийств

Следователи при расследовании убийств сталкиваются с трудностями в собирании доказательств, установлении личности преступника. Возникает необходимость в составлении психологического облика неизвестного преступника, особенно на начальном этапе расследования, когда требуется сузить круг заподозренных лиц и организовать целенаправленный поиск преступника [5, с. 139]. Проблема составления психологического облика неизвестного преступника, его использования для розыска и разоблачения обсуждается в криминалистической литературе сравнительно недавно. В этом направлении проведены интересные исследования Р.Л. Ахмедшина, Г.А. Зорина, Е.Е. Космодемьянской [2, с. 142]. Положительным моментом является то, что в работах даются общие рекомендации составления психологического облика преступника. Для составления психологического облика преступника по делам об убийствах необходимы исходные данные, проанализировав которые можно выдвинуть предположение о его личности.

Начинать составление психологического облика неизвестного преступника, как нам представляется, следует с составления психологического портрета потерпевшего, поскольку между личностью убийцы и его жертвой существует взаимосвязь, установление которой облегчает поиск убийцы. Убийцы, совершая нападение, руководствуются определенными побуждениями. В выборе жертв они учитывают и другие критерии (физические, возрастные, психологические и т.п.). Побуждения и критерии характеризуют преступника, подчеркивают его психологические особенности. Необходимость составления психологического облика потерпевшего объясняется тем, что знание психологии жертвы, ее характера, темперамента позволяет выдвигать версии о личности убийцы, в частности о том, какими качествами он должен обладать, чтобы привлечь внимание жертвы. Для построения психологического облика потерпевшего необходимы исходные данные. Их можно получить из следующих источников: заявлений об исчезно-

вании потерпевшего, результатов осмотра места жительства, места работы, допросов родственников, соседей, сослуживцев, друзей, знакомых, результатов оперативно-разыскных мероприятий, информационных учетов. Практика расследования рассматриваемой категории уголовных дел показывает, что в некоторых случаях потерпевшие, особенно несовершеннолетние, не всегда делятся с родственниками своими переживаниями, не всегда сообщают о своих знакомых. Часто подруги, друзья могут сообщить больше о личной жизни потерпевшего, чем родственники. Проведение оперативных мероприятий по делу, например, опросов людей, знавших потерпевшего, также позволяют получить информацию, характеризующую его личность.

Психологический облик потерпевшего является частью характеристики его личности вообще. Поэтому при расследовании уголовного дела психологический облик потерпевшего необходимо увязывать с другими элементами криминалистической характеристики рассматриваемой категории убийств, в т.ч. с личностью убийцы. Осмотр места происшествия дает основания для выдвижения версий о мотиве убийства [10, с. 97]. Анализ мотива позволяет строить психологический облик преступника. Источниками информации о свойствах личности преступника являются следы, оставшиеся в материальной обстановке места происшествия [6, с. 112]. Например, по структуре дорожки следов можно определить, в ряде случаев, походку преступника и его состояние [4, с. 70]. Если следователь осведомлен о том, как некоторые компоненты человеческой психики могут материализоваться в следах преступного события, он сумеет получить определенную информацию психологического характера о потребностях и образе жизни преступника, мотивах и целях противоправных действий правонарушителя, уровне его интеллекта, некоторых чертах характера, профессиональных и бытовых навыках, привычках, психологической атмосфере на месте происшествия в момент совершения преступления [8, с. 345]. На месте происшествия довольно ярко запечатлеваются некоторые черты характера преступника. Например, об осторожности, осмотрительности свидетельствуют попытки уничтожить запахи собственного тела, маскировка отдельных обстоятельств [9, с. 114].

Установление сведений о психологии личности преступника проходит по следующей схеме:

1) выявление фактов (следов, предметов); 2) на основании обобщения этих фактов можно сделать предположение о действиях того или иного лица; 3) особенности действий позволяют делать суждения о психических состояниях человека во время их осуществления; 4) на базе установленных особенностей проявления психических состояний проводится анализ причин возникновения этих особых психических состояний; 5) правильный анализ всех перечисленных выше обстоятельств позволяет высказать предположения о возможных действиях данного лица впоследствии [3, с. 344]. Сведения о психологических свойствах, процессах, состояниях убийцы возможно установить на основе изучения способа убийства, «сопутствующих» следов на месте происшествия, орудия совершения преступления, способа его сокрытия, в целом обстановки совершения преступления. Большое количество повреждений на теле жертвы может свидетельствовать о наличии у преступника психических расстройств, не исключающих вменяемости [1, с. 146]. На основе изучения способа совершения преступления можно определить характер связи между преступником и потерпевшей. И.Д. Кунчев отмечает, что чем сложнее способ преступления, тем теснее связь преступника с объектом посягательства [7, с. 105]. Для составления психологического облика убийцы необходимо использовать знания психологов и психиатров. Им предоставляются материалы уголовного дела, изучив которые они дают заключение о психологических характеристиках неизвестного преступника. Изучение дел об убийствах показывает, что, к сожалению, следователи не уделяют должного внимания вопросу

составления психологического облика убийцы. Это затрудняет его поиск.

Литература

1. Антонян Ю.М. Психология убийства. М.: Юрист, 1997. 304 с.
2. Ахмедшин Р.Л. О содержании структурообразующего фактора психолого-криминалистической характеристики личности преступника // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства: сб. ст. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. С. 140-145.
3. Дулов А.В. Судебная психология. Минск: Вышэйшая школа, 1975. 464 с.
4. Жбанков В.А. Способы выдвижения и проверки версий о личности преступника // Вопросы борьбы с преступностью. 1983. Вып. 39. С. 66-72.
5. Китаева В.Н. Судебно-психологическая экспертиза при расследовании тяжких преступлений против личности: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. 241 с.
6. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М.: Высшая школа, 1994. 528 с.
7. Кунчев И.Д. Методный подход к анализу места происшествия как источника информации о неизвестном преступнике. М., 1986. 105 с.
8. Романов В.В. Юридическая психология. М.: Юрист, 1998. 488 с.
9. Самойлов Г.А. Основы криминалистического учения о навыках. М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1968. 119 с.
10. Табанов М.Р. Личность виновного в убийствах с особой жестокостью // Современная преступность: новые исследования. М., 1993. С. 90-106.

*Е.Е. Космодемьянская, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России*

**Проблемы расследования незаконного
культивирования растений,
содержащих наркотические средства
или психотропные вещества либо
их прекурсоры, и возможные пути
их решения**

Согласно статистическим данным, в 2016 г. на территории России было зарегистрировано 2 160,1 тыс. преступлений, из общего массива выявлено 201,2 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков [5]. Только за период января – июля 2017 г. правоохранительными органами уже зарегистрировано 122 839 (+3,8%) преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. А наибольший удельный вес преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков зафиксирован в г. Санкт-Петербурге (26,5 %), Чеченской Республике (21,2%), Карачаево-Черкесской Республике (18,7%), Республике Северная Осетия-Алания (17,4%), Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (15,9%), Республике Калмыкия (15,5%) [4].

Не вызывает сомнения необходимость противодействия незаконному обороту наркотиков в целом и незаконному культивированию растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, в частности.

Однако приведенный выше анализ статистических показателей о состоянии наркопреступности в России свидетельствует о недостаточной эффективности реализуемых мер по противодействию этой группе преступлений.

В ходе анализа следственной практики и интервьюирования практических сотрудников нами был выявлен ряд проблем, возникающих при расследовании незаконного культивирования наркосодержащих растений, а именно:

- нередко в практической деятельности вызывает трудности вопрос о доказывании самого факта культивирования наркосодержащих растений, поскольку задержанное лицо ссылается на естественные условия их произрастания, что требует усиления доказательственной базы посредством производства ряда следственных действий, подтверждающих объективную сторону преступления;

- в ряде регионов субъект расследования нередко даже не осведомлен о видах и характе-

ристиках наркосодержащих растений, запрещенных к культивированию на территории России, а также об экспертных возможностях по установлению предмета данного преступления и иных элементов, входящих в предмет доказывания;

- помимо указанного ранее, на практике возникают трудности в обосновании достоверности полученных доказательств посредством производства судебных экспертиз, проведенных после предварительно осуществленного осмотра предметов, в рамках которого описывается не только упаковка предположительно наркотического средства (вещества), но само это средство (вещество), что приводит к изменению его свойств и не позволяет проводить качественное экспертное исследование. В свою очередь, сторона защиты выводит на этом основании предмет преступления из системы доказательств, если в протоколе осмотра места происшествия фигурирует описание только упаковки, без описания самого вещества (средства), ссылаясь на возможную подмену данного объекта;

- при производстве ряда следственных действий происходит поверхностное решение их задач без учета специфики механизма совершенного преступления. Особенно это касается случаев незаконного культивирования наркосодержащих растений методом гидропонии, что приводит к неполноте доказывания таких элементов состава как объективная и субъективная стороны преступления;

- в методических рекомендациях по расследованию незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, изложение алгоритмов следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий осуществляется без учета тактических задач, обусловленных исходными ситуациями расследования [6].

Очевидно, что далеко не все разработки по расследованию преступлений образуют методики. Часть таковых направлена на отражение специфики производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Эту группу разработок авторы предлагают обозначить как «методические рекомендации» и понимать под ними «советы, правила об особенностях производства следственных действий» [2].

По нашему мнению, методические рекомендации должны включать и разработки наиболее эффективных алгоритмов действий (следственных, оперативно-разыскных) в различных следственных ситуациях.

Более того, в настоящее время в криминалистической науке есть идея разработки комплекса универсальных криминалистических рекомендаций, востребованных при расследовании любого преступления определенной группы независимо от конкретного состава (интегративный подход к методике расследования). При таком подходе значительное внимание уделяется разработке общих закономерностей, присущих механизму совершения данной группы деяний, а также общим условиям их расследования. На основе выявленных руководящих положений общего характера формируются рекомендации, пригодные для расследования как всех преступлений данной группы, так и деяний определенной разновидности внутри этой группы [1].

Одним из средств решения ряда обозначенных выше проблем, возникающих при расследовании незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, могут стать методические рекомендации по расследованию, включающие следующие структурные элементы: особенности предмета доказывания при расследовании незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры; описание характеристик растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, подлежащих контролю в Российской Федерации; особенности их предварительных исследований при решении вопроса о возбуждении уголовного дела; описание типичных следственных ситуаций и алгоритмы действий в каждой из них, которые направлены на решение различных тактических задач расследования; рекомендации по производству отдельных следственных действий, направленных на формирование доказательственной базы [3].

В подобных рекомендациях алгоритмы действий, несомненно, должны быть увязаны с системой тактических задач расследования, а рекомендации по производству отдельных следственных действий – с механизмом совершения незаконного культивирования наркосодержащих растений, осуществляемого в т.ч. и методом гидропоники. Такое содержание рекомендаций будет учитывать потребности практики и позволит на более высоком уровне решать задачи расследования.

Литература

1. Варданян А.В. Криминалистически значимые особенности субъектов тяжких насильственных преступлений против личности: методологические, социально-психологические и демографические аспекты // *Философия права*. 2011. № 3. С. 31-35.
2. Корноухов В.Е. Понятие и виды методик расследования преступлений // *Вестник криминалистики*. 2003. Вып. 2 (6). С. 13-19.
3. Космодемьянская Е.Е., Ермаков М.Г. Методика расследования незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры: учеб. пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. 76 с.
4. Показатели преступности России // Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crime-stat.ru/analytics> (дата обращения: 21.09.2017).
5. Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 21.09.2017).
6. Чистова Л.Е. Расследование незаконного культивирования наркосодержащих растений: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 179 с.

О.В. Кругликова, канд. юрид. наук
Барнаульский юридический институт МВД России

К вопросу о способах совершения мошенничеств в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ)

В криминалистике исследованию способа совершения преступления всегда уделялось большое внимание, поскольку он выступает ключом к раскрытию преступления, отражает характерные особенности лица, его совершившего, является основным элементом криминалистической характеристики преступления и т.д. Обстоятельные исследования по данной теме проводились Р.С. Белкиным [1], А.Н. Васильевым [2], Г.Г. Зуйковым [3], В.Н. Карагодиным [4] и другими авторами.

Наиболее удачное, по нашему мнению, определение способа совершения преступления дано Г.Г. Зуйковым, который понимает под ним «систему взаимообусловленных, подвижно детерминированных действий, направленных на подготовку, совершение и сокрытие преступлений, связанных с использованием соответствующих орудий и средств, а также времени, места и других способствующих обстоятельств объективной обстановки совершения преступления» [3, с. 15-16]. Указанные в структуре способа совершения преступления действия по его подготовке, совершению и сокрытию, хотя и имеют самостоятельные цели, тем не менее, образуя единый преступный акт, позволяют преступнику достичь желаемого результата.

Используя приведенное выше определение как матрицу для конструирования понятия «способ совершения мошенничества в сфере кредитования», можно дать последнему следующее определение – это объективно и субъективно обусловленная, объединенная единым преступным умыслом система действий по подготовке, совершению и сокрытию факта хищения денежных средств заемщиком у банка.

Изучение материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 159.1 УК РФ, показало, что к наиболее типичным действиям подготовительного характера можно отнести: 1) получение преступником консультаций по кредитованию физических лиц; 2) выбор им способа совершения преступления; 3) изучение обстановки, условий и порядка кредитования в конкретной кредитной организации (банке); 4) приобретение или изготовление подложных документов; 5) создание

имиджа добросовестного заемщика (подготовка кредитной истории, подбор поручителей, внешний вид и т.д.); 6) подбор товара, на приобретение которого планируется незаконно получить кредит, подготовка его рынка сбыта.

Наиболее типичные способы совершения мошенничеств в сфере кредитования физических лиц нами были подробно рассмотрены в одной из статей [5]. Однако Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» существенным образом скорректировал ст. 159 УК РФ, выделив в самостоятельный состав преступления мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ), определив способы его совершения как отдельную разновидность обмана (путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений), исключив из нее способ злоупотребления доверием.

В чём же состоит отличие заведомо ложных сведений от недостоверных сведений? Уголовный кодекс РФ не даёт ответа на данный вопрос. В науке уголовного права также нет единообразного понимания данных понятий. Вместе с тем, обратившись к толковому словарю, можно выяснить, что слово «ложный» трактуется как «содержащий ложь, обман, намеренно искажающий действительность»; слово «недостоверный» – «вызывающий сомнения в своей достоверности» [6].

Исходя из вышеизложенного, можно выделить два способа совершения мошенничества в сфере кредитования:

1. Совершение преступных действий заемщиком путем предоставления заведомо ложных сведений.

Ложные сведения могут быть сообщены заемщиком устно, в ходе беседы с представителем банка или содержаться в документах:

- о материальном положении заемщика (справка о доходах по форме 2-НДФЛ, документы о наличии движимого и недвижимого имущества);
- трудоустройстве заемщика (копии трудовой книжки и трудовых договоров);
- регистрации гражданина (отметка в паспорте о прописке, выписки из домовой книги);
- наличии иждивенцев (отсутствие отметки в паспорте) и т.д.

2. Совершение преступных действий путем предоставления заемщиком недостоверных сведений. В данном случае сведения, предоставляемые заемщиком изначально, могут не быть фальшивыми. Но при определенных условиях,

известных заемщику, они приводят к ошибочному представлению кредитора, скажем, об его платежеспособности. Так, к примеру, заемщиком для получения кредита может быть предоставлена подлинная справка формы 2-НДФЛ, иные запрашиваемые документы о недвижимом имуществе, при этом он намеренно умалчивает о существующих у него обязательствах по договору залога данного имущества для того, чтобы добиться соответствия существующим формальным требованиям банка с целью получения кредита, хотя фактически он им не соответствует.

Меры по сокрытию мошенничества по своему содержанию могут быть направлены: 1) на сокрытие информации об уже совершенном преступлении (уничтожение поддельных документов; сбыт товара, приобретенного в кредит и т.д.); 2) фальсификацию информации до, в момент и после совершения преступления (например, сообщение кредитору недостоверной информации); 3) маскировку внешности (изменение признаков внешности, голоса и речи, создание имиджа добросовестного плательщика) и т.д.

Таким образом, своеобразие способов совершения мошенничеств в сфере кредитования обусловлено спецификой рассматриваемой сферы и напрямую связано с возможностями, умениями и навыками преступника, характером преступления, внешними условиями, в которых оно совершается. Структура рассматриваемых способов включает в себя действия, направленные на их

подготовку, совершение и сокрытие. Знание содержания каждого из элементов рассматриваемой структуры позволит не только эффективно, используя корреляционные связи, установить иные элементы криминалистической характеристики преступления, но и выработать оптимальные тактические приемы производства следственных действий по этой категории уголовных дел.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.
2. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978.
3. Зуйков Г.Г. Установление способа совершения преступления. М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1970.
4. Карагодин В.Н. Соотношение сокрытия и способа совершения преступления // Государство и право в системе социального управления / отв. ред. Г.В. Игнатенко. Свердловск, 1981. С. 109-112.
5. Кругликова О.В. К вопросу о способах совершения мошенничества в сфере потребительского кредитования граждан // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2007. № 5. С. 82-83.
6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.

А.А. Ломакина

Краснодарский университет МВД России

Приоритетные направления разработки организационно-тактических особенностей допроса несовершеннолетних потерпевших по делам о половой неприкосновенности личности

Одним из наиважнейших направлений деятельности Российской Федерации является обеспечение безопасности подрастающего поколения, которое должно явиться залогом благополучного дальнейшего развития как страны в целом, так и

выступить очередным звеном здорового общества нашего государства. Однако несмотря на все принимаемые в этой сфере усилия, все еще не удается полностью победить такие угрозы, как нищета и беспризорность, детская смертность, посягательство на личность несовершеннолетнего. Одной из проблем этого ряда выступают факты совершения противоправных действий, направленных в отношении несовершеннолетних против их половой неприкосновенности.

По официальным статистическим данным, в Российской Федерации в 2010 г. несовершеннолетними потерпевшими от преступлений стали 100 227 человек, 2011 г. – 93 241 человек, 2012 г. – 89 183 человека, 2013 г. – 89 053 человека [6]. Среди общей массы преступлений в отно-

шении несовершеннолетних все еще остаются распространенными факты сексуальных насильственных преступлений. Так, по данным экспертов, 7% преступлений против несовершеннолетних составляют изнасилования, насильственные действия сексуального характера, понуждения к действиям сексуального характера, совершение полового акта с лицом, не достигшим 16-, 14-, 12-летнего возраста [7].

Только на территории Краснодарского края в 2011 г. было зарегистрировано 679 подобных преступлений (ст. 131-135 УК РФ), 2012 г. – 605, 2013 г. – 549, 2014 г. – 517, 2015 г. – 657, 2016 г. – 673, а за первое полугодие 2017 г. зарегистрировано 299 преступлений данной категории [8].

Возникновение указанных преступлений вызывает закономерный процесс, направленный на их раскрытие, расследование и последующее предупреждение таковых. Как верно было отмечено Н.И. Порубовым, одним из способов обеспечения гарантий прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших является учет особенностей производства допроса в отношении данной категории субъектов [5, с. 22].

Специфика допроса несовершеннолетнего потерпевшего по преступлениям против его половой неприкосновенности обусловлена как особым характером совершенного преступления (его сексуальной направленностью), так и личностными особенностями самого допрашиваемого, формирующихся из трех основных составляющих:

- возраст допрашиваемого [2, с. 191];
- уровень развития и воспитания [1, с. 83];
- психологические черты, сформированные у допрашиваемого [3, с. 133].

При полноценном развитии ребенка данные факторы неразрывно связаны друг с другом. В процессе развития личности субъекта формируется его кругозор, накапливается жизненный опыт, определяется соответствующий уровень социальной зрелости. Возникает понимание себя, определение своего полового и социального положения. Все эти обстоятельства непосредственным образом влияют на картину восприятия несовершеннолетним происходящей действительности, ее оценку, в т.ч. фактов противоправных действий в отношении него. На разных уровнях своего взросления несовершеннолетними неодинаково будет восприниматься посягательство на их половую неприкосновенность, в т.ч. различна будет и их последующая реакция на такое событие, внутренние переживания, формирование чувства стыда и ответственности за произошедшее. Такие обстоятельства свидетельствуют о необходимости их учета в процессе выработки рекомендаций по

допросу данной категории потерпевших. Вместе с тем видится необходимость разграничения в подходе к допросу таких потерпевших в зависимости от уровня формирования указанных факторов их развития.

Последние изменения уголовно-процессуального законодательства [4], касающиеся времени допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, привели к четкому разграничению возрастных групп: до 7 лет, от 7 лет и до 14 лет, от 14 и до 18 лет.

Как нам видится, такой подход имеет под собой весьма определенные основания, в т.ч. обоснованные формированием психической устойчивости развития ребенка. Между тем имеющиеся на сегодняшний день рекомендации по допросу несовершеннолетних лиц, подвергшихся преступным сексуальным посягательствам, преимущественно не предусматривают столь детального разграничения.

В связи с этим мы считаем необходимым изучение особенностей допроса несовершеннолетних потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности личности в зависимости от возраста на основе предусмотренного ст. 191 УПК РФ разграничения их на три возрастные группы. Разрешение данного вопроса предполагается реализовать в рамках разрабатываемого диссертационного исследования.

Литература

1. Брусенцева В.А. Методика расследования ненасильственных сексуальных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 202 с.
2. Ложкин С.Б. Процессуальный порядок досудебного производства по уголовным делам о насильственных действиях сексуального характера с участием несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 303 с.
3. Милованова М.М. Методика расследования сексуальных преступлений, совершаемых в отношении малолетних детей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 239 с.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: федеральный закон Российской Федерации № 432-ФЗ от 28.12.2013 // СЗ РФ. 2013. № 52. Ст. 6997.
5. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973. 368 с.
6. Сведения о количестве несовершеннолетних потерпевших. Единая межведомственная информационно-статистическая си-

стема. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36198> (дата обращения: 19.09.2017).

7. Статистика насилия в отношении детей в России. URL: <http://annatubten.livejournal.com/154544.html> (дата обращения: 19.09.2016).

8. Статистическая информация ГИАЦ МВД России по преступлениям против половой неприкосновенности за 2011 – первое полугодие 2017 года, совершенных на территории Краснодарского края.

В.А. Машлякевич

Барнаульский юридический институт МВД России

К вопросу об электронно-цифровых следах, образующихся при совершении мошенничеств с использованием средств телефонной связи

Понятие «след» по праву является одним из фундаментальных в криминалистической науке. Еще в XIX в. значение следов преступления воспринималось как «способ связи между минувшим событием преступления и его материализованным представлением в форме механических оттисков, деформаций, пятен, остатков веществ» [3, с. 19]. Современность предоставляет нам гораздо более обширную следовую картину, в которой должное место отводится и электронно-цифровым следам.

Мошенничества, совершаемые с использованием средств телефонной связи, включают в себя достаточно большой объем следовой информации, оставляемой преступниками при использовании банкоматов, платежных терминалов, систем оплаты и перевода денежных средств, телефонной и компьютерной техники, с помощью которой осуществляются звонки, рассылки смс-сообщений и т.д. В связи с этим расследование данной группы преступлений связано с массой сложностей, вызываемых процессами установления следовой информации.

Выделение электронно-цифровых следов в отдельную категорию обусловлено спецификой их происхождения. Как и идеальные, электронно-цифровые следы запечатлеваются в памяти. Однако речь идет не о памяти человека, а о материальном носителе информации (жесткий диск компьютера, карта памяти видеокамеры и т.д.). В то же время электронно-цифровые следы, подобно материальным, оставляют изменения в окружающей среде. Так, они могут служить предпосылкой

для образования материальных следов (например, снятие денежных средств с банковской карты в банкомате повлечет печать чека, который является уже материальным следом).

Многие ученые-криминалисты, используя различную терминологию, делают вывод о наличии электронно-цифровых следов преступления, понимая под ними изменение состояния информационной системы, зафиксированное на каком-либо материальном носителе и связанное с событием преступления.

Так, представляя рассматриваемую нами категорию как виртуальный след, В.А. Мещеряков предлагает понимать под ним «любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации на материальном носителе, в том числе на магнитном поле» [2, с. 104].

В свою очередь, Г.М. Шаповалова, используя понятие «информационные следы», определяет их как «изменение информационной среды в виде сигналов и кодов на электронных и иных физических носителях» [4, с. 34].

Наиболее удачной, на наш взгляд, формулировкой является понятие «электронно-цифровой след», под которым В.Б. Вехов понимает «любую криминалистически значимую компьютерную информацию, то есть сведения (сообщения, данные), которые находятся в электронно-цифровой форме и зафиксированы на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передаются по каналам связи посредством электромагнитных сигналов» [1, с. 94].

Таким образом, достаточно большое количество ученых-криминалистов признает наличие электронно-цифровых следов, однако в настоящее время отсутствует единое мнение в определении понятия и сущности рассматриваемой следовой категории.

Анализ уголовных дел о мошенничествах, совершаемых с использованием средств телефон-

ной связи, приводит нас к выводу, что для раскрытия данного преступления возможно применение следующих видов электронно-цифровых следов:

1. Следы передачи речевой или текстовой информации. К ним следует относить сведения об исходящих и входящих вызовах, а также смс-сообщениях абонентов, участвовавших в событии преступления (как правило, это потерпевший и преступник, иногда – доверенное лицо преступника). Кроме того, для массовой рассылки смс-сообщений преступник может использовать ноутбук с соответствующим программным обеспечением. При осуществлении звонка либо отправке смс-сообщения информация об этом отражается в информационных системах операторов сотовой связи, где по соответствующему запросу следователь может получить сведения об абонентах персональных идентификационных карт, используемых в сотовом телефоне преступника, а также сведения о соединениях по интересующим его абонентским номерам с указанием базовых станций. Также следует отметить, что некоторые модели сотовых телефонов (смартфонов) имеют функцию записи ведущегося разговора, которая может быть использована для получения доказательственной информации по уголовному делу.

2. Электронно-цифровые следы, полученные с помощью камер видеонаблюдения. Преступники, а также их доверенные лица, при совершении рассматриваемой категории преступлений используют банковские переводы, обналичивают денежные средства со счетов сотовых телефонов, а значит, для получения денежных средств им необходимо посетить отделение банка либо воспользоваться терминалом оплаты, банкоматом и т.п. Все перечисленные места оборудованы камерами видеонаблюдения, и по запросу в рамках расследуемого уголовного дела следователь вправе изъять интересующие его видеозаписи.

3. Сведения о движениях (переводах, зачислениях, снятиях) денежных средств по банковским счетам, о банковских переводах, а также о переводах денежных средств по счетам мобиль-

ных телефонов. Все эти действия, производимые преступниками в ходе совершения телефонных мошенничеств, отображаются в соответствующих информационных системах банков и операторов сотовой телефонной связи и могут быть получены по запросу следователя в рамках расследования уголовного дела.

Работу с электронно-цифровыми следами при раскрытии преступлений рассматриваемой категории следует начинать с выявления материальных и идеальных следов (например, рассказ потерпевшего о месте перевода денежных средств, подтверждаемый соответствующим чеком).

Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи, невозможно без выявления и фиксации электронно-цифровых следов рассматриваемой категории преступлений. Практически все действия злоумышленников на стадии совершения преступления находят свое отражение именно в электронно-цифровой форме. Полагаем, что правильное и своевременное обнаружение, фиксация и изъятие, а в дальнейшем и изучение электронно-цифровых следов позволяют проводить качественное расследование уголовных дел о телефонных мошенничествах.

Литература

1. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2008. 401 с.
2. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж, 2002. 408 с.
3. Умаров М.Н. Криминалистическая теория слеодообразования и применение ее выводов в практике раскрытия экономических преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001. 171 с.
4. Шаповалова Г.М. Возможность использования информационных следов в криминалистике (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 198 с.

О.С. Мигунов

Барнаульский юридический институт МВД России

**К вопросу о проблемах, возникающих
при расследовании преступлений,
связанных с применением
огнестрельного оружия
ограниченного поражения**

История возникновения травматического огнестрельного оружия в России берет свое начало еще в 1999 г., когда был сертифицирован пистолет ПБ-4 «Оса», являвшийся первым образцом гражданского травматического оружия [2]. Данный пистолет являлся бесствольным, т.е. функцию ствола выполняла гильза. В 2004 г. был сертифицирован Иж-79-9Т «Макарыч», который стал первым образцом травматического оружия под патрон центрального воспламенения – газовым пистолетом с возможностью стрельбы резиновой пулей. У данного пистолета уже имелся полноценный ствол [2]. С этого времени в легальном гражданском обороте появилось травматическое оружие.

28 декабря 2010 г. Федеральный закон № 398-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления контроля в сфере оборота гражданского оружия» внес изменения в Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [1]. В результате ст. 1 была дополнена следующим абзацем: «Огнестрельное оружие ограниченного поражения – короткоствольное оружие и бесствольное оружие, предназначенные для механического поражения живой цели на расстоянии метаемым снаряжением патрона травматического действия, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда, и не предназначенные для причинения смерти человеку» [1]. Данный абзац стал законодательно установленным определением травматического оружия в России. В настоящее время в качестве огнестрельного оружия ограниченного поражения (далее – ООП) сертифицирован широкий спектр бесствольных пистолетов, пистолетов и револьверов.

ООП разработано как оружие самообороны нелетального действия. Пройдя определенную процедуру оформления, а также соблюдая ряд требований, установленных законодательством, практически любой гражданин может приобрести, хранить и носить оружие данной категории.

Применение указанного вида оружия разрешено в строго определенных рамках. Так, угроза жизни и здоровью гражданину, который собирается применить ООП в целях самообороны, должна быть соразмерна ущербу, который будет причинен в результате его применения. При применении оружия необходимо стремиться к минимизации причиняемого ущерба.

Несмотря на то, что ООП разработано для самообороны и подразумевается как средство предотвращения преступлений, оно же используется в качестве средства совершения преступления. Использование данного вида оружия при совершении преступлений приводит к причинению вреда здоровью различной тяжести, а в иных случаях – и к смерти потерпевшего.

По нашему мнению, одним из факторов, способствующих тому, что оружие ограниченного поражения применяется при совершении преступлений, является то, что, в отличие от нарезного огнестрельного оружия, каждый экземпляр ООП не отстреливается для помещения в пулегильзотеку, которая сформирована на базе МВД России и служит для идентификации нарезного огнестрельного оружия по пулям и гильзам. Так, при обнаружении на месте преступления гильз или пуль до предоставления конкретного экземпляра нельзя сказать, кому именно принадлежит примененное оружие. Это затрудняет раскрытие преступлений данного типа. Указанное обстоятельство вызывает у преступника ложное чувство безнаказанности при совершении преступления.

Несмотря на то, что ООП эксплуатируется уже более 10 лет, до настоящего времени не имеется научных и криминалистических методов, позволяющих идентифицировать конкретный экземпляр оружия по выпущенному из его ствола метательному снаряду (пуле). В первую очередь это связано с тем, что метательный снаряд (пуля), применяемый в патронах для оружия ограниченного поражения, выполнен из упругих полимерных материалов (резины и т.п.) для снижения проникающей способности снаряда при попадании в тело человека. В отличие от пули для нарезного огнестрельного оружия, которая выполнена из твердых металлов, у пули для огнестрельного оружия ограниченного поражения при прохождении через канал ствола не остается на поверхности следов, пригодных для идентификации оружия. По крайней мере, до настоящего времени способов их выявления не разработано. Однако в настоящее время имеется и успешно применяется методика идентификации оружия по гильзам.

Выходом из сложившейся ситуации может послужить формирование на базе пулегильзотеки МВД России дополнительной категории учета, а именно «гильз отстрелянных из огнестрельного оружия ограниченного поражения». Данный учет будет способствовать раскрытию и расследованию преступлений, связанных с применением оружия указанной категории. Кроме того, это будет являться определенным «стоп-фактором» и послужит в качестве профилактики совершения преступлений с применением ООП.

Литература

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления контроля в сфере оборота гражданского оружия: федеральный закон РФ от 28.12.2010 № 398-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Рос. газ. 2010. 30 дек. № 296.
2. Травматическое оружие. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Травматическое_оружие.

*Д.А. Михалева, канд. юрид. наук
Барнаульский юридический институт МВД России*

Допрос потерпевшего при расследовании угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью нарушает нормальные условия жизни гражданина, его близких, их психическое и психологическое состояние. Зачастую указанные преступления совершаются в семейно-бытовой сфере [3, с. 6]. Факт совершения данного преступления нередко сопряжен с совершением иных преступлений, а также может привести к реальному посягательству на жизнь и здоровье потерпевшего, его имущественные и неимущественные права.

Так, 6 июля 2009 г. около 17 часов Г., находясь в лесном массиве, на почве ревности высказал угрозу убийством в отношении К., после чего нанес ножом не менее четырех ударов в область туловища последней. К. оказала активное сопротивление, уворачиваясь от ударов, направленных в область ее грудной клетки, схватила рукой за клинок ножа, тем самым остановила дальнейшие действия Г., в связи с чем не наступила ее смерть [1].

Изучение следственной практики по делам об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью свидетельствует о том, что одним из существенных недостатков раскрытия и расследования данных преступлений является неполнота и тактическая неграмотность при произ-

водстве допроса потерпевших, тогда как качественно и своевременно произведенный допрос потерпевшего зачастую позволяет уже на первоначальном этапе расследования выдвинуть версии о произошедшем событии и наметить пути их разрешения [2, с. 87].

При проведении допроса по факту угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью необходимо установить наличие достаточных данных о способе выражения угрозы: какие при этом произносились слова, их толкование, даже если они были выражены в нецензурной форме; каковы возможные мотивы действий виновного, и что послужило основанием для признания пострадавшим такой угрозы – реальной для исполнения.

Если потерпевший способен адекватно воспринимать действительность, может спокойно отвечать на вопросы, проведение допроса целесообразно немедленно после возбуждения уголовного дела. В противном случае его лучше перенести на более позднее время, чтобы потерпевший смог успокоиться, и его показания приобрели более конкретный характер.

Перед началом допроса дознавателю путем использования тактических приемов, направленных на установление психологического контакта с потерпевшим, следует ослабить его психологическое напряжение, а уже потом применять тактические приемы, основанные на конкретизации и детализации показаний. Кроме того, возможно применение ассоциативных связей, что может позволить потерпевшему вспомнить те или иные сведения. Так, если потерпевший затрудняется вспомнить дату угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, ему предлагается вспомнить предше-

ствующие или последующие события (праздник, день рождения, день зарплаты).

В ходе допроса потерпевшего при расследовании угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью подлежат выяснению следующие вопросы:

– имеется ли степень родства потерпевшего и виновного (муж (жена), бывший муж (бывшая жена), сожитель (сожительница), родственник, сосед и т.д.);

– время совершения угрозы (год, месяц, число, время суток, часы, минуты, промежутки времени);

– место, где произошло событие (точный адрес, этаж, квартира);

– способ совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, какие при этом произносились фразы и какие действия осуществлялись;

– находился ли угрожавший в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;

– что предшествовало событию (взаимные претензии, замечания, ссора, иные действия участников события и третьих лиц);

– что явилось поводом к осуществлению противоправных действий;

– применял ли угрожавший оружие (огнестрельное, холодное, газовое) или предметы, используемые в качестве оружия (предметы бытового назначения: сковородка, молоток, топор, ремень и т.д.); если да, то каким образом; где в настоящий момент находится орудие преступления, изымалось ли оно в ходе осмотра места происшествия, если нет, то готов ли потерпевший выдать его для приобщения к уголовному делу в качестве вещественного доказательства;

– реально ли потерпевший опасался осуществления данной угрозы, если да, то на чем основывались его опасения (физическое превосходство, наличие у угрожавшего оружия либо предметов, используемых в качестве оружия и т.д.);

– были ли очевидцы преступления; были ли несовершеннолетние очевидцами произошедшего события; если да, то кто именно;

– высказывались ли ранее угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью подозреваемым и др.

Кроме того, у потерпевшего необходимо выяснить, где именно ему угрожали, изменена ли обстановка на месте происшествия и, при необходимости, провести там осмотр. Если угроза поступила посредством телефонной (мобильной) связи или электронной почты, необходимо провести осмотр данного средства связи, через операторов сети установить, кем направлена угроза, опросить данное лицо. Как правило, потерпевший знает, кто ему угрожает. Однако в некоторых случаях, когда преступление совершается по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы, личность виновного может быть неизвестна потерпевшему. Для его установления необходимо составить словесный портрет виновного, при его выявлении – провести предъявление для опознания, обыск по месту жительства с целью обнаружения доказательств, свидетельствующих о наличии у него ненависти к определенной расе и т.д.

Таким образом, незамедлительный и качественный допрос потерпевшего по факту угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью позволяет дать ориентирующую информацию для дальнейшего расследования и выдвижения версий.

Литература

1. Архив Майминского районного суда Республики Алтай. Д. № 1-197/2009.

2. Михалева Д.А. Проблемы выдвижения версий по исходным типовым следственным ситуациям при расследовании преступлений, связанных с заведомо ложным сообщением об акте терроризма // Вестник Калининградского юридического института. 2008. Вып. 2 (16). Ч. 2. С. 87-91.

3. Шкурихина Н.В. Особенности выявления и расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних: учебно-метод. пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. 128 с.

В.В. Овсянников

Экспертно-криминалистический центр
ГУ МВД России по Алтайскому краю

О возможности обнаружения следов рук человека на объектах вещной обстановки в ходе осмотров мест происшествий, сопряженных с пожаром

Анализ статистических данных показывает, что ежегодно в стране происходит около 150 тысяч пожаров, более 10% из которых составляют поджоги [1]. Согласно автоматизированной системе учета «АСУ Эксперт», в 2016 г. на территории Алтайского края специалисты-криминалисты ЭКП ГУ МВД России по Алтайскому краю приняли участие более чем в 700 осмотрах мест происшествий, сопряженных с пожаром. Следы папиллярных узоров пальцев и ладоней рук изымались с объектами-носителями (емкости, предметы), обнаруженными на прилегающей к объекту пожара территории. Однако следы папиллярных узоров рук с объектов и предметов вещной обстановки, расположенных непосредственно на объекте пожара, не изымались.

Аналогичным образом складывается ситуация с изъятием следов рук по фактам пожаров в большинстве регионов РФ.

Как показывает практика, в большинстве случаев пожар обнаруживается на ранней стадии развития, до полного охвата объекта огнем. При этом наблюдается четкое разграничение зон на месте пожара: зона активного пламенного горения (очаг), зона термического воздействия (на предметах вещной обстановки) и зона окопчения.

Зона окопчения – это участок, удаленный от очага пожара, характеризующийся отсутствием следов активного пламенного горения, но наличием интенсивного окопчения объектов.

Копоть – это осевшая на ограждающих конструкциях дисперсная фаза дыма, образующегося при пожаре. Установлено, что в условиях происходящего пожара частицы сажи перемещаются в сторону более холодных поверхностей и осаждаются на них [2, с. 47-48]. Размер частиц дисперсной фазы дыма колеблется в пределах 10^{-5} - 10^{-8} м. Ввиду малого размера частиц осажделение копоти происходит равномерно по всей поверхности предметов.

Следовательно, осажделение дисперсной фазы дыма на предметах вещной обстановки аналогично одному из простейших и эффективных способов выявления следов рук – методу окапчивания поверхностей [3, с. 76].

В одном из методических пособий описывается возможность сохранения следов папиллярных узоров рук на объектах из жаропрочных материалов путем обработки их парами металлоорганических соединений. При этом копоть предварительно удаляют отжигом в муфельной печи при температуре 700°C [4, с. 27]. Следует отметить, что данная методика направлена на исследование объектов-носителей не в ходе осмотра места происшествия, а исключительно в лабораторных условиях.

В свете вышеизложенного особый практический интерес вызывает возможность обнаружения и изъятия следов папиллярных узоров рук на месте происшествия, сопряженного с пожаром.

Нами была проведена работа по исследованию возможности сохранения, обнаружения и изъятия следов пальцев рук с окопченных поверхностей.

Для проведения эксперимента была изготовлена экспериментальная установка. В качестве осаждающей поверхности были выбраны отрезки стекла размером $90 \times 100 \times 3$ мм в количестве 24 штук. Поверхность фрагментов стекла была тщательно вымыта, обезжирена и пронумерована с 1 по 24. На объектах были оставлены следы папиллярных узоров. Для моделирования различных условий осаждения копоти на предметах вещной обстановки, протекающих в ходе реальных пожаров, отрезки стекла помещались в установку в различных плоскостях. Основным материалом для сжигания был выбран пенопласт (пенополистирол). Ввиду интенсивного дымообразования при сгорании пенопласта процесс окопчения объектов занимал от 10 до 30 минут. Наблюдалось равномерное осаждение частиц копоти на объектах. При этом значения температуры на поверхности объектов колебались от 80°C до 170°C при закрытой верхней крышке, что, в свою очередь, соответствует температурным показателям в зоне осаждения копоти в условиях пожара. Спустя 10-30 минут объекты-носители извлекались и после остывания до температуры окружающей среды (24°C) осматривались в проходящем и косо падающем свете. При этом визуально наблюдалось сохранение следов рук на всех объектах.

Первоначально для очистки слоя копоти использовались стандартные кисти «флейц», далее для повышения четкости и контрастности выявленных следов использовались дактилоскопические порошки («Антрацит», «Опал», «Далматин», «Белый», «Черный»), наблюдалось повышение четкости и контрастности обрабатываемых следов. Выявленные следы рук с поверхности объектов успешно изымались традиционными способами.

При моделировании условий тушения реального пожара окопченные объекты с помощью распылителя опрыскивались водой. Очистка объектов кистью «флейц» для удаления слоя копоти при увлажненной поверхности приводила к утрате (смазыванию) следов.

Для переувлажненных объектов экспериментально были получены положительные результаты при использовании для их прогрева теплового потока мощных осветителей. Это позволило в течение 5-20 минут высушить объект-носитель, что, в свою очередь, вполне реализуемо в условиях осмотра места происшествия. Также возможно предварительное высушивание объектов прогревом их поверхности при помощи бытового фена в течение 5-10 минут.

В ходе проведения осмотра места происшествия специалисту для выявления свойств копоти необходимо предварительно обработать поверхность кистью «флейц» либо кистью из перьев марабу. Полученные результаты позволяют предопределить дальнейшие действия специалиста: возможность обработки поверхностей непосредственно на месте пожара либо необходимость изъятия объектов для последующих лабораторных исследований.

Окопченные фрагменты стекла по истечении двух месяцев с момента их оставления, а также экспериментальные объекты (фарфоровая и керамическая посуда, полимерные бутылки), изымаемые с реальных пожаров, в лабораторных условиях помещались в цианакрилатную камеру «Voigtländer» с влажностью в 80%, после чего в объеме камеры в течение 15 минут испарялся цианакрилат (10 мл). Наблюдалось взаимодействие паров цианакрилата с потожировым веществом,

характерное окрашивание потожирового вещества в белый цвет.

Учитывая, что «применение метода окапчивания на пористых и гладких поверхностях исключает последующее применение йода, нингидрина, азотнокислого серебра и его смесей с йодом» [6], применение данных химических соединений не приводит к положительным результатам при обработке окопченных объектов.

Таким образом, на наш взгляд, поиск следов пальцев рук в ходе осмотра места происшествия, сопряженного с пожаром, непосредственно в зоне окопчения не только возможен, но и способствует повышению эффективности расследования данной категории дел.

Литература

1. Выявление очаговых признаков и путей распространения горения методом исследования слоев копоти на месте пожара: метод. рек-ции. М.: ФГУ ВНИИПО МЧС России, 2008. Ст. 91.
2. Современные методы и средства выявления, изъятия и исследования следов рук: учеб. пособие / Л.А. Черницын и др. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. Ст. 175.
3. Статистика пожаров в Российской Федерации за 2016 г. // МЧС России. URL: <http://mchs.gov.ru>.
4. Чешко И.Д., Юн Н.В., Плотников В.Г., Антонов А.О. и др. Осмотр места пожара: метод. пособие. М.: ВНИИПО, 2004. Ст. 253.
5. Эксперт: руководство для экспертов органов внутренних дел / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М., 2003. Ст. 591.

Д.С. Ондар

Юридический институт
Национального исследовательского
Томского государственного университета

Некоторые вопросы первоначального этапа расследования краж из жилища в сельской местности в специфических условиях жизнедеятельности населения

Высокий уровень хищений из жилища граждан постоянно требует поиска путей оптималь-

ного применения криминалистических средств и методов раскрытия и расследования указанных преступлений. В то же время их разработка и совершенствование предполагает учет многих факторов, в числе которых для отдельных регионов выступают специфические условия жизнедеятельности. К таким регионам со сложившимися историческими особенностями жизни населения относится Республика Тыва.

Проведенные исследования судебной практики по районам Республики Тыва подтверждают, что проблема борьбы с кражами из жилища не утрачивает своей актуальности. В период с января

по август 2017 г. было совершено 428 краж из жилища, что на 84,4% больше того же периода за 2016 г. Большое количество совершенных краж из жилища, с одной стороны, и слабая организационная, правовая и техническая обеспеченность деятельности органов внутренних дел – с другой, приводят к росту нераскрытых названных преступлений. С учетом значительных расстояний от дислокации ОВД до мест проживания потерпевшего от квартирной кражи особую значимость при организации расследования отмеченных преступлений приобретает принцип оперативности действий правоохранительных органов, причем затруднительность производства повторных и дополнительных следственных действий, ввиду отдаленности населенных пунктов и непростых климатических условий, делает особо актуальным организацию расследования именно на первоначальном этапе. В этой связи важно иметь в виду особенности тактики производства следственных действий на первоначальном этапе, которая, в силу незначительного объема сведений о событии и причастном к нему лице (лицам), носит характер более или менее жесткого алгоритма.

Место данного этапа криминалистической деятельности определяется тем, что в его рамках решается важнейшая двуединая задача: выяснение характера произошедшего события и название лица, предположительно виновного в совершении этого преступления; тем самым дается первоначальная юридическая квалификация деяния определенного лица [1, с. 920].

Сложность первоначального этапа расследования краж из жилища, совершенных в сельской местности, заключается в существовании значительного числа следственных версий, требующих своей проверки. Это в целом предопределено малым объемом информации по делу, в т.ч. сведений, полученных в ходе производства оперативно-разыскных мероприятий, а также мероприятий, выполненных в рамках преследования преступников по горячим следам. В частности, по большинству изученных нами уголовных дел, по которым приостановлено уголовно-процессуальное производство, отсутствуют какие-либо данные о лицах, совершивших хищение: такая неблагоприятная следственная ситуация порой усложняется утратой следов совершения данного преступления, если допущено промедление в самом начале работы следственно-оперативной группы.

В своем общем виде значение первоначального этапа расследования состоит в том, что он позволяет сформулировать наиболее перспективные направления поисково-познавательной деятельности следователя, и через постановку стратегических и тактических задач задействовать, в конечном счете, оптимальные криминалистические средства и методы.

Анализ складывающихся в ходе расследования указанных хищений типичных следственных ситуаций и соответствующих задач, которые могут быть решены соответствующими средствами и методами, позволяет говорить о том, что на данном этапе поисково-познавательная деятельность приобретает наиболее ярко выраженный характер, позволяющий отделить её от уголовно-процессуальной деятельности.

Динамичность следственных ситуаций на первоначальном этапе расследования сопровождается постепенным уточнением выдвинутых следственных версий, а значит, и постоянным уточнением плана работ по уголовному делу. Учитывая важность задействования при расследовании квартирных краж участков уполномоченных, необходимо, принимая во внимание специфические условия Республики Тыва, проявляющиеся, прежде всего, в значительной удаленности населенных пунктов от следственных и оперативных органов, находящихся в районных центрах, более тщательно рассмотреть вопрос об обмене информацией между сотрудниками названных подразделений в ходе работы по данному преступлению. На первоначальном этапе расследования преступлений против собственности первостепенное значение приобретает производство таких следственных действий, как осмотр места происшествия, допрос потерпевшего, допрос свидетеля, назначение ряда судебных экспертиз. Полученная в результате этих следственных действий информация позволяет смоделировать картину произошедшего преступления, понять его механизм, получить сведения о лице, совершившем преступление, и о других элементах криминалистической характеристики преступления.

Литература

1. Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск: ТМЛ – Пресс, 2008. 1128 с.

В.В. Остробородов, канд. мед. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России;
Е.Б. Беседина, канд. мед. наук
Барнаульский юридический институт МВД России

**Некоторые особенности совершения
преступлений на фоне психических
расстройств у лиц, находящихся
на принудительном лечении
в отделении специализированного типа**

Сегодня нередко преступления против здоровья и жизни человека совершаются на фоне психических расстройств. Нарушения психической сферы деятельности, на фоне которых человек может совершать преступления, многообразны. Среди них можно выделить такие заболевания, как шизофрения, эпилепсия, алкоголизм, наркомании и т.д., а также возможные их сочетания.

Причины развития указанных болезней различны: одни могут быть врожденными, а другие приобретенными, как результат каких-либо травм, регулярных интоксикаций, осложнений соматических заболеваний и т.д. В дальнейшем на фоне этих расстройств возможно совершение общественно опасных деяний. В основе совершения преступлений при психических расстройствах часто лежат изменения эмоциональной и волевой сферы психической деятельности, бредовые идеи, слуховые и зрительные галлюцинации.

По данным Всемирной организации здравоохранения, к 2020 г. психические расстройства войдут в пятерку факторов, ведущих к потере трудоспособности, обогнав сердечно-сосудистые заболевания. Отмечается, что главной причиной инвалидности будет депрессия.

В России ситуация осложняется увеличением числа невротических расстройств, которые связаны с алкоголизмом, бедностью, стрессовыми ситуациями на работе [1]. Так, до 40% населения имеют признаки какого-либо нарушения психической деятельности. На долю лиц, нуждающихся в систематической психиатрической помощи, приходится 3-6%. Шизофренией, как наиболее тяжелой среди психических болезней, страдают 2,3-3,1% населения России.

При совершении преступлений лица, страдающие психическими расстройствами, как правило, не осознают опасности своих действий и не могут руководить ими, а следовательно, согласно Уголовному кодексу Российской Федерации, не несут уголовной ответственности за совершенные преступления [3]. Эти лица по решению суда направляются на принудительное лечение.

Цель нашей работы – установить особенности совершения преступлений против здоровья и жизни человека лицами с установленным диагнозом параноидная шизофрения, находящимися на принудительном лечении в отделении специализированного типа Алтайской краевой клинической психиатрической больницы им. Ю.К. Эрдмана (АККПБ).

На принудительном лечении в отделении специализированного типа АККПБ лица, страдающие шизофренией, составляют 52%. Остальная часть – пациенты с умственной отсталостью, органическим поражением головного мозга, расстройствами личности, эпилепсией.

Нами изучены медицинские документы 30 пациентов с диагнозом параноидная шизофрения. В результате проведенного статистического анализа установлено, что 14 пациентов (47%) составляют лица, совершившие преступления, направленные против здоровья и жизни человека, предусмотренные ст. 105, 111, 112, 116 УК РФ.

Преступления, предусмотренные ст. 105 УК РФ, были совершены с применением острых объектов на фоне алкогольного опьянения и галлюцинаций.

В качестве примера можно привести пациента С. (49 лет), который находился на диспансерном учете у психиатра с 1987 г. с диагнозом параноидная шизофрения. Длительность заболевания до совершения преступления составляла 22 года, в течение которых он несколько раз проходил лечение в психиатрической больнице, выписывался с улучшением, но в связи с отказом от приема препаратов и на фоне приема алкоголя психопродукция возобновлялась. В 2010 г. во время распития спиртных напитков и на фоне слуховых и зрительных галлюцинаций в виде «огромных крыс, лиц с зелеными глазами и мужских голов» нанес множественные колото-резаные повреждения своей сожительнице, в результате которых она скончалась. После проведения судебно-психиатрической экспертизы по решению суда был направлен на принудительное лечение в Орловскую психиатрическую больницу специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Преступления, предусмотренные ст. 111, 112, 116 УК РФ, совершались, как правило, нанесением повреждений руками и ногами в область головы и туловища потерпевшего. Данные преступления также совершались на фоне алкоголизации и галлюцинаторных проявлений.

Яркий пример преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, представляет собой преступление пациента С. (49 лет). Впервые его психическое состояние изменилось в 2001 г., когда после

запой развился делирий атипичного характера. Находился на лечении в психиатрической больнице. После купирования приступа вдруг стал отказываться от приема пищи, замкнулся, ни с кем не общался, о переживаниях не рассказывал. На фоне лечения отмечалась положительная динамика, но отмечалось эмоционально-волевое снижение. После выписки ничем не занимался, не работал, алкоголизировался. Появились бессонница, отказ от пищи, общения с родственниками. Повторно был госпитализирован в психиатрическую больницу. На фоне лечения острая психотическая симптоматика купировалась, но нарастали эмоционально-волевые расстройства (замкнутость, стремление к уединению). После выписки ничем не занимался, лежал в постели. Третья госпитализация – май 2002 г.: после приема алкоголя нарушился сон, снизилось настроение, стал агрессивным к матери, отказывался от пищи, видел «дьявола и какие-то образы», слышал «голоса неопределенного содержания».

После выписки лечение не продолжал, периодически алкоголизировался. Последняя госпитализация – в 2007 г. В 2010 г. в ходе ссоры нанес гражданину П. множественные удары руками и ногами в область головы и грудной клетки, П. от полученных травм скончался. После проведения судебно-психиатрической экспертизы по решению суда был направлен на принудительное лечение в Орловскую психиатрическую больницу специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Таким образом, из приведенных примеров видно, что все преступления, совершенные против здоровья и жизни человека лицами, страдающими параноидной шизофренией, совершались на фоне длительной алкоголизации, отказа от приема препаратов, галлюцинаторных проявлений и длительного течения заболевания.

Кроме этого, хотелось бы отметить, что преступления, предусмотренные ст. 105 УК РФ, были совершены с применением острых объектов, а преступления, предусмотренные ст. 111, 112, 116 УК РФ, как правило, совершались твердыми тупыми объектами.

Безусловно, данная категория лиц представляет значительную социальную опасность и нуждается в контроле со стороны органов внутренних дел.

Литература

1. Атлас психического здоровья ВОЗ 2014 г. URL: http://www.who.int/mental_health/evidence/atlas/mental_health_atlas_2014/ru/.
2. Овчинников Б.В., Дьяконов И.Ф., Богданова Л.В. Психическая предпатология: превентивная диагностика и коррекция. СПб.: ЭЛБИ-СПб., 2010. 368 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А.А. Отаров, канд. юрид. наук
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России

О справочном обеспечении деятельности по фиксации доказательственной информации

Обязательная письменная форма фиксации хода и результатов предварительного расследования предъявляет особые требования к ее реализации. В протоколах следственных действий необходимо максимально содержательно и объективно отражать обстоятельства и факты, выявленные следователем при его производстве. Это достигается

использованием описательного метода. Общими требованиями к описанию являются полнота, точность и последовательность, применение ясной, единой и общепринятой терминологии.

Количество объектов, потенциально подлежащих описанию в ходе следственных действий, не поддается исчислению. Их описание неизбежно сопряжено с необходимостью использования максимально точных и правильных терминов, понятий, наименований, применяемых в соответствующей области [1, с. 3]. Часть таких терминов и понятий входят в общеупотребительный лексикон и доступны большинству рядовых граждан и работников органов внутренних дел, в частности. Однако немалая их часть относится к так называемой «стандартизированной» или «регламентиро-

ванной» терминологии, в связи с чем они должны применяться именно в действующих в текущий период времени вариантах [4, с. 267; 5, с. 316]. Значительная часть терминологии может быть не известна следователю в силу возраста, недостаточного жизненного и профессионального опыта. Отмечается, что следователи не всегда правильно описывают наиболее распространенные предметы и орудия преступлений, причиной чему является, помимо прочего, отсутствие методической литературы по рассматриваемым вопросам [3, с. 6].

Существенным подспорьем в описании объектов в ходе следственного действия являются специальные справочные пособия, представляющие собой альбомы графических изображений наиболее типичных для следственной практики объектов исследования, их узлов, деталей с наименованиями. Последним наиболее содержательным изданием такого рода, на наш взгляд, явилось справочное пособие, выпущенное под редакцией В.В. Филиппова в 1995 г. На момент издания пособие по описанию широкого круга объектов в целом удовлетворяло потребностям следователей, дознавателей. Вместе с тем ряд разделов справочника большей частью содержит изображения объектов, морально и технически устаревших, вышедших из моды, десятилетия назад снятых с производства и фактически более не эксплуатируемых. Соответственно, и вероятность того, что их описание будет востребовано в реальных ситуациях, ничтожно мала, что снижает ценность в целом для своего времени качественно подготовленного и всесторонне проработанного справочного пособия. Этот факт, а также периодичность выпуска подобных изданий (предыдущим изданием подобного плана было пособие, изданное ВНИИ МВД (МООП) СССР в 1966 г.), на наш взгляд, не отвечает запросам практических работников.

Для заполнения данного пробела в разное время вплоть до недавнего времени выпускались иллюстрированные справочные пособия – «справочники следователя (криминалиста)», призванные оказать содействие следователю в описании объектов криминалистического исследования. Однако применительно к иллюстративному материалу основным недостатком этих изданий был либо его минимальный объем, либо повторение устаревших иллюстраций.

Таким образом, факт регулярного выпуска научной продукции с содержанием рассматриваемого в данной статье рода является, на наш взгляд, индикатором ее востребованности среди практических сотрудников органов внутренних дел и в равной степени среди курсантов и слуша-

телей образовательных организаций системы МВД России при изучении учебных дисциплин «Уголовный процесс» и «Криминалистика» и смежных с ними дисциплин [2, с. 225].

В этой связи мы считаем, что назрела необходимость выпуска иллюстрированных справочников-альбомов объектов криминалистического исследования, и это требует самого пристального внимания со стороны образовательных и научно-исследовательских организаций системы МВД России. При их подготовке требуется централизованный подход с участием коллективов авторов, привлечением профессиональных художников, при квалифицированной редакции. Безусловно, это огромный труд. Однако факторами, действующими в пользу данной работы, являются современные технологии, которые позволяют, во-первых, не заботиться о материальных и временных затратах на изготовление больших тиражей печатной продукции (электронное издание позволяет распространять неограниченные количества экземпляров адресатам – следственным, экспертным, оперативно-разыскным подразделениям органов внутренних дел, образовательным организациям), а во-вторых, использовать их на базе мобильных электронных устройств непосредственно в «полевых условиях».

Говоря о содержании рассматриваемых справочников, отметим необходимость охвата максимального числа объектов, могущих иметь криминалистическое (доказательственное) значение в ходе таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск, выемка, допрос и очная ставка, проверка показаний на месте. Это должны быть не только типичные орудия преступления, следы, предметы преступного посягательства, но и иные объекты, потенциально связанные с действиями на всех стадиях механизма преступления. Такие объекты должны проследивать связь не только с общеуголовными преступлениями, но и с преступлениями, совершенными в сфере экономической деятельности (а это уже огромный круг объектов – продукция, материалы и вещества, производственное оборудование, здания, сооружения и территории предприятий, учреждений, организаций и т.д.), а также преступлениями против общественной безопасности, экологическими, компьютерными, транспортными, воинскими и др.

Литература

1. Описание объектов криминалистического исследования: справочное пособие / под ред. канд. юрид. наук В.В. Филиппова. М.: ЭКЦ МВД России, 1995.

2. Отаров А.А., Гаужаева В.А. Типовые механизмы фальсификации обстоятельств ДТП, совершаемых мошенниками или вымогателями в отношении автовладельцев // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2016. № 3 (19).

3. Пономарева Н.С., Касьянова Е.В., Силин А.А. Описание орудий и предметов по корыстным и корыстно-насильственным преступлениям: справочник. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2015.

4. Рясов А.А., Жигалова Г.Г. Способы фиксации и изъятия компьютерно-технических следов преступления // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5.

5. Сretenцев Д.Н. Криминалистические особенности фиксации дорожно-транспортного происшествия // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Всерос. научно-практ. конф-ция. Редкол.: А.В. Бульжкин и др. Орел: Орловский юрид. ин-т МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. С. 315-319.

Н.Ю. Русанов

Следственное управление УМВД России по г. Барнаулу

Особенности проведения следственного действия «осмотр наркотических средств и психотропных веществ»

В ходе производства предварительного расследования по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ следователями и дознавателями органов внутренних дел зачастую недооценивается важность такого следственного действия, как осмотр наркотических средств и психотропных веществ, что в некоторых случаях может привести к признанию протокола осмотра указанных предметов недопустимым доказательством. Впоследствии данное обстоятельство может оказать влияние на квалификацию действий обвиняемых, а также повлечь их последующую реабилитацию.

Указанное следственное действие проводится в соответствии со ст. 166, 167 и 180 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Субъекты уголовного судопроизводства со стороны защиты нередко обвиняют сотрудников правоохранительных органов в подмене изъятых вещественных доказательств, изъятых при расследовании преступлений данной категории, в связи с чем осмотр наркотических средств и психотропных веществ целесообразно проводить в служебном кабинете с участием понятых, заинтересованность которых исключена. Ими не должны быть вольнонаемные служащие правоохранительного органа, лица, рассматриваемые на долж-

ности аттестованных сотрудников, практиканты либо знакомые должностного лица, проводящего осмотр средств и веществ.

Также при проведении осмотра указанных предметов и веществ необходимо проводить их фиксацию с использованием технических средств фотофиксации, а в случае необходимости и средствами видеосъемки, факт применения которых необходимо отразить в протоколе.

Первоначально осматривается упаковка объекта, при этом необходимо обратить внимание на целостность упаковки, наличие печатей и подписей. При осмотре должностное лицо в протоколе должно объективно отразить признаки осматриваемых объектов. В ходе осмотра предметов необходимо параллельно знакомиться с протоколами изъятий веществ, справками и заключениями экспертов для исключения ошибок при описании объектов. В случае обнаружения несоответствия принимать решение о назначении повторной экспертизы, допроса эксперта и т.п. А в случаях выявления несоответствия с протоколом изъятия необходимо допрашивать понятых и должностных лиц, производивших изъятие, с целью устранения противоречий в информации, содержащейся и в протоколе осмотра предметов, и в различных документах, отражающих факт изъятия. Необходимо отметить, что в настоящее время сложилась разнобразная практика осмотра наркотических и психотропных веществ. Так, в ряде случаев должностные лица не вскрывают упаковку осматриваемого объекта, мотивируя это необходимостью сохранения целостности вещества и наличием осмотра эксперта в ходе проведения судебной экспертизы. По наше-

му мнению, такая практика не соответствует действующему уголовно-процессуальному законодательству, т.к. следственный осмотр предполагает, что следователь или дознаватель, используя свои органы чувств, сможет убедиться в наличии или отсутствии у осматриваемого объекта определенных признаков. Как это возможно сделать без вскрытия непрозрачной упаковки, не совсем понятно. Таким образом, при осмотре наркотических средств и психотропных веществ упаковку целесообразно вскрывать и непосредственно осматривать содержимое.

После вскрытия упаковки осматриваемого объекта необходимо убедиться в наличии срезов упаковки и бирок, которые являлись ранее частью упаковки, далее следует указать структуру объекта, цвет, количество, в случае необходимости – произвести взвешивание вещества и его упаковки. Должностное лицо, проводящее осмотр, не обременено никакими нормативными документами, регламентирующими визуальную оценку осматриваемых объектов. При визуальной оценке цвета осматриваемого вещества следователь или дознаватель может использовать периодическое издание «Криминалистический атлас цветов». Визуальная оценка веществ в полной мере зависит от субъективной оценки лица, проводящего осмотр, и освещения помещения, в котором проводится осмотр. После осмотра вещества, срезов, бирок и упаковки лицо, проводящее осмотр, должно проверить соответствие осматриваемых объектов с их описанием в исследовательской части заключения физико-химической экспертизы.

При осмотре наркотических средств и психотропных веществ должностное лицо должно

соблюдать меры безопасности, осматривать вещества в резиновых перчатках, избегать распространения веществ в воздухе и его попадания на открытые участки кожи участвующих в осмотре лиц.

После осмотра и фиксации веществ их необходимо упаковать, при этом в случае невозможности использования первоначальной упаковки возможно использование новой упаковки, о чем, соответственно, необходимо указать в протоколе осмотра предметов.

После проведенных мероприятий протокол подписывается участвующими лицами. В случае наличия замечаний они вносятся в протокол, составляется фототаблица либо производится запись видеосъемки на оптический диск, который приобщается к протоколу.

Указанный алгоритм действий позволит не допустить следователем или дознавателем процессуальных и криминалистических нарушений и ошибок при осмотре наркотических средств и психотропных веществ.

Литература

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 // Рос. газ. 2005. 5 авг. № 3860.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.06.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А.М. Сажаев, канд. юрид. наук, доцент
Институт повышения квалификации
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации (с дислокацией в г. Новосибирск)

О задачах, решаемых в ходе осмотра места происшествия

Значение осмотра в ходе расследования исключительно велико. В процессе осмотра обнаруживается и исследуется значительная часть

важнейших следов преступления и преступника и иных вещественных доказательств.

Результаты осмотра, особенно такого его вида, как осмотр места происшествия, позволяют следователю определить направления расследования, представить механизм расследуемого события, получить сведения о личности преступника.

Однако, несмотря на значительную разработку следственного осмотра в криминалистической науке и практике, в отдельных случаях при расследовании недооцениваются значение и возможности осмотра.

В результате этого он проводится поверхностно, торопливо или просто формально, и преступление может остаться нераскрытым.

Кроме того, одной из причин недостаточно качественной работы на месте происшествия является слабое знание многими следователями тех задач, которые они должны решать в ходе выполнения данного следственного действия.

Также необходимо отметить, что осмотр места происшествия и по сей день привлекает к себе внимание различных ученых-криминалистов, которые исследуют различные его аспекты: понятие данного следственного действия, организация его производства, тактические вопросы. Не остается без внимания и вопрос о том, какие задачи в ходе осмотра места происшествия должны решаться на сегодняшний день. И таким образом мы можем увидеть многообразие взглядов на количество задач, их структуру, содержание.

Так, профессор А.Г. Филиппов определял, что главная задача осмотра места происшествия – установить, что же произошло на данном месте. При этом он определил и частные задачи осмотра: установить место, время и иные обстоятельства исследуемого события; выявить, изучить, идентифицировать следы, оставленные преступником, иные следы, а также вещественные доказательства; выявить изменения в расположении и свойствах отдельных объектов до исследуемого события и после него; выявить и зафиксировать негативные обстоятельства [1, с. 164].

Профессор С.Н. Чурилов утверждает, что основная задача осмотра места происшествия заключается в собирании доказательств в целях получения ответов на вопросы о характере происшедшего события; месте, времени, способе и обстановке совершенного преступления; путях и способах прибытия преступника на место и убытия с него; следах преступления и преступника; обстоятельствах, сопутствующих преступлению; возможных дополнительных источниках доказательств; следах, которые могли остаться на теле, одежде, обуви и вещах преступника; доказательствах, которые можно использовать для раскрытия преступления по горячим следам [4, с. 234].

Профессор И.В. Александров писал, что общей задачей осмотра места происшествия является получение процессуально закрепленной информации (фактических данных) об обстоятельствах происшедшего события, объектах и лицах, имеющих к нему отношение, их связи и взаимодействии. В процессе осмотра могут решаться частные задачи: поиск возможных свидетелей и очевидцев; обнаружение следов, которые могли остаться на участвовавших в происшедшем собы-

тии лицах и использованных ими орудиях и транспортных средствах [3, с. 313].

В учебнике криминалистики под общей редакцией профессора Р.С. Белкина определено, что **общая задача осмотра места происшествия** – это выявление всех видов взаимосвязи между местом происшествия и расследуемым преступлением, с тем чтобы по ним в совокупности с другими данными по делу установить механизм происшествия во всех деталях, т.е. ответить на вопрос, что произошло на этом месте.

При этом общая задача разбивается на ряд частных, к числу которых относятся:

- 1) непосредственное изучение обстановки для выяснения характера и обстоятельств расследуемого события;
- 2) обнаружение, фиксация, изъятие, предварительное исследование, а также оценка следов преступления, вещественных доказательств;
- 3) получение данных для организации розыска преступника;
- 4) получение исходной информации для выдвижения и проверки версий;
- 5) выявление причин и условий, способствовавших совершению конкретного преступления [2, с. 554-555].

Таким образом, суммируя различные суждения о задачах осмотра места происшествия, можно сделать следующие выводы: а) структурно задачи осмотра делятся на общую (общие) и частные; б) с помощью решения данных задач следователь должен достичь главной цели – получения максимальной информации о том, какое событие имело место быть; о лицах, связанных с этим событием; иных обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Рассматривая сформулированные выше задачи осмотра места происшествия, отмечаем, что в основном следователи помнят только об одной задаче – обнаружении, фиксации, изъятии, предварительном исследовании, а также оценке следов преступления, вещественных доказательств, причем понимают ее и воплощают в жизнь в усеченном составе. Главное в их понимании – как можно больше обнаружить и изъять вещественных доказательств. Исследование, а также оценка следов преступления, вещественных доказательств остается на потом, после назначения и получения результатов экспертиз. Именно исследование и оценка на месте осмотра уже позволяют получить первичную информацию, например, о подозреваемом, и приступить к решению задачи об организации розыска преступника.

Нечто подобное можно сказать и о такой задаче, как непосредственное изучение обстановки

для выяснения характера и обстоятельств расследуемого события. В большинстве случаев следователи понимают ее как отражение в протоколе местонахождения осмотра, забывая при этом, что грамотное изучение обстановки позволяет получить информацию о способах, механизме совершения преступления, действиях преступника в целом на месте происшествия. В тех случаях, когда с места происшествия в силу объективных причин ничего материального не обнаруживается и не изымается, то обстановка места происшествия нередко служит основным источником первичной информации о событии.

Решая эти две важнейшие задачи осмотра, следователь на основе полученной информации должен выдвигать версии и осуществлять их проверку, правильно организовывая работу следственно-оперативной группы как старший данной группы. Это особенно актуально при ситуации, когда преступление совершено в условиях неочевидности и стоит цель раскрыть его по горячим следам. К сожалению, нередко вопрос о выдвигании версий и их проверке решается следователем после проведенного осмотра места происшествия, как говорится, на основе анализа собранных материалов.

Нельзя забывать и о такой задаче осмотра, как выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления. Следователь обязан реа-

гировать на выявленные причины совершенного преступления – это и требование закона, и существующая практика. Составление представления требует изложения конкретных фактов, и одним из источников таких фактов как раз является грамотный, качественный осмотр места происшествия. Как показывает практика, к вопросу о представлении следователи обращаются уже к концу следствия, и поэтому забывают о таком источнике информации, как осмотр места происшествия.

В заключение необходимо отметить, что, находясь на месте происшествия, следователь должен решать задачи его осмотра комплексно и во взаимосвязи. Только тогда можно будет говорить о выполнении главной задачи – получении максимальной информации о имевшем место событии.

Литература

1. Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М.: Изд-во «Юрайт», 2011.
2. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. засл. деятеля науки РФ, проф. Р.С. Белкина. М.: Изд-во «Норма», 2002.
3. Криминалистика: тактика и методика: учебник. М.: Изд-во «Юрайт», 2016.
4. Криминалистическая тактика: учебник / под общ. ред. зам. председателя СК России А.С. Сорочкина. М.: Юрлитинформ, 2014.

С.А. Степанов

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации;

И.Д. Хомяков, канд. юрид. наук

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Расследование насильственных преступлений, совершенных военнослужащими войск национальной гвардии

Анализ состояния преступности в войсках национальной гвардии Российской Федерации показывает, что в 2017 г. меры, предпринятые органами военного управления, способствовали снижению роста совершения преступлений. Так,

по данным Главной военной прокуратуры, количество зарегистрированных преступлений сократилось на треть. Однако отмечается увеличение уровня тяжких и особо тяжких преступлений, особенно совершенных группой лиц и в состоянии опьянения, в т.ч. и насильственных преступлений.

Продолжается рост преступлений и увеличение насильственной преступности в стране. Кроме того, «приобретая значительную распространенность, насильственные преступления становятся все более жестокими и изощренными. Также увеличилась доля посягательств, совершаемых с применением огнестрельного оружия. Постоянно возрастает число жертв преступного насилия в стране. Фиксируется перемещение насильственных преступлений из сферы быта и досуга в сферу повседневной жизнедеятельности подразделений воинских частей Министерства обороны РФ и

других воинских формирований, в которых законом предусмотрена военная служба» [5].

Несомненно, в условиях обострения криминальной обстановки в России особую тревогу вызывает высокий уровень преступности в войсках национальной гвардии. Социальные последствия такого явления весьма негативно влияют на боеспособность войск, происходит резкое падение престижа военной службы во вновь созданном федеральном органе исполнительной власти. Анализ статистических данных показывает, что динамика насильственных преступлений в войсках национальной гвардии имеет негативную направленность, является отрицательной и их качественная характеристика.

В настоящее время все большую общественную опасность представляют насильственные преступления, совершенные военнослужащими войск национальной гвардии.

По данным, размещенным на сайте Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации, в 2016 г. военными судами различных гарнизонов за совершение насильственных преступлений осужден 361 военнослужащий [1].

Среди насильственных преступлений наиболее устойчивую и значительную часть составляют такие преступления, как превышение должностных полномочий, если оно совершено с применением насилия, нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности – около 25%, увеличение причинения тяжкого вреда здоровью – свыше 40%, изнасилования – около 4%, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью – около 18%, умышленные причинения средней тяжести вреда здоровью – свыше 28% [2]. Проведенный анализ статистических данных и обзоров за последние три года позволяет говорить о том, что с каждым годом происходит хотя и незначительное, но все-таки снижение данного вида зарегистрированных преступлений. Однако, на наш взгляд, снижение зарегистрированных преступлений происходит не за счет снижения количества совершаемых преступлений, а за счет различного рода противодействия со стороны должностных лиц, в чьем подчинении находятся военнослужащие, совершившие преступления, связанные с попыткой их сокрытия. Чаще всего это обусловлено тем, что «в силу сложившейся традиции» командиры воинских частей несут персональную ответственность за все правонарушения, совершенные их подчиненными, вплоть до увольнения.

Указанные выше обстоятельства незначительно, но все же влияют на рост латентности преступлений, совершаемых военнослужащими, большой процент из которых составляют насильственные преступления, не связанные с причинением смерти потерпевшему.

Прежде всего, на 10-15% возросло количество насильственных преступлений, осуществленных с применением холодного и огнестрельного оружия (как правило, травматического). Это главным образом вызвано тем, что для военнослужащих незначительно упрощена процедура получения разрешения на право приобретения гладкоствольного, нарезного и травматического оружия.

Следует отметить, что расследование преступлений в отношении военнослужащих, совершивших насильственные преступления, не связанные с причинением смерти потерпевшему, имеет свою специфику, заключающуюся в особенностях элементов криминалистической характеристики, следственных ситуаций на различных этапах расследования, принятии наиболее целесообразного тактического решения, в тактике производства отдельных следственных действий.

Литература

1. Лебедев Н.Ю. Значение криминалистической теории преодоления конфликтов уголовного судопроизводства для методики расследования преступлений // Закон и право. 2016. № 5. С. 85-90.
2. Лебедев Н.Ю., Хомяков И.Д. Особенности расследования преступлений, совершенных военнослужащими внутренних войск МВД России // Закон и право. 2015. № 7. С. 124-128.
3. Снигирев А.Л. К вопросу о криминалистической методике расследования преступлений против общественной безопасности (на примере хулиганства) // Экономика, социология и право. 2016. № 3. С. 75-77.
4. Степанов С.А. К вопросу о понятии «следственного действия» // Современные тенденции в образовании и науке: сб. науч. тр. по мат-лам междунар. научно-практ. конф-ции: в 14 ч. (Тамбов, 28 ноября 2014 г.). Тамбов, 2014. С. 132-135.
5. Стукалин В.Б. Отдельные аспекты осмотра места происшествия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы одиннадцатой междунар. научно-практ. конф-ции / под ред. А.А. Андреева: в 2 ч. Барнаул, 2013. Ч. 1. С. 30-32.

В.Б. Стукалин, канд. юрид. наук, доцент
Новосибирский военный институт имени генерала
армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации

И.В. Стукалин

Волгоградская академия МВД России

Ещё раз к содержанию постановления о назначении экспертизы

Характерным следственным действием, к рассмотрению вопросов производства которого обращались и обращаются и учёные-криминалисты, и учёные-процессуалисты, является экспертиза. Различные аспекты формулировки вопросов, определяемых на разрешение эксперта, определение содержания постановления о назначении экспертизы являются традиционными практически для всех учебников криминалистики [1-7 и др.]. В то же время говорить о полноте и всесторонности рассмотрения всех проблемных вопросов преждевременно.

Несмотря на то, что общие требования, предъявляемые к постановлению о назначении экспертизы, изложены в соответствующей статье Уголовно-процессуального кодекса, практически во всех криминалистических и процессуальных источниках, посвящённых судебной экспертизе, рассматривается его содержание. Следует отметить, что в некоторых учебниках криминалистики содержание постановления о назначении экспертизы совсем не рассматривается [8, 9, 10].

На практике принята типовая структура постановления, состоящая из трех частей: вводной, мотивировочной, постановляющей, которая до 2007 г. предусматривалась гл. 57 УПК РФ.

Если первая часть, содержащая сведения о виде назначаемой экспертизы, месте и дате вынесения постановления, данных лица, назначившего экспертизу, номере уголовного дела, по какой статье уголовного кодекса оно возбуждено, а также данных об обвиняемом, если он имеется, не вызывает вопросов, то вторая часть таковой уже не является.

В большинстве случаев содержание мотивировочной части авторы сводят к следующему: «В описательной части кратко излагаются существо дела; конкретные обстоятельства, вызвавшие необходимость назначения экспертизы; делается ссылка на нормы закона, на основании которых она назначается» [3, с. 15]. Либо: «В описательной части излагаются обстоятельства, обусловившие необходимость проведения экспертизы и ставшие основанием для принятия решения о её назначении» [6, с. 456]. Как видит-

ся, это весьма неполное отражение того, что должна содержать мотивировочная часть. В ней, как видится, должны найти отражение следующие позиции:

- коротко излагаться обстоятельства дела с акцентированием внимания на тех моментах, которые имеют отношение к предмету конкретной экспертизы;
- указываться, какие вещественные доказательства обнаружены (место, время, условия обнаружения и способ их упаковки);
- могут быть указаны данные об особенностях объектов, направляемых на исследование и представляющих интерес для эксперта, например, условиях хранения, которые могли вызвать изменения в объекте;
- обязательно указываться, где, когда и как получены образцы для сравнительного исследования и как они упакованы;
- в конце – основания назначения экспертизы и статьи УПК, которыми руководствовались при назначении данной, конкретной экспертизы. Если назначение экспертизы является обязательным, то ссылка делается на ст. 196 УПК РФ, если назначается повторная или дополнительная экспертиза, – то на ст. 207 УПК РФ и т.д.

В постановляющей части должны указываться:

- вид назначаемой экспертизы;
- экспертное учреждение, куда направляется вынесенное постановление или конкретный эксперт, который будет осуществлять экспертное исследование;
- вопросы, которые выносятся на экспертизу, и материалы, которые предоставляются в распоряжение эксперта для её проведения;
- в случае проведения экспертизы в экспертном учреждении постановляющая часть заканчивается на этом подписью следователя. Если же проведение экспертизы поручается эксперту вне экспертного учреждения, то постановляющая часть должна содержать разъяснение эксперту его прав и обязанностей, предусмотренных ст. 57 УПК РФ, а также положения ст. 307 УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения, о чём эксперт должен расписаться, и только после этого следователь подписывает постановление.

Анализируя содержание постановляющей части, следует отметить, что перечень материалов, которые указываются в ней и, соответственно, направляются эксперту, должен совпадать с тем, который указывался в мотивировочной части. Не должны появляться материалы из ниоткуда. Если в мотивировочной части не указаны способы упа-

ковки объектов, представляемых на экспертизу, то это делается в постановляющей части.

Литература

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. М.: Изд-во «Норма», 2000. 990 с.
2. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. М.: Изд-во «Норма», 2007.
3. Бакин Е.А., Алешина И.Ф. Судебные экспертизы на стадии досудебного уголовного судопроизводства: метод. пособие. М., 2003. Ч. 1.
4. Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В. Криминалистика: учебник. М.: Инфра-М, 2005. 503 с.
5. Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949.

дарственное издательство юридической литературы, 1949.

6. Драпкин Л.Я. Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред. Л.Я. Драпкина. М.: Изд-во «Юрайт», 2013.
7. Дулов А.В. Вопросы теории судебной экспертизы. Минск: Издательство Белгосуниверситета им. Ленина, 1959.
8. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М.: Контракт, Инфра-М, 2010. 784 с.
9. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005.
10. Криминалистика / под ред. В.Д. Зеленского, Г.М. Меретукова. СПб., 2015. 704 с.

С.Е. Тимошенко, канд. юрид. наук, доцент

Омская юридическая академия;

И.С. Смирнова, канд. юрид. наук

Омская юридическая академия

Значение судебной лингвистической экспертизы при производстве по уголовным делам

В достижении назначения уголовного судопроизводства, определенного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), существенную роль играют специальные знания, в т.ч. в области речеведения. Следует отметить, что большинство ученых, посвятивших свои труды отдельным направлениям производства судебно-лингвистических экспертиз, подвергали обстоятельному исследованию вопросы о теоретических и практических основах производства данного вида экспертизы [2, 8-10], возможностях использования лингвистических знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности [4, 11, 12], клеветы и оскорбления [3, с. 86-94; 6], неуважения к суду и (или) участникам судебного разбирательства [1, 7].

Признавая выводы проведенных научных изысканий, отметим, что представляет интерес необходимость и возможность назначения и про-

изводства судебно-лингвистической экспертизы при расследовании и других видов преступлений.

Комплексный анализ судебных решений [5, 15] позволил сделать вывод о том, что наиболее часто лингвистические экспертизы назначаются при расследовании преступлений, связанных с экстремистской деятельностью (ст. 280, 280.1, 282-282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации) (далее – УК РФ), унижением чести и достоинства военнослужащих и (или) их оскорблением (ст. 335, 336 УК РФ) и представителей власти (ст. 319 УК РФ), клеветой (ст. 128.1 УК РФ), неуважением к суду (ст. 297 УК РФ), когда возникает необходимость решения вопросов: относятся ли те или иные слова и словосочетания к числу оскорбительных и обличенных в неприличную форму либо, соответственно, имеют ли они экстремистскую окраску.

При этом уголовный закон не связывает наличие состава преступления со способом оскорбления [8, с. 16]. Однако доказать событие преступления и состав преступления в действиях конкретного лица, т.е. например, оскорбления, и дать его уголовно-правовую квалификацию без привлечения эксперта-лингвиста затруднительно, а учитывая богатство и разнообразие русского языка – зачастую просто неосуществимо. Таким образом, без научно обоснованного заключения судебной лингвистической экспертизы дела о названных выше преступлениях лишены судебной перспективы.

Вместе с тем лингвистический анализ семантической и формальной стороны речевого акта может выступить основным средством выявления языковых единиц и словесных конструкций, использование которых подпадает под признаки таких преступлений, как доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, организация деятельности, направленной на это (ст. 110-110.2 УК РФ), развратные действия (ст. 135 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) и т.д. Соответственно, заключение эксперта по результатам судебной лингвистической экспертизы устного или письменного произведения речи (речевого акта), представленного на любом материальном носителе, может стать источником доказательственной информации (доказательством), необходимой для объективного рассмотрения и разрешения уголовных дел разных категорий, где формально-содержательная сторона текста документа, сообщения или высказывания будет значимой для установления объективной и субъективной стороны преступления, выявления количества лиц, принимавших участие в разговоре, направленности умысла на совершение конкретного деяния, предусмотренного УК РФ.

Так, при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ (ст. 228-230 УК РФ), судебно-лингвистическая экспертиза целесообразна для анализа речевых актов телефонных и иных переговоров, текстов почтово-телеграфных отправлений, электронных сообщений и определения их смыслового содержания, отражающего достижение договоренности о приобретении, хранении, перевозке, пересылке, изготовлении, переработке, реализации (сбыте), приготовлении к употреблению, употреблении наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также их прекурсоров. К примеру, согласно заключению судебно-лингвистической экспертизы № 056 Э-03/2015 от 22 марта 2015 г. [11], анализ речевых событий телефонных переговоров Р.В. Мехедова, С.А. Арсенова, А.А. Халаева с неизвестными лицами показывает, что смысловое содержание исследованных разговоров отражает обсуждение ими наркотических веществ и достижение договоренности о приобретении, приготовлении к употреблению, употреблении и реализации (сбыте) наркотических веществ, обозначенными в их речи жаргонизмами («куб», «кубик»), условными языковыми единицами, называемыми

наркотические средства, их количество («половина», «две штуки»), процесс приобретения наркотических средств («мутить», «намутить»). Речевые акты телефонных переговоров Р.В. Мехедова с лицом по имени Николай и лицом по прозвищу Гордей реализуют просьбы этих лиц о приобретении при посредстве Р.В. Мехедова наркотических веществ [13].

Таким образом, использование специальных познаний в языкознании и судебном речеведении через назначение и производство судебной лингвистической экспертизы необходимо и целесообразно по более широкому спектру уголовных дел, чем принято считать, и может эффективно применяться при расследовании преступлений различных видов.

Литература

1. Александров А.Н. Оскорбление судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, либо участника судебного разбирательства: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 208 с.
2. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику: монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. прав. акад., 2003. 420 с.
3. Араева Л.А., Осадчий М.А. Проблемы судебно-лингвистической экспертизы в рамках дел о защите чести и достоинства, о клевете и оскорблении // Российский юридический журнал. 2006. № 2. С. 86-94.
4. Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // Уголовный процесс. 2006. № 4. С. 45-56.
5. Архив решений Арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/documents>.
6. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
7. Бриллиантов А. Неуважение к суду: сложные вопросы квалификации // Уголовное право. 2011. № 4. С. 15-20.
8. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
9. Денисова А.В. Дискурсивный аспект исследования лингвистической экспертизы: на материале «языка вражды»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 23 с.
10. Желтухина М.Р. Комплексная судебная экспертиза: психолого-лингвистический аспект // Интернет-конференции «Юрислингвисти-

ка: судебная лингвистическая экспертиза, лингво-конфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика». Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. 2012. URL: http://conference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/zheltukhina_m_r_kompleksnaja_sudebnaja_ekspertiza_psikhologo_lingvisticheskij_aspekt/2-1-0-66.

11. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Сераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ЭКОМ Паблишерз, 2011. 326 с.

12. Подкатилина М.Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: теоретические и методические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 26 с.

13. Приговор Советского районного суда г. Брянска по делу № 1-15/2016 // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com>.

14. Приговор Советского районного суда г. Брянска. Заключение судебно-лингвистической экспертизы № 056Э-03/2015 от 22.03.2016 по делу № 1-15/2016 // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com>.

15. URL: <https://rospravosudie.com>.

И.С. Фоминых, канд. юрид. наук, доцент

Юридический институт

Национального исследовательского

Томского государственного университета

Проблемы формализации данных о способе расчленения тела человека

Рассматриваемая в статье проблема формализации данных о способе расчленения тела человека возникла в ходе работы над решением комплекса проблем более общего характера – формализации данных о способе совершения преступления в рамках создания базы криминалистических данных, основанной на криминалистической характеристике преступления.

В настоящее время принято разделять отмеченные расчленения на случайные и преступные (криминальные).

К случайным относят расчленения, возникающие в результате транспортной травмы (автомобильной, железнодорожной, водной); при взрывах, обвалах; падении с высоты; растерзании хищными животными и других обстоятельствах.

Преступные расчленения подразделяют на дефензивные и оффензивные [2, с. 184]. Дефензивные расчленения, иногда называемые «защитительными», осуществляются преступниками в целях затруднения идентификации личности и (или) облегчения транспортировки и последующего сокрытия частей трупа. Расчленения данной группы выполняются в различном объеме:

- декапитация (обезглавливание);
- удаление частей тела с папиллярными узорами или областей тела с особыми приметами (родимыми пятнами, рубцами, татуировками, бородавками и пр.) [3, с. 98]; удаление глазных яблок, ушных раковин, носа и других частей лица, а также скальпирование волосистой части головы [5, с. 292];
- измельчение тела на большое количество бесструктурных фрагментов.

Оффензивные (или «наступательные») расчленения характерны для убийств, совершённых:

- на сексуальной почве;
- психически больными лицами;
- в процессе ритуальных убийств.

В первом случае расчленение выражается в отделении наружных и внутренних половых органов, молочных желез; во втором – отличается хаотичностью и явной бессмысленностью; в третьем – прижизненным отрезанием частей тела, извлечением органов и тканей жертвы как части совершаемого ритуала [1, с. 93; 4, с. 26-27].

Проведённый анализ криминалистической и медицинской литературы по данной тематике вызвал определённые вопросы к существующей классификации расчленений тела человека с точки зрения формализации данных о них. Так, автору представляется достаточно условным деление расчленений на случайные и преступные (криминальные). Падение с высоты, вызвавшее по существующей классификации «случайное» расчленение, тоже может быть результатом преступных действий. Поскольку проводимая в рамках науч-

ного исследования формализация данных является необходимым условием создания базы криминалистических данных, основанной на принципах криминалистической характеристики, то и подходы к классификационным критериям должны исключать подобного рода условности. Из этих соображений основным критерием разделения, на взгляд автора, является контролируемость линии расчленения, характерная для его осуществления с использованием ручного инструмента и почти полностью исключаемая в случаях расчленения при травмировании транспортными средствами, падении с высоты и тому подобных ситуациях. Именно контролируемость линии отчленения той или иной части (области) тела определяет способ отделения и имеет существенное криминалистическое значение при задействовании криминалистической характеристики преступления в целях установления некоторых черт личности преступника (обладание знаниями в области медицины и анатомии человека, профессиональные навыки) [2, с. 184; 4, с. 27; 5, с. 295]. Формализация данных об отчленённых частях (областях) тела требует максимальной конкретизации сведений о них, что обуславливается необходимостью обеспечения гибкости запросов пользователя при выборке сходных случаев из базы данных в процессе её практического использования.

Существующая дополнительная классификация на формы расчленения (простая форма, изувечение и их комбинация [2, с. 99]) отдельной формализации не требует, поскольку выводы об этих формах делаются на основе первичных данных об отчленённых частях (областях) тела.

Последовательность отчленения, используемый при этом инструмент и другие сопутствующие обстоятельства, которые будут указаны ниже, с точки зрения их формализации особых проблем не вызывают.

Первоначальное накопление массива криминалистически значимых данных в создаваемой базе осуществляется за счёт использования материалов архивных уголовных дел, приговор по которым уже вступил в законную силу. Благодаря этому в рамках исследования для формализации доступны данные результатов проведённых следственных действий (протоколы следственных осмотров, допросов, экспертные заключения), содержащие все необходимые сведения.

Таким образом, в рамках создания базы криминалистических данных формализации подлежат, при их наличии, следующие обособленные сведения о частях расчленённого трупа:

1) наименование отчленённой части (области) тела;

2) использованный для отчленения инструмент;

3) характер разрезов (единичные или множественные);

4) последовательность отчленения;

5) давность отчленения;

6) прижизненность отчленения;

7) место обнаружения части (области) тела;

8) время обнаружения;

9) процессуальное действие – источник данных.

Вопрос о формализации взаимосвязей расчленения как обязательного элемента способа совершения преступления с другими элементами криминалистической характеристики выходит за рамки данной статьи.

Литература

1. Коновалова В.О. Убийство: искусство расследования: монография. Харьков: Факт, 2001. 311 с.

2. Осмотр трупа на месте его обнаружения: руководство 0–74 для врачей / под ред. А.А. Матышева. Л.: Медицина, 1989. 264 с.: ил.

3. Судебно-медицинское исследование трупа / под ред. А.П. Громова, А.В. Капустина. М.: Медицина, 1991. 320 с.: ил.

4. Холопов А.В. Методика расследования ритуальных убийств: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. Ч. I. 52 с.

5. Ципковский В.П. Осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения. М.: Изд-во МВД СССР, 1957. 146 с.: ил.

Н.А. Хакимов

Юридический институт Сибирского федерального университета

Применение видеозаписи и видеонаблюдения для фиксации невербальных признаков поведения допрашиваемого

Уголовно-процессуальный закон допускает проведение видеозаписи при производстве допроса по инициативе следователя или ходатайству допрашиваемого лица (п. 4 ст. 189 УПК РФ). Факт применения видеосъемки при производстве допроса отражается в протоколе следственного действия соответствующей записью (ч. 3 и 4 ст. 190 УПК РФ). Полученные в процессе видеозаписи допроса кассеты (диски) прикладываются к протоколу (п. 8 ст. 166 УПК РФ), а содержащаяся в кассетах видеозаписи информация, при правильном ее процессуальном оформлении, рассматривается в качестве доказательств. К категории доказательств будет относиться та часть видеозаписи, в которой содержится информация, закреплённая посредством устного языка. Со стороны допрашивающего лица это, прежде всего, разъяснение прав, ответственности и порядка производства допроса, поставленные перед допрашиваемым лицом вопросы. Со стороны допрашиваемого лица это свободный рассказ и ответы на поставленные вопросы.

Кроме информации, закреплённой посредством устного языка, видеозапись содержит информацию невербального характера, которая заключена в физиогномике, оформлении внешнего облика, поведении, выражении лица, позе, жестах, движении рук и т.д. Зафиксированные посредством видеозаписи невербальные признаки допрашиваемого лица дают возможность сделать выводы о выполнении следователем норм уголовно-процессуального закона (ст. 9 и п. 4 ст. 164 УПК РФ), запрещающих неправомерные средства воздействия на допрашиваемые лица. К числу таких невербальных средств могут быть отнесены угрожающие или унижающие человеческое достоинство жесты и телодвижения, мимика и повышенный тон разговора и т.д. Если такая информация содержится в видеозаписи допроса, то она будет являться доказательством совершения допрашивающим лицом правонарушения, которое приведет к определенным правовым последствиям, в т.ч. и признанию полученных показаний недопустимыми доказательствами (ст. 75 УПК РФ). И наоборот, информация, содержащаяся в видеозаписи допроса и свидетельствующая о право-

мерности поведения следователя, будет являться доказательством соблюдения допрашивающим лицом правовых установок производства следственного действия и, соответственно, оценки полученных показаний. Представляется, что такая ситуация возникает, когда допрашиваемое лицо заявляет о применении к нему в процессе допроса неправомерных средств.

Что касается информации, фиксирующей невербальное поведение допрашиваемого лица, то она может быть использована не только для решения процессуальных, но и криминалистических задач.

К основным криминалистическим задачам, решаемым на основе этой информации, относятся следующие: изучение отдельных свойств и личности допрашиваемого лица; диагностика психических состояний допрашиваемого лица в процессе допроса.

Указанные задачи могут решаться при условии, если полученные видеозаписи имеют достаточно хорошее и режиссерско-операторское качество, тогда они адекватно передают признаки экспрессивного поведения допрашиваемого лица и могут оперативно использоваться в процессе допроса.

К сожалению, в практике допроса по этим направлениям возникают определенные трудности. Во-первых, видеозаписи проводятся в рабочих кабинетах следователя, которые совершенно не приспособлены для создания необходимых условий видеосъемки. Во-вторых, специалисты, которые проводят видеозапись, не имеют достаточной профессиональной подготовки в данной области. В-третьих, для производства видеозаписи используется видеоаппаратура, которая не имеет достаточной разрешающей способности для формирования крупного переднего плана.

Перечисленные недостатки могут быть преодолены за счет оборудования в следственных отделах и управлениях специализированных кабинетов для проведения допроса, где должны быть размещены профессиональная видеозаписывающая аппаратура, созданы освещение, нормальная акустическая среда, что позволило бы решить технические проблемы на пути получения качественных видеозаписей допроса, очных ставок. Кроме того, обеспечение дистанционного управления оборудованием из соседнего помещения позволит создать более благоприятную обстановку допроса, предполагающую уменьшение числа его участников.

Что касается второй проблемы, которая связана с потребностью оперативного использования данных видеозаписи непосредственно в процессе

допроса, то и она может быть решена также на базе специализированных кабинетов. Указанные кабинеты следует оборудовать видеозаписывающей аппаратурой для передачи видеозаписи допроса в другое помещение, в котором может находиться специалист-психолог. Распознавание и диагностика отдельных свойств личности допрашиваемого, его психического состояния и реакции требует, прежде всего, специальных познаний. Решение этой задачи возможно на основе привлечения к допросу специалиста-психолога. Получая видеоизображения допроса и допрашивающего лица, специалист имеет возможность дать рекомендации допрашивающему лицу о целесообразности экспрессионного стиля ведения допроса и главное – поделиться своими соображениями об особенностях личности допрашиваемого и возможных причинах его психологических состояний и реакций на этапах допроса. В процессе допроса могут быть предусмотрены специальные перерывы для передачи рекомендаций специалистом.

Помощь специалиста особенно важна для фиксации и диагностики так называемых «микровыражений» допрашиваемого лица, продолжительность которых составляет менее половины

секунды. Отличительной особенностью микровыражений является то, что они дают полную картину скрываемых эмоций [1, с. 114-115].

Очевидно, что заметить такие микровыражения допрашивающему лицу с учетом стоящей перед ним совокупности задач психического и умственного направления непросто. Это может сделать специалист, он же поможет сделать их расшифровку.

Подводя итог, мы можем предложить, наряду с процессуальным средством фиксации процесса допроса, параллельно использовать видеонаблюдение, результаты которого будут иметь только оперативный, криминалистический характер и не являться доказательствами. Для повышения технического качества полученных видеозаписей допроса оборудовать в следственных отделах, управлениях специализированные кабинеты допроса, оснащенные стационарным оборудованием, дистанционно управляемым из другого помещения.

Литература

1. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2011.

Ю.Е. Чайковская

*Юридический институт
Национального исследовательского
Томского государственного университета*

Тактические приемы преодоления противодействия несовершеннолетнего потерпевшего при допросе по делам о вовлечении его в совершение преступления

Как правило, причины существования тактических ошибок при производстве следственных действий заключаются в недостаточно высоком профессиональном уровне следователя. Однако даже опытные, высококвалифицированные специалисты зачастую сталкиваются с трудностями, когда одним из участников следственных действий является несовершеннолетний, независимо от его процессуального статуса. По результатам опроса сотрудников следственного аппарата можно говорить, что к наиболее сложным след-

ственным действиям относится допрос несовершеннолетнего. В первую очередь это обусловлено несформированностью личности ребенка: он претерпевает постоянные возрастные изменения, в связи с чем проведение анализа личности такого допрашиваемого представляется весьма затруднительным. Изучение особенностей психики несовершеннолетнего, его образа жизни, круга общения, сферы интересов – всё это является неотъемлемой частью подготовки следователя к производству допроса.

Процедура допроса данной категории лиц усложняется тем обстоятельством, что уголовно-процессуальным законодательством установлены определенные ограничения в производстве допроса несовершеннолетнего, в которых учтены отмеченные выше особенности личности. Уяснение и комплексный учет данных факторов, действующих при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего, способствуют решению тактических задач и служат залогом успешного достижения целей допроса.

Уголовно-процессуальной целью допроса является собирание информации по обстоятельствам, имеющим значение для уголовного дела. К общим криминалистическим целям допроса относится анализ причинно-следственных связей между элементами криминалистической характеристики конкретного вида преступления [4, с. 582].

Наконец, наиболее сложным является допрос несовершеннолетнего, в отношении которого было осуществлено вовлечение в совершение преступления. Редки случаи, когда процесс отменного вовлечения пресекается, и несовершеннолетний не совершает преступления, для совершения которого его вовлекают. Чаще всего в ходе расследования совершенного им преступления становится известно о существовании взрослого, вовлекшего несовершеннолетнего в совершение преступного деяния, после чего возбуждается уголовное дело о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления.

Результаты исследований материалов судебной практики показали, что по делам о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) несовершеннолетнее лицо, в отношении которого было осуществлено вовлечение, проходит в качестве свидетеля, что представляется спорным, особенно если речь идет о вовлечении его в совершение преступления путем угроз. По нашему мнению, это обусловлено в первую очередь тем, что расследование по данной категории дел осуществляется в совокупности с расследованием преступления, в которое было вовлечено несовершеннолетнее лицо. Расследуя совершенное несовершеннолетним преступление, следователь упускает из вида психологический аспект, игнорируя тот факт, что данному лицу объективно был причинен моральный вред, нарушен процесс нормального развития ребенка. В соответствии с УПК РФ лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, признается потерпевшим. Вероятно, для уголовно-процессуальных целей допроса не имеет значения процессуальный статус несовершеннолетнего, вовлекаемого в совершение преступления, как источника информации по уголовному делу. Об этом свидетельствует, помимо прочего, существование единого бланка допроса несовершеннолетнего в качестве свидетеля (потерпевшего). Однако для криминалистических целей допроса особую ценность приобретает установление причинно-следственных связей между криминалистической характеристикой личности взрослого преступника и криминалистической характеристикой личности потерпевшего, в отношении которого осуществлялось це-

ленаправленное психологическое воздействие. Исходя из вышесказанного, для данной категории дел целесообразным будет рассматривать несовершеннолетнего, вовлекаемого в совершение преступления, в качестве потерпевшего. Именно обращение следователем внимания такого ребенка на то, что взрослый преступник пренебрег его интересами, позволяет, во-первых, установить психологический контакт с несовершеннолетним и его законными представителями, во-вторых, использовать тактические приемы, в основе которых лежит демонстрация следователем уважения личности допрашиваемого.

Говоря об особенностях противодействия потерпевшего при производстве допроса, следует согласиться с позицией, согласно которой противодействие расследованию преступления «...представляет собой систему процессуальных и непроцессуальных действий (бездействия) субъекта (субъектов) противодействия расследованию преступления, основанную на используемых способах, формах и средствах, создающих препятствия следователю к установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе досудебного производства по уголовному делу» [5, с. 64].

Так, к формам (приемам, способам) противодействия авторы относят создаваемое допрашиваемым «ложное алиби», связывая содержание деятельности по его реализации с другими приемами противодействия [1, с. 36].

Причины оказания противодействия несовершеннолетним потерпевшим при допросе будут отличаться от причин оказания противодействия несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым или свидетелем. К возможным причинам дачи ложных показаний или отказа от дачи показаний несовершеннолетним потерпевшим относят страх перед взрослым преступником, чувство стыда перед родителями или сверстниками, чувство ответственности за сохранность и целостность семьи (в случае, когда преступником является близкий родственник). Тем более, такая причина, как вовлечение в совершение преступления со стороны взрослого, может привести к занятию несовершеннолетним потерпевшим позиции противодействия расследованию преступления.

Частными криминалистическими целями допроса в контексте рассматриваемой проблематики выступают изобличение допрашиваемого в попытках утаить, скрыть или исказить информацию, склонение его к даче правдивых и полных показаний по уголовному делу.

Для решения поставленных перед следователем задач и успешного достижения целей допроса

криминалистикой разработан ряд тактических приемов логического и психологического характера. При выборе тактического приема необходимо более точно оценивать следственную ситуацию, позволяющую из совокупности во многом схожих тактических приемов выбрать наиболее эффективный способ воздействия. Каждый недуманный шаг следователя может вызвать прямо противоположную реакцию подростка и создать существенные коммуникативные препятствия на пути установления психологического контакта между следователем и несовершеннолетним допрашиваемым. Учитывая отмеченную схожесть, попытаемся рассмотреть некоторые тактические приемы, которые, на наш взгляд, должны иметь преимущественное применение при допросе несовершеннолетнего по делам о вовлечении его в совершение преступления.

Так, одним из наиболее распространенных приемов эмоционального воздействия является убеждение в неправильности занятой позиции по уголовному делу и необходимости для допрашиваемого ее изменения. Говоря о допросе несовершеннолетнего, следует учитывать его повышенную внушаемость и весьма осторожно подходить к выбору данного тактического приема. Следователь должен объяснить несовершеннолетнему, вовлеченному в совершение преступления, что он является источником ценной информации, имеющей значение, прежде всего, для него самого, стимулировать его положительные качества, мотивировать его к даче правдивых показаний, призывая к честности и оказанию содействия в борьбе с преступностью, убедить в обеспечении безопасности и ограждении от негативных последствий сотрудничества со следствием.

Приемы логического характера могут применяться исключительно исходя из возрастных особенностей потерпевшего и уровня его интеллектуального развития. В определенных случаях они могут оказаться нерациональными, в т.ч. спровоцировать негативные эмоции, защитную реакцию потерпевшего ввиду непонимания происходящего. Это неизбежно приведет к еще большему противодействию со стороны допрашиваемого. Следователю необходимо разъяснять несовершеннолетнему значение имеющейся по уголовному делу информации, стараться анализировать ее совместно с потерпевшим, «подталкивая» его к самостоятельному выводу о необходимости сотрудничества со следствием.

Таким образом, представляется очевидным приоритетность использования в процесс допроса несовершеннолетнего потерпевшего тактических приемов психологического характера, необходи-

мость установления психологического контакта между следователем и допрашиваемым.

В определенной мере процессуальные ограничения времени допроса несовершеннолетнего до перерыва усложняют его ведение. Учитывая склонность малолетних детей к фантазированию и повышенную внушаемость [2, с. 125], недостаток жизненного опыта и слабую развитость логического мышления [3, с. 100], неспособность надолго сохранять в памяти информацию, имеющую ценность по уголовному делу, большинство исследователей считают, что допрос несовершеннолетнего не стоит растягивать во времени. С другой стороны, перерыв дает возможность следователю произвести анализ личности несовершеннолетнего допрашиваемого на основании сведений, полученных из первой части допроса, уяснить занятую им позицию по отношению к следствию, обнаружить негативное воздействие на него законных представителей и других лиц, что, безусловно, является залогом успешного достижения его целей.

Особую сложность допросу потерпевшего по делам о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления придает тот факт, что чаще всего о вовлечении несовершеннолетнего становится известно в ходе расследования совершенного им преступления. В данном случае имеет место дополнительное воздействие взрослого лица на психику ребенка, причем воздействие, оказываемое уже в ходе совершения преступления несовершеннолетним в соучастии со взрослым преступником. Это подчас ведет к занятию несовершеннолетним позиции противодействия. Наряду с тактическими приемами, описанными нами ранее, считаем необходимым при допросе постоянно акцентировать внимание несовершеннолетнего на том, что он оказался жертвой преступного поведения взрослого, вовлекшего его в совершение преступления.

Литература

1. Варданян А.В., Алексиевко О.Н. Использование знаний о способах преступлений против жизни и здоровья в выявлении и разоблачении ложного алиби // Юристъ-Правоведь. 2008. № 6. С. 35-38.
2. Журавлева И.А. Особенности получения показаний малолетних свидетелей и потерпевших // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: мат-лы десятой (юбилейной) Всерос. научно-практ. конф-ции, посв. 75-летию со дня рождения и 50-летию научнопед. деятельности В.К. Гавло. Барнаул: Изд.-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 10. С. 125-129.
3. Журавлева И.А. Тактические приемы, реализуемые на стадии свободного рассказа в про-

цессе допроса несовершеннолетних свидетелей (потерпевших) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы тринадцатой междунар. научно-практ. конф-ции / под ред. А.А. Андреева: в 2 ч. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. Ч. 1. С. 100-101.

4. Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2008. 1128 с.

5. Комаров И.М. О некоторых криминалистических способах практического преодоления следователем противодействия расследованию преступления // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: мат-лы десятой (юбилейной) Всерос. научно-практ. конф-ции, посв. 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-пед. деятельности В.К. Гавло. Барнаул: Изд.-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 10. С. 62-65.

Н.В. Шепель, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

Возможности фототехнической диагностики при раскрытии и расследовании преступлений

Одной из форм использования возможностей научно-технических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений является совершенствование производства криминалистических экспертиз. С появлением новых объектов, несущих криминалистически значимую информацию о фактах, подлежащих установлению по делу, актуальной становится задача по разработке новых методов их криминалистического исследования. В связи с этим появились новые нетрадиционные виды криминалистических экспертиз, как, например, судебная фототехническая экспертиза [2, с. 1].

Фототехническая экспертиза производится в целях получения доказательственной информации путем исследования изображений, представленных на фотоснимках, аналоговых носителях информации, современных цифровых носителях визуальной информации (CD, DVD и съемных дисках памяти).

Судебная фототехническая экспертиза отличается от других видов криминалистической экспертизы, прежде всего, объектами исследования. В соответствии с уголовно-процессуальным законом Российской Федерации к объектам судебного исследования относятся материальный объект, содержащий информацию, необходимую для решения экспертной задачи, а именно вещественные доказательства, документы, предметы, животные, трупы и их части, образцы для сравни-

тельного исследования, а также материалы дела, по которым проводится экспертиза.

Традиционно объектом фототехнического исследования являются файлы (.jpeg, .tif, .raw и др.), фотографические снимки, отпечатки, негативы, диапозитивы (слайды), технические средства, применяемые для изготовления фотографических снимков, и цифровые видеозаписи.

Изучение следственной и экспертной практики, а также ознакомление с криминалистической литературой позволяют систематизировать конкретные задачи, которые возникают в связи с исследованием объектов фототехнического исследования, а именно:

- 1) определение признаков ретуши и монтажа фотоизображений;
- 2) идентификация негатива по отпечаткам;
- 3) идентификация фотоаппарата по изображению (файлу);
- 4) идентификация изображенных на фотоснимке отдельных предметов, строений, участков местности;
- 5) определение размеров изображенных на фотоснимке предметов и расстояний между ними;
- 6) восстановление первоначального (выцветшего) фотографического изображения.

На сегодняшний день эксперты в области фототехнического исследования могут решать большой круг диагностических задач. В этой связи рассмотрим некоторые актуальные направления диагностирования.

1. Определение размеров объектов и расстояний между объектами, изображенными на исследуемых фрагментах видеозаписи, сделанной с камер наружного наблюдения. При этом необходимо учитывать, что камеры видеонаблюдения обычно установлены стационарно и фиксируют вещную обстановку, попадающую в их поле зре-

ния, в различных режимах фиксации, и объектами исследования будут являться изображения на статических видеокадрах.

Следует подчеркнуть, что для ответа на вопросы по определению геометрических параметров объектов необходимо обязательное соблюдение условия – стационарность, т.е. «неподвижность» камеры наружного наблюдения. Если это условие соблюдено, то осуществляется дополнительный осмотр места, запечатленного на исследуемой видеозаписи, в поле зрения видеокамеры размещаются тестовые объекты, которые имеют известные размеры, сопоставимые с величиной объекта, размер которого необходимо определить, и располагаются с ним в одной плоскости.

2. Установление факта монтажа (ретуши), в т.ч. распознавание основных приемов цифровой ретуши (негативной, позитивной) по отображениям на фотоснимке. В связи с развитием компьютерной техники и программного обеспечения в сфере изготовления, монтажа и ретуши художественной фотографии, а также бытовой съёмки участились случаи ретуширования фотоизображений лиц в фотоателье либо в домашних условиях. Данная ретушь в значительной степени приводит к изменению признаков внешности, «исчезают» индивидуализирующие признаки внешности, такие как морщины, родинки, шрамы и др., поэтому для объективного, всестороннего и полного исследования рекомендуется назначать комплексную портретную-фототехническую экспертизу для решения вопроса о наличии либо отсутствии монтажа и ретуши на фотоизображении.

3. Восстановление изображений на фотоснимках, в т.ч. с использованием цифровых методов восстановления контраста и цветности [1, с. 283]. Современный методический подход к проведению указанных исследований предполагает использование возможностей графических редакторов, с помощью которых усиливаются различные параметры изображения, цветовой контраст.

Решить вышеуказанные диагностические задачи по исследованию объектов фототехническо-

го исследования можно, если ответить на следующие типовые вопросы:

- Не изготовлен ли представленный на экспертизу фотоснимок посредством монтажа фотографических изображений, полученных раздельно?
- Имеется ли возможность определить какие-либо размеры объектов, попавших в поле зрения камеры наблюдения, и расстояния между ними?
- Имеется ли возможность экспертным путем рассмотреть какие-либо детали изображения объекта (государственный регистрационный номер, идентифицирующие признаки автомобиля, тормозной путь и т.д.)?
- Возможно ли выявить слабовидимое изображение на фотоснимке?
- Возможно ли усилить фотографическое изображение?

Таким образом, для анализа изображений при производстве фототехнической экспертизы используются наиболее современные и эффективные методы и приемы диагностики, основанные на новейших достижениях науки и техники. Разностороннее исследование объектов фототехнического исследования, восстановление изображений на фотоснимках, применение методов осветления и улучшения изображения препятствуют сокрытию преступником криминалистически значимой информации.

Литература

1. Малюка А.А. Особенности исследования цифровых фотографических изображений как объектов судебной фототехнической экспертизы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 282-288.
2. Фирсов О.А. Криминалистическое исследование цветных фотоматериалов при проведении фототехнической экспертизы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 22 с.

Н.В. Шкурихина, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России

К вопросу о некоторых элементах криминалистической характеристики халатности

Актуальность проблемы борьбы с халатностью обусловлена не только неблагоприятными тенденциями ее динамики и непосредственно ущербом, причиняемым жизни, здоровью, имуществу людей, но и тем, что указанное преступление принадлежит к числу наиболее острых и опасных форм проявления социальной безответственности, недисциплинированности, небрежности, безразличия преступников к обществу и его благам.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении подчеркнул, что «...корни халатности находятся в самих изъянах устройства экономической жизни государства, “подпитываются” некачественным законодательством и распространяются при отсутствии эффективного контроля над деятельностью должностных лиц, органов государственной и муниципальной власти» [1].

На наш взгляд, немаловажная роль в преодолении указанных негативных тенденций отводится уголовному закону. Мы считаем, что уголовно-правовые средства способны содействовать достижению одной из главных целей современной государственной политики – созданию такого аппарата государственной власти, который наилучшим образом обеспечит решение трудностей, порождаемых данной исторической обстановкой.

Структура криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 293 УК РФ, полагаем, должна состоять из следующих пяти основных элементов – следоносителей криминалистически значимой информации. К ним относятся: предмет преступного посягательства, выступающий, как правило, в виде нормальной работы предприятий, учреждений, организаций; обстановка совершения преступления, складывающаяся из данных о времени, месте и обстоятельствах преступного события; способ совершения преступления; механизм следообразования; типичные сведения о личности преступника [4, с. 279-281].

Остановимся на некоторых из них. Обстановка совершения халатности характеризуется по признаку места и времени совершения преступления. Местами совершения преступлений данного вида являются, как правило, помещения предприятий, учреждений, организаций, где работают

должностные лица, уполномоченные принимать какие-либо производственные решения. Место совершения преступления включает в себя структурное подразделение предприятия (организации, учреждения), в котором совершено преступление, вид, цели, задачи данного производственного участка.

Так, например, С.А. Смирнов, назначенный на должность мастера леса в участковом лесничестве территориального отдела Государственной лесной службы, в соответствии с должностной инструкцией выполнял административно-хозяйственные и организационно-распорядительные функции по осуществлению государственного контроля за состоянием, использованием, охраной и защитой лесов на обслуживаемом участке, проведению освидетельствования мест рубок, т.е. являлся должностным лицом, осуществляющим функции представителя власти, имеющим право давать обязательные для исполнения указания и при необходимости применять меры принуждения в соответствии с Лесным кодексом РФ к неопределенному кругу граждан, не подчиненных ему по службе.

Индивидуальным предпринимателем Ивановым был заключен договор аренды участка лесного фонда на территории участков лесничества. В соответствии с данным договором Иванову был выдан лесорубочный билет на заготовку древесины. С.А. Смирнов, ненадлежаще исполняя свои должностные обязанности, на участок вырубki не выехал, фактическое освидетельствование лесосеки не произвел, не проверил полноту и правильность разработки лесосеки, ее фактическое местоположение, соответствие технологии разработки лесосеки технологической карте и правилам рубок леса, состояние границ лесосеки, количество заготовленной древесины, а, находясь в помещении индивидуального предпринимателя, на основании предоставленной Ивановым справки о заготовленной древесине, не проверив достоверность и полноту предоставленных арендатором сведений, изготовил и выдал ему фиктивный акт освидетельствования мест рубок, подсочки (осмолоподсочки) насаждений и заготовки второстепенных лесных материалов, в котором указал ложные сведения о соответствии действий арендатора по заготовке древесины заключенному договору аренды, лесорубочному билету, технологической карте, в т.ч. относительно места рубки и количества заготовленной древесины. В результате ненадлежащего исполнения С.А. Смирновым своих должностных обязанностей лесному фонду Забайкальского края причинен крупный материальный ущерб на общую сумму 4 458 900 рублей [2].

Время совершения преступления – это период, в течение которого не выполнялись определенные действия или выполнялись ненадлежащим образом.

Относиться халатно к своим обязанностям ответственные лица могут в течение длительного времени.

Так, например, Т.А. Кирейцева, будучи специалистом в отделе финансового обеспечения ИФНС России по Республике Башкортостан, начисляла и выплачивала в установленные сроки работникам заработную плату, пособия по временной нетрудоспособности, пособия по уходу за ребенком. Но в нарушение нормативных документов, вопреки установленному порядку целевого и эффективного расходования средств федерального бюджета, начисления и выплаты в установленные сроки работникам заработной платы, отпускных, вместо 1/12 части премии за выполнение особо важных и сложных заданий в расчет включала все премии за предыдущие 12 месяцев в полной сумме. При расчете отпускных Кирейцева, ненадлежащим образом исполняя свои должностные обязанности, неправомерно дополнительно начисляла и включала в сумму отпускных сумму материальной помощи. В результате преступных действий и халатного отношения к своим служебным обязанностям Кирейцевой с 1 января 2009 г. по 30 апреля 2009 г. излишне начислены и выплачены отпускные сотрудникам Межрайонной ИФНС России по Республике Башкортостан на общую сумму 1 931 692, 92 рубля [3].

Обстоятельства совершения преступления – это состояние бухгалтерской отчетности на предприятии, состояние производственной и финансовой дисциплины, наличие контроля за качеством работ и выпускаемой продукции.

Так как халатность относится к преступлениям, совершенным по неосторожности, структура способа совершения не предусматривает этапов подготовки и сокрытия преступления. Способы непосредственного совершения халатности весьма разнообразны:

- 1) преступная ошибка или неверная тактика;
- 2) осознание должностным лицом факта несоответствия занимаемой должности и сокрытие этого факта;
- 3) отсутствие реагирования на осуществление правонарушений подчинёнными;
- 4) нарушения в рассмотрении обращений граждан;
- 5) отказ от выполнения функциональных обязанностей, связанных с ответственным поручением;

б) делегирование своих (или иных) полномочий лицу, которое не способно их выполнить.

При совершении халатности образуются материальные и идеальные следы. Носителями идеальных следов являются работники предприятия, его вышестоящих контролирующих органов, предприятий-контрагентов (прежде всего, получателей и поставщиков готовой продукции, сырья, полуфабрикатов), посторонние граждане (очевидцы преступления или потерпевшие).

Материальные следы преступления содержатся:

- а) в бухгалтерских, технических, иных документах предприятия или вышестоящих и контролирующих органов, поставщиков, получателей, покупателей продукции;
- б) средствах производства и транспорта, готовой продукции, отходах производства и других материальных объектах, функционировавших в связи с исследуемой деятельностью;
- в) вредных последствиях (погибли люди, пал скот, обрушились здания);
- г) нормативной документации.

Таким образом, каждая должность или профессия имеют собственный перечень опасностей для окружающих, наступление которых становится возможным, если должностные обязанности, предписанные инструкциями, положениями, постановлениями или законами, не исполняются или реализуются не на должном уровне. Несмотря на кажущуюся бесполезность некоторых процедур, обязательных для исполнения с определенной периодичностью, их необходимость продиктована либо наличием детерминированной взаимосвязи между пренебрежением и негативными последствиями, либо прецедентами, имевшими место в прошлом.

Нежелание отдельных граждан выполнять предписанные обязанности в силу усталости, лени, пренебрежения или в качестве протеста приводят к определенным последствиям, способным нанести ущерб чужим интересам или жизни, позволяющим определить подобную неисполнительность как халатность, являющуюся преступлением, предусмотренным ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Литература

1. Вступительное слово В.В. Путина на заседании Совета при Президенте по борьбе с коррупцией 12 января 2004 г. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/22279> (дата обращения: 13.06.2017).
2. Дело № 1-139/2010. Приговор от 29 июля 2010 г. Сретенского районного суда Забайкаль-

ского края. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 13.06.2017).

3. Дело № 1-576/2010. Приговор от 5 октября 2010 г. Орджоникидзево районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 13.06.2017).

4. Михалева Д.А. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с заведомо ложным сообщением об акте терроризма // Бизнес в законе. 2007. № 1.

5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 18 апреля 2002 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21567> (дата обращения: 13.06.2017).

6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 16 мая 2003 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21998> (дата обращения: 13.06.2017).

Н.В. Шухова, канд. техн. наук, доцент
Новосибирский военный институт имени генерала
армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации

К вопросу о структуре науки криминалистики

Более чем за век существования криминалистика, имея черты прикладной науки, в своем развитии прошла этапы, определенные потребностями становления судопроизводства, совершенствования криминалистической техники и методов; необходимостью освоения и внедрения научных достижений собственных и других наук, накоплением и обобщением практического опыта криминалистов и следователей; вопросами изменений организации деятельности правоохранительных структур, оказывающих влияние на сам процесс работы со следами преступной деятельности и формирования доказательств по делу.

Обсуждаемым здесь является то, что на фоне преобразований последнего времени в среде ученых-криминалистов к вопросу о структуре криминалистики сохранились разные подходы: наряду с классической четырехзвенной системой рассматриваются пятизвенная и иные варианты.

Криминалистика в четырех частях охватывает общие положения криминалистики, криминалистическую технику, криминалистическую тактику, методику расследования отдельных видов преступлений.

Рассматривая вопрос самостоятельного выделения пятой структурной части, предназначенной для изучения криминалистических вопросов организации раскрытия и расследования преступлений, на наш взгляд, важно учесть мнение вид-

ного ученого-криминалиста России А.Г. Филиппова, который появление пятого раздела криминалистики [5, с. 33] называет новым, вполне закономерным шагом развития данной дисциплины. К пятому разделу относят такие вопросы, как разыскная работа следователя; криминалистические версии и планирование; взаимодействие следователя с органами дознания и другими участниками раскрытия и расследования преступлений; криминалистическая регистрация; изучение личности обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, использование полиграфа, невербальной информации; использование помощи населения и средств СМИ в раскрытии и расследовании преступлений; предварительная проверка материалов о преступлении; профилактическая работа следователя; криминалистическое прогнозирование; программирование и алгоритмизация расследования и некоторые другие [3, с. 205].

Эту точку зрения поддерживает также профессор В.В. Агафонов [1, с. 16], рассматривая в своей статье основные этапы эволюционирования знаний в криминалистике. Он указывает, что 70% авторов проанализированных им 48 статей за 2001-2014 гг. придерживаются аналогичных взглядов, т.к. некоторые темы, например, криминалистические учеты, не умещаются в рамки раздела «Криминалистическая техника» в четырехзвенной структуре, и разъясняет также, почему пятый раздел криминалистики не стоит смешивать с понятием научной организации труда.

Криминалистика как дисциплина в системе юридического образования, получаемого, прежде всего, будущими сотрудниками правоохранительных структур и силовых ведомств, является одним из важнейших предметов, относящихся к уголовно-правовому блоку дисциплин. Поэтому,

аргументируя мнение об актуальности пятизвенной системы в дискуссии о структуре криминалистики, стоит сказать о реформе правоохранительных органов 2016 г., согласно которой круг задач, поставленных перед сотрудниками ряда правоохранительных структур, например, для МВД, претерпел значительные изменения; в это же время была создана Росгвардия, и круг задач, стоящих перед военнослужащими, достаточно расширился, что обозначено в Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». В интервью ТАСС 31 марта 2017 г. первый заместитель главнокомандующего Росгвардией генерал-полковник С. Меликов сказал, что построение службы завершится к январю 2018 г. и «будут выработаны все основные регламентирующие деятельность нормативно-правовые акты, в том числе по взаимодействию с другими силовыми структурами».

Сравнивая задачи, стоящие перед Росгвардией и МВД России, авторы А.В. Бецков и В.В. Зыков [2, с. 6] усматривают их сходство и обосновывают необходимость организованного взаимодействия между правоохранительными органами и силовыми ведомствами по организации исполнения обозначенных в действующем законодательстве задач.

Вопросы организации раскрытия и расследования преступлений, включая их криминалистическое обеспечение, в новых условиях имеют большое значение. Это обстоятельство ставит перед необходимостью приведения структуры криминалистики в соответствие с вызовами времени и заставляет обратиться в предпочтениях к пятизвенной структуре криминалистики при преподавании дисциплины в таком виде только в вузах правоохранительных и силовых ведомств. На наш взгляд, пятый раздел соответствует наиболее требованиям по формированию компетенций [4, с. 46; 6, с. 332] выпускников вузов войск нацио-

нальной гвардии России, МВД РФ и вузов других правоохранительных структур.

Литература

1. Агафонов В.В. К вопросу о месте организации раскрытия и расследования преступлений в системе криминалистики // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: материалы Всерос. научно-практ. конф-ции (Орёл, 29 мая 2015 г.): сб. ст. Орел: Орловский юрид. ин-т МВД России имени В.В. Лукьянова. 2015, С. 16-19.

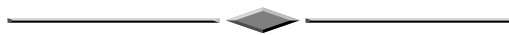
2. Бецков А.В., Зыков В.В. Концептуальные основы взаимодействия МВД России с войсками национальной гвардии России при совместном выполнении оперативно-служебных (боевых) задач // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4 (40). С. 5-9.

3. Кардашевская М.В. Организация расследования преступлений в структуре криминалистики // Вестник МУ МВД России. 2015. № 8. С. 204-206.

4. Снигирев А.Л. Компетентностный подход в образовательном процессе военного вуза // Инновации в образовании. 2011. № 7. С. 46-50.

5. Филиппов А.Г. Еще раз об одной неактуальной проблеме // Вестник МУ МВД России. 2015. № 10. С. 33-34.

6. Шухова Н.В. О некоторых факторах, определяющих особенности образовательного процесса в вузе войск национальной гвардии Российской Федерации // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии РФ: матлы VIII межвуз. научно-практ. конф-ции с международ. участием (Новосибирск, 29 дек. 2016 г.): сб. науч. ст. / под общ. ред. генерал-майора С.А. Куценко. Новосибирск: НВИ им. генерала армии И.К. Яковлева ВНГ РФ, 2017. Ч. 2. С. 331-333.

В.Л. Юань

Западно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия (г. Томск)

О современных подходах к криминалистическому исследованию личности допрашиваемого

В современной отечественной криминалистической науке сложилось пять основных подходов к криминалистическому исследованию личности допрашиваемого. В каждом подходе предлагается определенное понимание структуры личности допрашиваемого, из которой вытекает совокупность методов криминалистического его исследования. С позиции первого подхода криминалистическое значение имеют отдельные элементы психологии личности допрашиваемого: темперамент, волевые качества, эмоциональные особенности, привычки и т.п. Такой позиции придерживаются Н.Т. Ведерников [4, с. 7], Л.М. Карнеева, А.Н. Васильев [3, с. 12-13], В.Ф. Глазырин [5, с. 12] и др. В ракурсе второго подхода предлагается изучать индивидуально-психологические особенности личности допрашиваемого. Сторонниками данного подхода являются А.В. Дулов, П.Д. Нестеренко и др. [7, с. 87]. В рамках третьего подхода психология личности допрашиваемого рассматривается как определенная система, со своей структурой и элементами. В качестве сторонников данного подхода можно выделить Г.Г. Доспулова и др. [6, с. 22-23]. Согласно положениям четвертого подхода, изучение личности допрашиваемого рекомендуется осуществлять посредством определения личностной ориентации на предрасположенность к общению. В рамках данного подхода предлагается дихотомическая типология личности, в рамках которой люди делятся на эмоциональные и рациональные типы. Положения данного подхода поддерживаются И.Т. Кривошеиным и др. [8, с. 99-101]. В пятом подходе содержатся рекомендации изучения личности допрашиваемого в рамках типологии акцентуации характера. С позицией данного подхода согласны Р.Л. Ахмедшин [2, с. 17-18], Т.А. Алексеева [1, с. 159-161] и др.

Каждый из упомянутых подходов имеет свои недостатки и преимущества. Так, авторы первого подхода выдвигали определенное устойчивое свойство личности допрашиваемого в качестве основного и ведущего, предлагая изучать именно его. Анализ данного подхода показывает, что его сторонники делают упор на производительность, а не на глубину исследования личности допраши-

ваемого. Преимуществом данного подхода является простота в понимании и использовании в следственной практике, что связано с отсутствием необходимости применять глубокие специальные знания. Недостатком данного подхода является неясность критериев выделения того или иного элемента или ряда элементов, рекомендованных к изучению.

В рамках второго подхода содержится предложение изучать индивидуально-психологические особенности личности допрашиваемого. Согласно положениям данного подхода знание специфических особенностей психологии личности допрашиваемого позволяет решить криминалистические задачи подготовки к допросу такого допрашиваемого. Достоинствами рассматриваемого подхода являются его узкая специализированность, обеспечивающая решение частных криминалистических задач допроса и возможность уложиться в сжатые сроки. Недостатком данного подхода является то, что содержание понятия «индивидуально-психологические особенности» не раскрывается в полном объеме. Еще одним недостатком рассматриваемого подхода является то, что изучение индивидуально-психологических особенностей не дает представлений о том, как они проявятся на допросе, поскольку известно, что поведение допрашиваемого вне допроса существенно отличается от того поведения, которое он демонстрирует на допросе [5, с. 28].

Третий подход, согласно которому психология личности допрашиваемого рассматривается как определенная система со своей структурой и элементами, предлагает прямое заимствование и использование психологической структуры личности, разработанной в общей психологии. Преимуществом данного подхода является системность в изучении личности допрашиваемого. В то же время здесь предлагается напрямую заимствовать психологические знания, что может привести к сложностям в ее применении на практике.

Основная идея четвертого подхода изучения личности допрашиваемого до допроса заключается в определении личностной ориентации на предрасположенность к общению. В рамках данного подхода предлагается типология, в которой выделяются два типа: эмоциональный и рациональный. Преимуществами данного подхода является достаточно широкий охват криминалистически значимых свойств личности, а также легкая для усвоения и простая для применения в следственной практике типология. Вместе с тем недостатком данного подхода является незначительное количество групп.

Пятый подход, как и предыдущий, основан на типологии. В отличие от предлагаемой предыдущим подходом типологии данный подход исходит из исследования личности в рамках типологии акцентуаций характера. В рассматриваемом подходе предлагается более разнообразное количество типов (десять основных групп). Согласно положениям данного подхода, владея знанием о том, к какому типу относится допрашиваемый, можно определить, к каким методам психологического воздействия он будет наиболее или наименее устойчив, что позволит обеспечить эффективность решения криминалистических задач подготовки к допросу. Достоинством данного подхода является широкий диапазон применения предложенной типологии и значительная глубина исследования. Недостатком рассматриваемого подхода является сложность в понимании и применении по сравнению с типологией, предлагаемой в рамках предыдущего подхода.

Таким образом, у каждого подхода к криминалистическому исследованию личности допрашиваемого имеются свои преимущества и недостатки, которые целесообразно учитывать в контексте особенностей, условий и обстоятельств конкретной следственной ситуации.

Литература

1. Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 159-161.
2. Ахмедшин Р.Л. Адаптация в криминалистике акцентуированной типологии личности // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул, 2014. С. 17-18.
3. Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература, 1970. 208 с.
4. Ведерников Н.Т. Изучение личности преступника в процессе расследования. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1968. 84 с.
5. Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий: учеб. пособие. Свердловск: Изд-во Свердловского юрид. ин-та, 1973. 156 с.
6. Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. М.: Юридическая литература, 1976. 110 с.
7. Дулов А.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий. Минск: Вышэйшая школа, 1971. 272 с.
8. Кривошеин И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 114 с.

Б.П. Юдин

*Алтайский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Криминалистически значимая информация на месте пожара

По сведениям МЧС России, за период с января по июнь 2017 г. в России произошло 64 921 пожар. В ходе расследования не установлены причины возникновения пожара в 1 461 случае, но в большинстве своем причины пожара установлены. Этому способствовало качественное производство осмотров мест происшествий и обнаружение криминалистически значимой информации на месте пожара [5].

Чаще всего следователь, прибыв на место пожара и увидев значительные разрушения, зада-

ет вопрос о лице, виновном в возникновении пожара, а специалист, прибывший вместе с ним, ставит вопрос о причине возникновения пожара. Только активная, совместная работа следователя и специалиста по отысканию, фиксации и изъятию для последующего исследования криминалистически значимой информации позволит ответить на поставленные ими вопросы.

Некоторые авторы [1, 3, 4] дают классификацию следов, оставшихся после пожара. На наш взгляд, весь массив информации можно разбить на следующие группы:

- 1) традиционные для трасологии следы;
- 2) нетрадиционные для трасологии следы;
- 3) следы горения и воздействия высокой температуры;
- 4) следы преступных действий по иницированию горения.

К первой группе необходимо отнести *следы рук*. Они на пожаре сохраняются не всегда и не везде, но искать их имеет смысл. Специальными методами они обнаруживаются даже под слоем копоти на эмали при нагревании до 400°C, на стекле – до 600°C, на других несгораемых поверхностях – до 850°C. *Следы ног*, по которым можно определить пол, рост, возраст и состояние человека, направление его движения. *Следы транспортных средств* позволят установить, на каком автомобиле приехали преступники, вывозили материальные ценности. *Следы орудий взлома* позволят установить, каким орудием взлома пользовался преступник, какого он был роста и физической силы.

Ко второй группе следов необходимо отнести *сгоревшие бумаги и документы*, которые сохраняют на себе надписи до момента собственного разрушения. *Следы биологического происхождения*. Так, при нагревании кровь вспучивается. Цвет ее становится буро-черным, а затем черным. Реакцией на перекись водорода кровь продолжает определяться при ее нагревании примерно до 250°C. *Следы оплавления электропроводки* под воздействием высокой температуры и короткого замыкания. В результате короткого замыкания металл электропроводника плавится и кипит. Поэтому на проводнике образуются характерные шарики, имеющие кратеры. В зависимости от угла расположения проводников на них можно видеть остроконечные срезы или углубления.

К третьей группе необходимо отнести *признаки очага пожара* [1-3]. *Конвективные признаки*. Интенсивное движение потоков воздуха начинается с момента возникновения пожара. Конвективные потоки с высокой температурой нагревают на путях своего распространения конструкции, предметы и материалы, что может вызвать их воспламенение, а также деформацию и разрушение негорючих элементов и частей здания. Именно поэтому в зоне конвективной струи от очага возникают термические поражения материалов и конструкций, часто имеющие локальный характер. На потолке над очагом эти термические поражения в идеальном случае приобретают форму круга, а на боковых поверхностях – форму конуса, вершина которого обращена вниз, т.е. в сторону очага.

Признаки, сформированные излучением тепла. Под действием лучистой энергии может со стороны очага происходить заметный односторонний нагрев и разрушение конструкций, что характеризует направленность распространения горения. Те части конструкций, которые направлены в сторону очага, в результате получают

большие термические поражения. Поэтому сгораемые материалы обугливаются глубже со стороны более интенсивного теплового воздействия.

Признаки *кондукции* связаны с теплопроводностью материалов и, прежде всего, металлов. За счет прогрева металла кондукция может формировать очаговые признаки на внешней поверхности кузова автомобиля, на борту морского судна и в других подобных ситуациях [1].

Признаки *направленности распространения* горения могут быть расположены на значительном удалении от очага, иногда в пределах всей зоны пожара. При распространении горения по горизонтали можно заметить, что с удалением от очага разрушения они уменьшаются и, наоборот, нарастают с приближением к очагу. Это основной признак направленности распространения горения. Признаки развития горения по вертикали: тепловые потоки, дым, продукты горения распространяются вверх, поэтому очаг можно найти в самой нижней точке со следами горения.

К следам преступных действий по иницированию горения следует отнести:

- наличие в очаговой зоне устройств и приспособлений для поджога;
- наличие на месте пожара нескольких изолированных друг от друга очагов пожара;
- наличие останков инициаторов горения;
- характерную динамику развития горения;
- искусственные условия, способствующие распространению пожара (поджигатели часто открывают противопожарные двери, сбивают штукатурку, чтобы обнажить деревянные конструкции, сверлят отверстия в междуэтажных перекрытиях или в стенах между помещениями, чтобы увеличить скорость распространения горения; с этой же целью могут быть включены вентиляторы).

Литература

1. Галишев М.А., Моторыгин Ю.Д., Шаропов С.В., Толстых В.И., Кондратьев С.А., Белобратова В.И., Воронова В.Б. Расследование пожара: методические рекомендации по изучению дисциплины и задание для выполнения контрольной работы для слушателей заочного отделения / под общей ред. В.С. Артамонова. СПб.: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России, 2007. 141 с.
2. Осмотр места пожара: метод. пособие / под ред. И.Д. Чешко. М., 2004. 308 с.
3. Пожарно-техническая экспертиза / А.И. Федотов, А.П. Ливчиков, Л.Н. Ульянов. М.: Стройиздат, 1986. 271 с.

4. Попов И.А. Расследование пожаров: правовое регулирование. Организация и методика: учеб. пособие. М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1998. 310 с.

5. Сведения о пожарах и их последствиях за январь-июнь 2017 г. URL: http://www.mchs.gov.ru/activities/stats/Pozhari/2017_god (дата обращения: 23.09.2017).

М.О. Ясенева

Барнаульский юридический институт МВД России

Личность преступника как элемент криминалистической характеристики нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутом административному наказанию

Н.Т. Ведерниковым, М.Г. Коршиком, А.С. Кривошеевым, П.П. Цветковым и другими учеными в 60-70 гг. прошлого столетия были проведены циклы исследований, посвященные личности обвиняемого, которые послужили основой для формирования изучения личности как отдельного направления в криминалистике.

Процесс раскрытия преступления представляет собой целенаправленное движение от полученной первоначальной информации о деянии к установлению лица, его совершившего. Содержание этой работы в значительной степени зависит от криминалистической характеристики преступления [2, с. 83].

Изучив криминалистическую литературу, можно сделать вывод, что все авторы, изучающие вопросы криминалистической характеристики преступления, включают в число элементов криминалистической характеристики преступления личность преступника, и наше исследование¹ не будет исключением.

Сегодня в криминалистике понятие «личность преступника» охватывает систему биологических (антропологических, анатомических, биохимических, функциональных), социальных (общегражданских, семейно-бытовых, профессиональных, антиобщественных) и психических (психологических, психопатологических) свойств

¹ Основой для написания данной статьи послужил анализ 100 уголовных дел, расследовавшихся с июля 2015 г. по июнь 2017 г. на территории Алтайского края. Кроме того, изучено около 40 уголовных дел, прекращенных и приостановленных по различным основаниям.

человека, сведения о которых отражены в окружающей среде и могут оказать существенное влияние на организацию поисково-познавательной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений [1, с. 6-7].

Личность нарушителя правил дорожного движения, подвергнутого административному наказанию, представляет собой вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет (ст. 19 и 20 УК РФ). Большинство таких преступлений совершается мужчинами (88 уголовных дел), реже – женщинами (12 уголовных дел). Это обусловливается тем, что подавляющее большинство водителей транспортных средств являются мужчинами. Однако необходимо учитывать ежегодное увеличение количества транспорта и изменения в соотношении количества мужчин и женщин за рулем, что не может не сказаться на постепенном росте количества нарушений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ.

Согласно материалам уголовных дел, 5 человек имеют высшее образование, 42 человека – среднее профессиональное, 45 человек – среднее общее и 8 человек из 100 – иной вид образования. Можно сделать вывод, что лица, нарушавшие правила дорожного движения ранее, будучи подвергнутыми административному наказанию, имели низкий образовательный уровень.

Возрастная характеристика выступает индикатором уровня развития лица. Среди 100 нарушителей в возрасте от 30 лет и старше была зафиксирована большая группа из 55 человек. Недалеко от них находятся лица в возрасте 25-29 лет – 36 человек, а 9 человек находились в возрасте 18-24 лет.

По сферам профессиональной деятельности нарушители разделились следующим образом: наемные рабочие – 28 человек; служащие – 2 человека; учащиеся и студенты – 2 человека; частные предприниматели – 4 человека; фермеры – 1 человек; пенсионеры – 7 человек; безработные – 3 человека; лица без постоянного источника дохода – 40 человек; лица трудоспособные, но не работающие – 13 человек.

По семейному положению большинство нарушителей состоят в официальных браках – 37 человек, 35 человек проживают в стадии фактических брачных отношений, 28 человек – холосты (не замужем) или разведены.

Анализ уголовных дел, проведенный нами, показал, что 49 человек ранее уже совершали преступления, из них ранее судимы – 21, в т.ч. с рецидивом – 11.

подавляющая часть преступлений была совершена в состоянии алкогольного опьянения – 97 уголовных дел, наркотического опьянения – 3 уголовных дела.

Необходимо отметить, что один нарушитель состоял на учете в наркологическом диспансере в связи с алкоголизмом, два нарушителя состояли на учете в наркологическом диспансере в связи с наркоманией.

Большинство нарушителей получают удовлетворение от самого процесса преступной деятельности, нередко связанного с риском, провоцирующим выброс адреналина. Это своего рода игра с сотрудниками ГИБДД (поймают – не поймают). Одним из отличительных качеств личности нарушителя правил дорожного движения является устойчивость антиобщественной направленности поведения, взглядов, привычек, которые проявляются в повторном совершении правонарушений и преступлений. Многие из таких водителей уже лишены водительского удостоверения на 20, а то и 40 лет вперед, но их это не останавливает, они продолжают управлять транспортным средством без соответствующих документов и совершать противоправные действия, запрещенные законами РФ.

Мотивы и цели подобного поведения могут быть различными, и для его квалификации значения не имеют, но могут учитываться судом при назначении наказания. Главное, что виновный, управляя автомобилем или иным транспортным средством в состоянии опьянения, осознает, что нарушает запреты, содержащиеся в правилах дорожного движения, понимает, что ранее уже был наказан за подобное нарушение и желает так поступать.

Данное свидетельствует о расхлябанности некоторых водителей, их полной безответственности и аморальном поведении по отношению как к закону, так и обществу в целом [3, с. 55].

Необходимо сделать вывод, что знание характеристики личности нарушителя правил дорожного движения, подвергнутого административному наказанию, способствует правильной разработке тактики производства отдельных следственных действий, что поможет эффективно направлять уголовные дела в суд.

Литература

1. Криминалистическое изучение личности: научно-практ. пособие для магистров / отв. ред. Я.В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016. 224 с.
2. Филиппов А.Г. Проблемы криминалистики. Избранные статьи. М.: Юрлитинформ, 2007. 352 с.
3. Яковлева Е.О. Личность водителя и ситуация в механизме совершения дорожно-транспортных преступлений: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю.М. Антояна. М.: Юрлитинформ, 2016. 192 с.

Содержание

<i>Алексеева Т.А.</i> Использование типологического подхода при проведении психофизиологического исследования (на примере эпилептоида и истероида)-----	3
<i>Алехин А.Н., Черкасова Е.С.</i> Взаимосвязь парафилии и противоправного поведения: некоторые проблемы установления -----	4
<i>Анешева А.Т., Сидорова К.С.</i> Проверка сообщения о совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ-----	6
<i>Ануфриева Е.А., Ладюшкин А.С.</i> Предмет преступного посягательства по делам о преступлениях, связанных с формированием доказательств в гражданском и арбитражном процессе -----	9
<i>Архипова Н.А.</i> Подготовительный этап производства получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами-----	10
<i>Ахмедшин Р.Л.</i> О целесообразности некоторых тактических заимствований приемов наглядно-образной фиксации результатов осмотра места происшествия -----	12
<i>Балко В.И.</i> Приемы получения отображения папиллярной поверхности ног при традиционном подходе дактилоскопирования-----	14
<i>Бартнев Е.А., Гадельшин Р.И.</i> К вопросу о тактических приемах преодоления ложных показаний при допросе-----	16
<i>Бахтеев Д.В.</i> О некоторых способах сокрытия и обнаружения компьютерной информации -----	18
<i>Баянов А.И.</i> Свобода или обоснованность выбора тактики допроса -----	19
<i>Бирюков В.В.</i> Криминалистические характеристики: виды, значение, потенциал -----	21
<i>Бойко М.А.</i> Типичные ситуации судебного следствия по делам о преступлениях, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью, и алгоритм их разрешения -----	24
<i>Брызгалов Г.Е.</i> К вопросу об особенностях хищений денежных средств с банковских счетов физических лиц, совершаемых с использованием вредоносных программ -----	28
<i>Демидова Т.В., Гольцев Д.С.</i> Проблемные вопросы расследования преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства -----	30
<i>Деревянская Т.П.</i> Биологически активные добавки как предмет криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 238 ¹ УК РФ-----	31
<i>Ерахмилевич В.В.</i> Проблемы выявления и расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых с использованием интернет-ресурсов-----	33
<i>Зиборова О.С.</i> Судебно-медицинская экспертиза по преступлениям в сфере торговли женщинами с целью сексуальной эксплуатации -----	35
<i>Зубенко Е.В., Карпунин Р.С.</i> К вопросу об алгоритме установления личности подсудимого мировым судьей по делам частного обвинения -----	37
<i>Иванов И.В.</i> Возможности ситуационного анализа при изучении личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе производства следственных действий-----	39
<i>Иванова И.Г.</i> «Адвокатская карусель» как способ противодействия лицам, осуществляющим уголовное преследование-----	40
<i>Ильина И.Я.</i> Ситуации судебного следствия по делам о розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции-----	42
<i>Кабанова Ж.Ю.</i> О создании криминалистических методик по преступлениям, совершаемым в уголовно-исполнительной системе -----	43
<i>Каримов В.Х.</i> Перспективы развития криминалистической регистрации -----	45

<i>Ким Д.В.</i> Развитие ситуационного подхода как реализация идей В.К. Гавло -----	47
<i>Князьков А.С.</i> Криминалистические цели следственного действия как средство адаптационного взаимодействия криминалистической методики и криминалистической тактики -----	49
<i>Комаров И.М.</i> К вопросу о современной криминалистической дидактике -----	51
<i>Коровин Н.К.</i> Тактические особенности подготовительного этапа проверки показаний на месте при расследовании убийств -----	53
<i>Корчагин А.А.</i> Использование данных психологии в расследовании убийств -----	55
<i>Космодемьянская Е.Е.</i> Проблемы расследования незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и возможные пути их решения ----	57
<i>Кругликова О.В.</i> К вопросу о способах совершения мошенничеств в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ)----	59
<i>Ломакина А.А.</i> Приоритетные направления разработки организационно-тактических особенностей допроса несовершеннолетних потерпевших по делам о половой неприкосновенности личности -----	60
<i>Маилякевич В.А.</i> К вопросу об электронно-цифровых следах, образующихся при совершении мошенничеств с использованием средств телефонной связи -----	62
<i>Мизунов О.С.</i> К вопросу о проблемах, возникающих при расследовании преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия ограниченного поражения -----	64
<i>Михалева Д.А.</i> Допрос потерпевшего при расследовании угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью -----	65
<i>Овсянников В.В.</i> О возможности обнаружения следов рук человека на объектах вещной обстановки в ходе осмотров мест происшествий, сопряженных с пожаром -----	67
<i>Ондар Д.С.</i> Некоторые вопросы первоначального этапа расследования краж из жилища в сельской местности в специфических условиях жизнедеятельности населения -----	68
<i>Остробородов В.В., Беседина Е.Б.</i> Некоторые особенности совершения преступлений на фоне психических расстройств у лиц, находящихся на принудительном лечении в отделении специализированного типа -----	70
<i>Отаров А.А.</i> О справочном обеспечении деятельности по фиксации доказательственной информации -----	71
<i>Русанов Н.Ю.</i> Особенности проведения следственного действия «осмотр наркотических средств и психотропных веществ»-----	73
<i>Сажаяев А.М.</i> О задачах, решаемых в ходе осмотра места происшествия-----	74
<i>Степанов С.А., Хомяков И.Д.</i> Расследование насильственных преступлений, совершенных военнослужащими войск национальной гвардии-----	76
<i>Стукалин В.Б., Стукалин И.В.</i> Ещё раз к содержанию постановления о назначении экспертизы -----	78
<i>Тимошенко С.Е., Смирнова И.С.</i> Значение судебной лингвистической экспертизы при производстве по уголовным делам -----	79
<i>Фоминых И.С.</i> Проблемы формализации данных о способе расчленения тела человека -----	81
<i>Хакимов Н.А.</i> Применение видеозаписи и видеонаблюдения для фиксации невербальных признаков поведения допрашиваемого-----	83
<i>Чайковская Ю.Е.</i> Тактические приемы преодоления противодействия несовершеннолетнего потерпевшего при допросе по делам о вовлечении его в совершение преступления-----	84
<i>Шепель Н.В.</i> Возможности фототехнической диагностики при раскрытии и расследовании преступлений ----	87
<i>Шкурихина Н.В.</i> К вопросу о некоторых элементах криминалистической характеристики халатности -----	89
<i>Шухова Н.В.</i> К вопросу о структуре науки криминалистики-----	91
<i>Юань В.Л.</i> О современных подходах к криминалистическому исследованию личности допрашиваемого -----	93
<i>Юдин Б.П.</i> Криминалистически значимая информация на месте пожара-----	94
<i>Ясенева М.О.</i> Личность преступника как элемент криминалистической характеристики нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию -----	96

Научное издание

Под ред. канд. юрид. наук
Кругликовой Олеси Васильевны

МАТЕРИАЛЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

Редактор	Ю.С. Жолобова
Корректурa	С.В. Калининой
Компьютерная верстка	Ю.С. Жолобовой

Лицензия ЛР № 0221352 от 14.07.1999 г.
Лицензия Плр № 020109 от 05.07.1999 г.

Подписано в печать 22.11.2017 г.
Усл. п.л. 12,5. Тираж 110 экз. Заказ № 545.
Формат 60 x 84/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Cambria».
Барнаулский юридический институт МВД России.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.